МАРТЫНОВ

ЦАРСКАЯ АРМИЯ В Февральском ПЕРЕВОРОТЕ

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ГП181
М319

ШТАБ Р. К. К. А.

НАУЧНО-УСТАВНОЙ ОТДЕЛ

ГИ181
М319 р

Е. И. МАРТЫНОВ

ЦАРСКАЯ АРМИЯ В ФЕВРАЛЬСКОМ ПЕРЕВОРОТЕ

ИЗДАНИЕ ВОЕННОЙ ТИПОГРАФИИ УПР. ДЕЛАМИ НАРКОМВОЕНМОР и РВС СССР
1927

ИЗДАНИЯ ВОЕННОЙ ТИПОГРАФИИ
УПРАВЛЕНИЯ ДЕЛАМИ НКВМ и РВС СССР

* **Б. СВЯТЛОВСКИЙ.** — „Экономика войны". 484 стр. Ц. 3 р. 50 к.

* **ПОЛИТГРАМОТА ДЛЯ КРАСНОАРМЕЙЦЕВ.**—Стр. 244. 4 портр. Ц. 65 к. (в перепл. на 30 к. дороже).

* **ФИЗИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА БОЙЦА.**— Пособие для млад. и сред. комсостава РККА и для красноарм. физкульт. актива. Стр. 208. 324 рис. Ц. 1 р.

* **БОРЬБА ПЕХОТЫ С ВОЗДУШНЫМ ВРАГОМ.**—Одобрено Инспекц. Пехоты РККА. 1927 г. Стр. 262. Ц. 2 р. 75 к.

ДЖИУ-ДЖИТЦУ.—Руководство защиты и напа дения без оружия. Стр. 152, 82 рис. Ц. 75 к. (Пр дается по официальным требованиям).

УЧЕБНИК ОТДЕЛЕННОГО КОМАНДИР ПЕХОТЫ РККА. — Труд Инспекции Пехот РККА. Стр. 992, черт. 569, 3 портр. Ц. 2 р. 50 (в прочном переплете на 40 к. дороже).

СТРЕЛКОВОЕ ДЕЛО.—Под ред. С. С. Каменев Стр. 160, рис. и фот. 66. Ц. 1 р. 60 к.

* **ЗАКОН ОБ ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ ВОЕННО СЛУЖБЕ.** — Исправлено по 1 января 1927 год Ц. 15 к.

ТРУДЫ УПРАВЛЕНИЯ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ И ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ОПЫТА ВОЙН И НАУЧНО-УСТАВНОГО ОТДЕЛА ШТАБА РККА.

* **Полев, Н.** — Командный состав РККА и иностранных армий. Стр. 220. Ц. 1 р. 35 к.

* **Сыромятников, А.** — Действия войск ночью (с 24 чер. и 2 сх.). Стр. 198. Ц. 85 к.

* **Шарсков, И.** — Очерк тактического применения войсковой артиллерии (корпусной, дивизионной, полковой, батальонной и конной). Стр. 168. Ц. 90 к.

* **Польский устав пулеметных рот.** — Пер. под ред. Н. М. Филатова. Стр. 146. Ц. 85 к.

* **Свенцицкий и Шильдбах.** — Военные разведки. Стр. 280. Ц. 1 р. 60 к. (в пер. 2 р.).

* **Германский устав.** — Вождение и бой соединен. родов войск. Стр. 208. Ц. 1 р. 30 к. (в пер. 1 р. 70 к.)

* **Моичин, Н.** — Комплектование Красной армии. Стр. 292. Ц. 1 р. 75 к. (в пер.).

* **Федоренко, Л.**—Боевая служба современной конницы. Стр. 114. Ц. 80 к. (в пер. 1 р. 20 к.).

* **Захаров, М.**—Национальное строительство в Красной армии. Стр. 90. Ц. 50 к. (в переплете 90 к.).

* **Оликов, В.** — Дезертирство в Красной армии. Стр. 128. Ц. 1 р. (в пер.).

* **Петров, М.** — Морская оборона берегов в опыте последних войн. Стр. 208, 20 схем. Ц. 1 р. 25 к. (в пер. 1 р. 75 к.).

* **Черкасов, П.** — Штурм Перемышля в 1914 году. Стр. 176, 4 схемы. Ц. 1 р. 10 к. (в переплете 1 р. 50 к.).

* **Рогвольд, В.** — Усиленная разведка Маркграбова. Стр. 48. Ц. 40 к.

* **Гай, Г. Д.** — Первый удар по Колчаку. Стр. 98. Ц. 75 к.

Зайончковский, А. М. — Подготовка России Мировой войне в международном отношении Стр. 400. Ц. 2 р. 25 к. (в пер.).

Надежный, Д. — Бои 10-й пехотной дивизии по Луцком. Стр. 68, 4 схемы. Ц. 60 к.

Цейтлин, В. — Вопросы связи в стратегически операциях. Стр. 196, 8 схем. Ц. 2 р. (в пер.) (Продается по официальным требованиям).

Эстрейхер - Егоров, Р. А. — Опыт советизаци тыла на Польском фронте в 1921 г. Стр. 114 Ц. 1 р. 10 к. (в пер.). (Продается по офиц требованиям).

Иванов, Вл.—Служба материальной части артил лерии по опыту Мировой и Гражданской вой 1914—1920 г.г. Стр. 100. Ц. 90 к. (в пер.).

Федоренко, Л. — Основы территориального стро ительства Красной конницы. С предисловием С. М. Буденного. Стр. 119. Ц. 95 к. (в пер.).

Рогвольд, В. — Конница I армии в Восточной Пруссии (авг. - сент. 1914 г.). Стр. 180, 12 схем в тексте и 12 схем в приложении. Ц. 1 р. 80 к. (в пер.).

Бонч - Бруевич, М. — Потеря Галиции в 1915 г Часть II. Катастрофа в III армии. Стр. 268, 4 сх Ц. 2 р. (в пер.).

* **Соколов - Страхов, К. И.** — Зимняя кампания в Карелии. Стр. 162. Ц. 1 р. 50 к. (в пер. на 40 к дороже).

* **Буше.**—Основы подготовки великой войны. Перев с франц., под ред. В. А. Меликова. Ц. 1 р.

* **Топорков, А.** — Метод военных знаний. Стр. 191 Ц. 1 р.

* **Мартынов, Е. И.** — Корнилов (попытка военного переворота). Ц. 1 р. 50 к. (в пер. 1 р. 80 к.).

* **Мартынов, Е. И.** — Царская армия в февральском перевороте.

Отмеченные звездочкой издания — новинки.

СССР Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ШТАБ РККА
НАУЧНО-УСТАВНОЙ ОТДЕЛ

ГИ 181
М 319 р

Е. И. МАРТЫНОВ

ЦАРСКАЯ АРМИЯ В ФЕВРАЛЬСКОМ ПЕРЕВОРОТЕ.

„Пусть погибнет Россия, лишь бы осталась нетронутой неограниченная власть".
ГЕРЦЕН. (Девиз царствования Николая I)

ИЗДАНИЕ ВОЕННОЙ ТИПОГРАФИИ УПР.
ДЕЛАМИ НАРКОМВОЕНМОР и РВС СССР
1927

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

ГИ181
М319 р

ВОЕННАЯ
ТИПОГРАФИЯ
УПРАВЛ. ДЕЛАМИ
НАРКОМВОЕНМОР
И РВС СССР
Пл. Урицк., 10.
Ленинградский
Гублит № 25601.
Тир. 3000—13 п. л.
Заказ № 15.

БИБЛИОТЕКА
Ин-та Марксизма-Ленинизма
при ЦК ВКП(б)
69494

Библиотека
Института Ленина
при Ц.И. В.К.П. (б.)
35034
69494

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

ПРЕДИСЛОВИЕ 7

ОТ АВТОРА 15

I. **Армия перед Революцией** 17

Значение русской армии для успеха революции. Материальное и моральное состояние армии в начале 1917 года. Ненадежность ее в смысле обеспечения царской власти и капиталистического строя.

II. **Положение в Петрограде** 43

Борьба царского правительства с прогрессивным блоком думы. Вопрос о продолжении войны. Поддержка прогрессивного блока дипломатическими представителями Антанты. Попытка прогрессивного блока опереться на манифестации и петиции пролетариата. Подготовка дворцового переворота. Донесения департамента полиции. Петроградский пролетариат. Запасы муки в Петрограде. Петроградский гарнизон. Генералы Хабалов и Беляев. Петроградская полиция. Расписание на случай вызова войск.

III. **Революционные демонстрации на улицах**

Способ действий, предложенный бюро центрального комитета большевиков. Выезд государя, 22 февраля, в ставку. *23 февраля.* Начало демонстраций на Выборгской стороне. Передача власти военным начальникам. *24 февраля.* Движение демонстрантов к центру. Занятие пехотными частями пунктов, поименованных в расписании. *25 февраля.* Начало всеобщей забастовки. Прокламация большевиков. Демонстрации в центре. Столкновение демонстрантов с полицией и войсками. Донесения Хабалова, Беляева и Протопопова. Телеграмма государя о прекращении беспорядков. Разговор Родзянко с Голицыным. Совещание министров. *26 февраля.* Объявление Хабалова о действии оружием. Демонстрации после полудня. Стрельба войск в четырех пунктах. Вмешательство Родзянко. Бунт в Павловском полку. Телеграмма Родзянко государю об ответственном министерстве. Телеграмма Рузского. Высочайший указ о перерыве заседаний Думы. 66

IV. **Вооруженное восстание (День 27 февраля и ночь на 28 февраля)**

Бунт в Волынском и других полках. Объявление о перерыве заседаний Думы. Телеграмма Родзянко государю. Выступление вел. кн. Михаила Александровича. Решение государя. Развитие восстания. Сопротивление самокатного батальона. Распоряжения Хабалова и Беляева. Телеграмма кн. Голицына государю. Донесения Беляева. Телеграмма вел. кн. Михаила Александровича. Сосредоточение правительственных войск в адмиралтействе. Переход в Зимний дворец и возвращение в адмиралтейство. Образование Временного Комитета Думы. Штаб восстания и военная ко-

миссия Думы. Совет рабочих депутатов. Назначение Иванова Главнокомандующим в Петроград и распоряжение о посылке туда войск. 93

V. **Вооруженное восстание (День 28 февраля и ночь на 1 марта)**

Положение правительственных войск в адмиралтействе утром. Переговоры Иванова с Хабаловым. Роспуск войск по казармам в полдень. Последнее сопротивление самокатного батальона. Крейсер Аврора. Ораниенбаум. Стрельна и Царское Село. Первое пленарное собрание Совета Раб. депутатов. Манифестация войск. Солдатская секция Совета Раб. депутатов. Аресты. Указание Палеолога. Путешествие государя до Мал. Вишеры. Кронштадт. Распоряжения Иванова из Могилева и его переезд до ст. Дно. . 117

VI. **Признание новой власти (День 1 марта и ночь на 2 марта)**

Манифестации войск. Выступление великого князя Кирилла Владимировича. Офицерский митинг. Возбуждение солдат против офицеров. Заседание Совета Раб. Депутатов с солдатскими представителями. Приказ № 1. Переговоры о создании ответственного министерства. Попытка Родзянко проехать к государю. Прибытие государя в Псков. Доклад Рузского о положении. Телеграмма Алексеева с проектом манифеста об ответственном министерстве. Согласие государя. Возвращение войск, посланных на Петроград. Действия Иванова. Общие потери с 23 февраля по 1 марта. 133

VII. **Крушение монархического строя**

Решение Временного Комитета относительно отречения государя от престола в пользу сына. Разговор Рузского и Родзянко по прямому проводу. Выступление Алексеева. Давление на государя со стороны высших военных начальников. Согласие государя на отречение. Образование Временного Правительства. Речь Милюкова. Великие князья. Поездка Гучкова и Шульгина в Псков. Генерал Иванов. Переговоры делегатов с государем. Отказ от престола в пользу вел. кн. Михаила. Задержание манифеста и неудовольствие Алексеева. Отказ вел. кн. Михаила от престола. Причина крушения монархического строя. 149

VIII. **Арест царской семьи**

Отзыв государя о верноподданных. Поездка в Могилев. Согласие на передачу престола сыну. Постановление Совета об аресте Николая и прочих Романовых. Приказ вел. кн. Николая Николаевича. Письмо Гурко государю. Обещание Временного Правительства отпустить царскую семью заграницу. Разговор Марии Феодоровны с Виллиамсом. Письмо иностранных военных представителей. Телеграмма английского короля. Постановление Временного Правительства об аресте государя и императрицы. Прощание в Могилеве. Арест государя и доставка его в Царское Село. Арест императрицы. Просьба Милюкова—дать Николаю убежище в Англии. Переполох в Совете и соглашение с Временным Правительством. Командировка Мстиславского в Царское Село. Охрана арестованных. Приглашение английского правительства. Высылка Николая Николаевича в Крым. Признание Временного Правительства союзниками. 183

Заключение 205

1) Схематический план Петрограда с обозначением районов войсковой охраны.
2) Схема железных дорог между Петроградом и Могилевом.
3) Схема железных дорог между Царским селом, Гатчиной и Вырицей.
4) Факсимиле неотправленной телеграммы бывшего государя об отречении.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

„Стратегия в эпоху Наполеона I и в наше время". 1894 г. Переведено на немецкий язык *(Sarcotic)* в приложении к *„Strefflers Militärische Zeitschrift"*.

„Обязанности политики по отношению к стратегии". 1899 г.

„Исторический очерк развития древне-греческой тактики". (По древним авторам). 1900 г.

„Блокада Плевны" (По архивным материалам). 1900 г. Переведено на французский *(Cazalas)* и на сербский (Николич) языки.

„Как возникла Плевна". 1900 г. Переведено на французский язык *(Cazalas)*.

„Из печального опыта русско-японской войны". 1905 г. Переведено на немецкий *(Schwartz)*, французский *(Cheminon)*, болгарский *(Проданов)*, румынский *(Braescu)* и др. языки.

„Воспоминания о русско-японской войне командира пехотного полка". 1910 г. Переведено на французский *(Niessel)* и итальянский *(Tonelli)* языки.

„Сербы в войне с царем Фердинандом". 1913 г. Переведено на сербский язык (Бошкович).

„За что я был предан суду и осужден". 1914 г.

„Корнилов" (Попытка военного переворота). 1927 г.

И другие сочинения.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Книга Е. И. Мартынова обладает рядом крупных достоинств: автор добросовестно проработал большой материал, мемуарный и документальный, в значительной мере архивный; он проявляет в общем довольно правильный взгляд на характер революции и борьбу классов, отражением которой явилась внутренняя борьба в армии, на царя и его окружение, на высшее командование армии, на буржуазные партии и их вождей. Все это делает данную книгу несомненным вкладом в нашу общую литературу о февральской революции (именно о б щ у ю, а не специально военную, так как она в сущности является рассказом о февральском перевороте в его общих чертах).

Вместе с тем, однако, во избежание могущих возникнуть недоразумений, она нуждается в некоторых дополнениях, а ряд мест требует серьезных поправок или оговорок.

Прежде всего, автор значительно сузил свою задачу, ограничившись в своем анализе почти исключительно петроградским гарнизоном и действиями командующих фронтами. Он совершенно не коснулся того, как встречен был и отразился февральский переворот в провинциальных запасных частях и особенно на фронте.[1] Не исследованным также остался вопрос об отношении в этот момент армии и солдатской массы на фронте к войне. Наконец, мы не находим в книге ни слова о возникших немедленно после переворота солдатских и обще-армейских комитетах и советах (кроме солдатской фракции петербургского совета) и их роли в новой революционной жизни армии.

---

[1] Самый переворот, закончившийся в столицах и в большинстве городов к началу марта, в армии и особенно на фронте растянулся на более долгое время, осуществившись в одних местах раньше, в других позже, в одних — безболезненно, в других в насильственной форме. (См. ниже).

Правда, все это такие большие и важные темы, что они заслуживают особого исторического исследования. Но дело в том, что, не касаясь совершенно этих вопросов, нельзя выяснить подлинных настроений солдатских масс во время февральской революции, их чаяний, надежд и разочарований, и поэтому нельзя понять той основы, на которой имела такой успех агитация большевиков. В самом деле, во время первых манифестаций воинских частей к Государственной Думе на всех почти знаменах красовались лозунги „война до полной победы“ (в отличие от рабочих, стоявших в большинстве за мир); армейские делегаты первого совещания Советов (в начале апреля) тоже были настроены в большинстве оборончески, как и армейские комитеты первых составов. Но все это не отражало действительных настроений и желаний солдатской массы, измученной и мечтавшей о мире уже давно. Все эти лозунги и резолюции вырабатывались почти исключительно армейской интеллигенцией, шедшей если не за кадетами, то за эсэрами и меньшевиками - оборонцами: именно они, главным образом, или им сочувствовавшие, в качестве первых революционных ораторов на солдатских митингах, попадали и в советы и в полковые и прочие комитеты. По мере того, как росло политическое сознание низовой солдатской массы и в то же время выяснялось, что войне не предвидится конца (довольно долго армия ожидала результатов обещанной ей Петербургским Советом международной конференции социалистов всех воевавших стран, которая должна была выработать условия общего мира „без аннексий и контрибуций“), истощалось терпение армии на фронте, все более обнаруживалось лицемерие „демократических“ и „оборонческих“ фраз и росли симпатии к большевизму. Это ярко проявлялось в настроениях и вопросах непрерывно приезжавших в столицу и сменявших друг друга делегаций с фронта в Петербургский Совет;[1] если для первых делегаций межеумочная позиция Совета казалась нередко слишком „левой“ и „интернационалистической“, то последующие, уже не интеллигентские, полу-офицерские,

[1] Пишущий эти строки был одним из тех, кто, по поручению Исполнительного Комитета Совета, вместе с А. С. Енукидзе, эти делегации принимал.

а чисто солдатские делегации, наоборот, меньшевистско-эсэровским Советом, как оборонческим и „соглашательским", уже не удовлетворялись и, уходя из Таврического дворца, частенько направлялись прямо в редакцию „Правды".

В связи с этим необходимо тут же отметить, что тот процесс „быстрого разложения" армии, который автор, согласно общей традиции, считает несомненно установленным фактом и который, по его мнению, был прямым результатом февральской революции и особенно знаменитого приказа № 1 („приказ", как он говорит, был „весьма полезен с пораженческой точки зрения",[1]) этот процесс разложения на фронте начался, как известно, еще задолго до революции (массовое дезертирство, массовая отдача в плен), а после революции шел гораздо медленнее, чем можно было ожидать. И этому замедлению процесса разложения, а не его ускорению, содействовал именно приказ № 1 и органы солдатского и обще-армейского самоуправления, а также вскоре назначенные комиссары. Именно эти органы не только сдерживали стихийно-демобилизационное настроение солдат, но и помогли осуществить злосчастное, явно преступное наступление 18 июня, после разгрома которого разложение, действительно, пошло быстрым и полным ходом.

Таким образом, что касается „приказа № 1", то автор вполне прав, говоря, что он имел огромное значение „в революционном отношении". Вокруг этого приказа не только разыгралась немедленно дикая свистопляска буржуазной печати, но и ответственные за него меньшевистко-эсэровские вожди первого Совета впоследствии „стыдились" этого греха свой юности. Поэтому теперь вполне уместно отметить действительно глубоко революционное значение „приказа". Он был одновременно актом раскрепощения солдатской массы, превращения солдат в граждан, и актом политического недоверия к буржуазному, а отчасти и явно контрреволюционному, офицерству. Но пораженческим, как мы видели, он не был, и не только субъективно, в глазах его авторов, но и объективно, так как на место прежней ненавистной дисциплины, которая немедленно разлетелась

[1] См. стр. 138 и 212.

бы в прах после революции, если бы оставлена была прежняя власть офицерства, приказ создал (по крайней мере на время) новую выборную власть и новую дисциплину, а созданные им выборные органы удерживали солдат от „эксцессов". Не была, впрочем, „пораженческой", в прямом смысле слова, вопреки мнению автора, и позиция большевиков после революции, о чем неоднократно заявлял и Ленин. Большевики не звали солдат к дезертирству. Они лишь указывали, что цели войны, пока у власти стоит буржуазия, остаются империалистическими и попрежнему чужды и враждебны пролетариату и крестьянству, и требовали перехода власти к советам, которые должны были предложить о б щ и й мир.

Не „приказ № 1", а фактически создавшееся двоевластие с первых же дней революции привело к тому, что старый командный состав армии признавал власть Временного правительства, а солдатская масса—в огромном большинстве—исключительно власть Советов. Это, между прочим, создало любопытный эпизод с присягой, оставшийся, повидимому, неизвестным автору. На стр. 184 своей книги, сообщая о выработанной 7/III правительством формуле присяги, он пишет: „Приведение войск к этой присяге не вызвало никаких затруднений". Это н е в е р н о. Формула присяги, как недостаточно демократическая, была о п р о т е с т о в а н а петербургским Советом в особой резолюции. Ввиду этого часть войск успела принести присягу, а другая часть, до которой дошла резолюция Совета, не присягала вовсе. Но в военном отношении это двоевластие на первых порах сказалось очень мало, так как тогдашние официальные руководители Совета, несмотря на свои успокаивавшие солдат интернационалистические и мирные фразы, вели ту же военную политику, что и правительство.

После этих общих, принципиальных замечаний остается еще остановиться на некоторых частностях.

На стр. 1 мы читаем, что „царское самодержавие опиралось, главным образом, на армию". Это не совсем верно, так как, не говоря уже о полиции, суде, бюрократическом аппарате, самодержавие опиралось на определенную классовую основу, которую и отражал высший командный состав армии.

Неверно также или, во всяком случае, слишком категорично утверждение автора (та же 1 стр.), что в 1905 году „несмотря на сильную агитацию, развитую не только социалистическими партиями, но и либеральной буржуазией... высший командный состав, офицерство и солдатские массы остались верными царю". Во-первых, либеральная буржуазия не очень-то способна была к антимонархической агитации, а с конца 1905 г. стала явно контр-революционной, а во-вторых, солдатские массы проявили себя частью достаточно революционными, о чем свидетельствует ряд восстаний во флоте и не меньший ряд восстаний в сухопутных частях (осенью и зимой 1905 г., особенно в Сибири, где образовались местами солдатские советы депутатов, а затем после разгрома 1-й Думы).

Не совсем точно далее, что перед февральской революцией (стр. 42) и солдаты, и офицеры „в равной мере сочувствовали свержению самодержавного режима", и лишь „в дальнейшем их желания расходились", так как „солдаты стремились... к разрушению всего буржуазно-помещичьего строя, а большинство офицеров... считало нужным охранять этот строй". Или, в другом месте (стр. 210): в действиях солдатской массы „с первых же шагов обнаружились зачатки социальной революции", которой большинство офицерства... „в то время не сочувствовало".

С одной стороны, солдатская масса вовсе не была с самого начала переворота настроена в пользу „социальной революции" и мечтала лишь о помещичьей земле, а с другой, и офицерство в большинстве отнюдь не было хотя бы элементарно демократическим. Раскол в армии с первых же шагов революции (на солдатскую массу и командный состав) коренился, главным образом, в том, что солдаты не доверяли внезапному революционному преобразованию офицерства, видели в нем и после переворота своих вчерашних угнетателей, инстинктивно чувствовали в них классовых врагов и—кроме всего этого—были настроены против войны, ждали от революции именно прекращения войны, тогда как офицерство подчеркивало демонстративно свой военный патриотизм. Характерно, что февральский переворот в армии произошел наиболее болезненно, с наибольшим числом жертв со стороны офицерства или

в тех запасных частях, в которых царил особенно свирепый режим, или там (как во флоте), где, благодаря большему развитию и большей сознательности рядовой массы, благодаря революционным традициям 1905 года и революционной пропаганде (при надменности и подчеркнуто-дворянском составе офицерства),—старый режим вызывал к себе особенно жгучую ненависть.

Наконец, весьма сомнительно, чтобы „прогрессивный блок Гос. Думы хотел опереться на организованное выступление петербургского пролетариата", хотя бы „отнюдь не в форме восстания, а лишь в виде манифестаций и петиций" (стр. 54). Вожди прогрессивного блока боялись пролетариата и хорошо понимали, что любое его выступление может повести дальше того, что им было желательно. О таких манифестациях для „поддержки" прогрессивного блока, действительно, хлопотали правые меньшевики из Центрального военно-промышленного комитета, но сама буржуазия понимала, что между ней и массой пролетариата — пропасть. Это, впрочем, хорошо понимали и в охранном отделении. 26 февраля осведомленный секретный сотрудник под псевдонимом „Лимонин" в своем докладе охранному отделению сообщал, между прочим: „Усугубляет положение то, что буржуазные круги тоже требуют смены правительства, т.-е. правительство остается без поддержки от кого-либо, но в данном случае есть и отрадное явление: буржуазные круги требуют только смены правительства и стоят на точке зрения продолжения войны до победного конца, а рабочие выдвигают лозунг: „хлеба, долой правительство и долой войну". Этот последний пункт вносит разлад между пролетариатом и буржуазией, и только в силу этого они друг друга не желают поддерживать".[1]

В заключение не можем не отметить несколько наивного утверждения автора, что „для действительного осуществления самодержавия необходима личность с совершенно исключительными дарованиями (стр. 44). Не надо быть марксистом, чтобы знать, что и самый „идеальный самодержец" осуще-

[1] См. статью пишущего эти строки (за подписью Б. Г.) в январском номере журнала „Былое" за 1918 г.—„Февральская Революция и охранное отделение", где приводится ряд донесений агентов охранки.

ствляет в управлении страной не свою личную волю, а лишь волю господствующего класса.

В конце своей книги Е. И. Мартынов подвергает критике (с военной точки зрения) последние мероприятия царского правительства, направленные для борьбы с революцией, его полную беспомощность и растерянность. К сожалению, эта критика не полна, так как она ограничивается одной столицей. Автор не отмечает поразительный паралич воли, который проявила ставка, не сделав почти ни одной попытки для спасения монархии и позволив царскому поезду метаться словно в мышеловке.

Зато указания автора на недостаточную организационную и военную подготовку переворота революционерами отпадают ввиду стихийного характера событий. Такую подготовку в полном объеме мы видим лишь в октябре

Б. Горев.

ОТ АВТОРА.

При составлении этого труда я пользовался бывшим Военно-Ученым Архивом и Архивом Октябрьской революции, из коих извлечены, по возможности, все относящиеся к теме документы. К сожалению, таких документов оказалось меньше, чем можно было ожидать.

Это объясняется прежде всего гибелью огромного количества дел за время войны и революции. Затем, при двух переворотах, некоторые компрометирующие документы были уничтожены заинтересованными начальниками. Наконец, много документов, не только в копиях, но и в подлинниках, было разными лицами вывезено заграницу.

Впрочем возможно, что некоторые документы еще найдутся в Военно-Историческом Архиве в тех многочисленных ящиках, которые пока остаются нераскрытыми.

Недостаток архивного материала, до некоторой степени, восполняется появившимися заграницей многочисленными мемуарами, авторы коих иногда приводят весьма важные документы. Особенно ценны в этом отношении воспоминания А. С. Лукомского, который был генерал-квартирмейстером ставки во время Февральского переворота. Значительное число документов напечатано также в разных русских журналах.

Несмотря на указанные затруднения, мне кажется, что существующего материала достаточно для выяснения той роли, которую сыграли в перевороте солдаты, офицеры и высшие начальники царской армии. Несомненно, что в будущем могут появиться новые документы, которые иначе осветят тот или другой частный факт, но сущность дела от этого не изменится.

В заключение, считаю нужным сказать, что я не был ни участником, ни свидетелем описываемых событий.

Утром 10 августа 1914 года, состоя в чине генерал-лейтенанта, я вылетел из Дубно на аэроплане, вместе с летчиком Васильевым, с целью производства стратегической разведки на Львов и Стрый. Над Львовом наш аэроплан был подбит; под огнем мы стали уходить обратно, но около станции Езерна (близ Тарнополя) мотор перестал работать; аэроплан сел на землю, и мы очутились в плену.

Я возвратился в Москву лишь летом 1918 года, когда, после постыдно проигранной еще в 1915 году войны, над Россией уже успели прокатиться две революции и прочно установился Советский строй.

С одной стороны, указанное четырехлетнее отсутствие затрудняет мое положение как автора, ибо у меня нет личных наблюдений; но, с другой стороны, то же отсутствие дает мне возможность быть беспристрастнее других, потому что мне не в чем оправдываться.

Е. Мартынов.

69437

I.

АРМИЯ ПЕРЕД РЕВОЛЮЦИЕЙ.

Значение русской армии для успеха революции. Материальное и моральное состояние армии в начале 1917 года. Ненадежность ее в смысле обеспечения царской власти и капиталистического строя.

Царское самодержавие опиралось, главным образом, на армию, вследствие чего первой задачей всякой революции, как политической, так и социальной, было: вырвать из его рук эту армию.

В 1905 году, несмотря на сильную агитацию, развитую не только социалистическими партиями, но и либеральной буржуазией, указанную задачу разрешить не удалось: высший командный состав, офицерство и солдатские массы остались верными царю.

Вероятно, организаторам революции понадобилось бы еще много времени для соответствующей обработки войск в антиправительственном духе, если бы на помощь им не пришла мировая война—этот, по выражению *Ленина*, „могучий ускоритель“. За два с половиной года она посеяла в русской армии обильные семена революции, которые к началу февральского переворота 1917 года дали уже богатые всходы.

Каково же было в это время материальное и моральное состояние вооруженных сил России?

До Мировой войны царская Россия держала под ружьем около 1.400.000 человек. При мобилизации, 18 и 22 июля 1914 года, было призвано 3.300.000 человек, что довело численность армии до 4.700.000 человек.

Затем, в 1914, 1915 и 1916 годах, для пополнения убыли и формирования новых частей, были, в разное время, призваны 9.675.000 человек.

БИБЛИОТЕКА
Института Ленинизма при ЦК КПСС

Таким образом, в указанный период Мировой войны, продолжительностью около $2^1/_2$ лет, было извлечено из населения России 14.375.000 трудоспособных людей.

В декабре 1916 года в армии состояло 7.450.000 человек, в том числе: 5.500.000—в строевых частях и 1.950.000—в тыловых учреждениях и организациях. Кроме того, в запасных войсках внутренних округов числилось 1.500.000 чел.[1]

Вооруженные силы последнего периода, по своему составу, совсем не походили на ту армию, которая начала войну.

В войсковых частях почти не оставалось кадровых офицеров и было мало солдат, получивших установленную военную подготовку, так как большинство их или легло на полях сражений, или было искалечено, или попало в плен. Армия обратилась в толпы наскоро обученных крестьян и рабочих, предводимых преимущественно офицерами военного времени.

По сведениям Главного Штаба, потери русской армии к 1 февраля 1917 года выражались в следующих числах:[2]

	Офицеров	Нижних чинов
Убитых и умерших от ран	11.884	586.880
Отравленных удушливыми газами	430	32.718
Раненых	26.041	2.438.591
Контуженных	8.650	93.399
Без вести пропавших	4.170	185.703
Находящихся в плену	11.899	2.638.050
Всего	63.074	5.975.341

Показанные в таблице „без вести пропавшими“ впоследствии почти все оказались пленными, так что число последних должно быть увеличено приблизительно до 2.800.000 чел.

[1] Военно-Ученый Архив, дело № 703. „Справка Управления дежурного генерала, от 21 декабря 1916 года“.

[2] Военно-Ученый Архив, дело № 1073, стр. 83.

Дезертиров за время от начала войны до государственного переворота набралось, по официальным данным, 201.381 человек.[1] Бывший председатель Государственной Думы *Родзянко* утверждает даже, что их было около $1^1/_2$ миллиона.[2] Столь крупное разногласие, вероятно, объясняется тем, что официальный документ подразумевает под дезертирами лишь лиц, совершивших побег с военной службы, а *Родзянко* имеет в виду всех уклонившихся от отбывания воинской повинности.

Что касается технического оборудования армии, то в этом отношении были достигнуты крупные успехи: о недостатке артиллерийских снарядов уже не было и речи. Зато надвигалось новое бедствие — расстройство железнодорожного транспорта. Вследствие недостаточности подвижного состава, в снабжении действующей армии происходили перебои. Например, по сводке сведений к 26 февраля,[3] нормальный суточный подвоз продовольствия (муки, крупы и мяса) для Северного фронта должен был составлять 333 вагона, а средний действительный подвоз, за неделю с 17 по 23 февраля, составлял всего 95 вагонов. В таких случаях приходилось или уменьшать дачи продовольствия, что вызывало неудовольствие солдат, или же жить за счет запасов, имевшихся в „базисных магазинах“, что ослабляло боевую готовность войск.

Таковы были материальные факторы в начале 1917 года. На моральное состояние армии подавляющим образом действовали следующие причины:

1. Недоверие к высшему командному составу, обнаружившему неумение управлять войсками, а часто даже преступное равнодушие к делу, и преследование исключительно личных целей.

Эта причина, в ряду всех прочих, играла преобладающую роль, на что указывает и бывший председатель Государственной Думы *Родзянко*, говоря, что „брожение в армии началось на почве недовольства высшим командным составом“.[4]

---

[1] Военно-Ученый Архив, дело № 827. „Сводка сведений о дезертирах“.
[2] „Архив Русской революции“, издаваемый *Гессеном*, т. VI, стр 41.
[3] Военно-Ученый Архив, дело № 450, стр. 256.
[4] „Архив Русской Революции“, издаваемый *Гессеном*, т. VI, стр. 43.

Ввиду этого на нее следует обратить особое внимание, тем более, что корни ее уходят далеко вглубь истории.

Управление войсками давно уже было самой слабой стороною русской армии. В ее обширной боевой работе за последние сто лет было обнаружено много храбрости и весьма мало военного искусства. Обыкновенно русские военачальники делали все от них зависевшее для проигрыша войны, и если она все-таки выигрывалась, то успех объяснялся лишь самоотвержением прежнего русского солдата, искупавшего своей кровью ошибки командования, а также слабостью противников, с которыми России приходилось сталкиваться.

Рождается вопрос: неужели русский народ столь неспособен в военном отношении, что не может найти в своей среде подходящих людей для управления войсками?

Разумеется, народ тут не причем, а виновата господствовавшая в России система. Начиная со второй половины царствования императора Александра I, в армии устанавливаются порядки, не благоприятствовавшие выдвижению способных и самостоятельных людей, проникнутых духом широкой инициативы; наоборот, на подобных начальников обыкновенно смотрели, как на элемент опасный, который нужно, по возможности, устранять от дела. Примерами являются: отставка знаменитого *Ермолова* в самый разгар его завоевательной и административной деятельности на Кавказе; увольнение покорителя Ташкента *Черняева*, которого, несмотря на все его хлопоты, не допустили даже к участию в Русско-Турецкой войне 1877 — 78 г.г.; долгое бойкотирование во время той же кампании *Скобелева*, что довело этого, столь прославившегося впоследствии, генерала до покушения на самоубийство[1] и многие другие.

После Русско-Турецкой войны фельдмаршал *Гурко* писал своему начальнику штаба *Нагловскому*: „Об исправлении ошибок и недостатков нашего военного строя нечего и помышлять. Ничего в армии не будет изменено. Опять в начале кампании будем мы бродить в потемках и стукаться лбом о неспособности, коими кишит наша армия".[2]

---

[1] См. официозное издание „Энциклопедию военных и морских наук *Леера*".

[2] Это письмо было напечатано в „Русском Архиве" уже после смерти обоих указанных лиц.

Все находившиеся на театре Русско-Японской войны иностранные офицеры, начиная с *Теттау* и *Гамильтона*, признали, что постоянные неудачи русской армии происходили, главным образом, от бездарного, малодушного командования.

Теттау, во введении к своему известному труду „Kuropatkin und seine Unterführer", сказал: „Если бы даже русские начальники имели в своем распоряжении наилучше обученную армию в мире, то, несмотря на превосходство сил, они все-таки были бы разбиты, потому что им не хватало решительности, твердой воли и понимания сил, действующих на войне".

Подобное же мнение о неудовлетворительности старшего командного состава и генерального штаба было мною высказано еще раньше, в конце 1905 года, в книжке „Из печального опыта Русско-Японской войны"; там же я дал весьма благоприятный отзыв о русском солдате, отмечая и его недостатки. Впоследствии эта мысль была мною развита в разных газетных статьях.

Всему командному составу должны быть присущи: во-первых, известные умовые качества — умственное развитие, соответствующее образование и практическое умение; во-вторых, некоторые волевые качества—решительность, предприимчивость и готовность брать на себя ответственность.

В прежней России не придавали особого значения умственному развитию военных начальников. В правительственных кругах, до самого последнего времени, твердо держалось убеждение, что для командования войсками, при мирных условиях, особого ума не нужно, а война когда-то еще будет.

Образование в русской армии ценилось лишь с формальной стороны, то-есть с точки зрения академических значков и дипломов. Между тем, под влиянием необычайно быстрого прогресса техники, чем характеризуются конец XIX и начало XX веков, непрерывно изменялись способы действий войск, что вызывало со стороны командного состава необходимость пополнять и обновлять свои теоретические знания. Так как этим мало кто занимался, то огромное большинство начальников не удовлетворяло современным требованиям, а русская армия, по своей подготовке к войне, сильно отставала от соседей.

Фрейтаг-Лорингофен говорит: „Такой неустанной работы, которая производилась в германской армии, в России вовсе не было".

Кроме необходимых теоретических знаний, русскому командному составу нехватало и практического умения в трудном деле вождения войск, как на поле сражения, так и на театре войны, что объясняется недостатком соответствующих упражнений и практики в мирное время.

Указывая на это обстоятельство, при описании вооруженных сил России, сочинение германского генерального штаба говорит: [1] „Начальники и их помощники, которые не ознакомились еще в мирное время, самым обстоятельным образом, с жизненными условиями маневрирования современных войсковых масс, должны оказаться беспомощными, когда на войне им придется разрешать такие задачи. Тут импровизация всего менее возможна".

Что касается решительности, предприимчивости и готовности брать на себя ответственность, то вся система, существовавшая в русской армии, способствовала не развитию, а подавлению этих моральных качеств, наиболее важных для войны. Если же, в виде исключения, кому-либо, особенно щедро наделенному природой, все-таки удавалось за долгую службу сохранить обломки этих свойств, то такого начальника не пропускали на руководящие места.

Генерал *Куропаткин*, пробывший более шести лет военным министром, в своем прощальном обращении к офицерам I Манчжурской армии, вынужден был сказать:

„Люди с сильным характером, люди самостоятельные, к сожалению, во многих случаях в России не только не выдвигались вперед, а преследовались; в мирное время такие люди для многих начальников казались беспокойными, казались людьми с тяжелым характером и таковыми и аттестовались. В результате такие люди часто оставляли службу. Наоборот, люди без характера, без убеждений, но покладистые, всегда готовые во всем соглашаться с мнением своих начальников, выдвигались вперед".

Спрашивается, какой подбор командного состава возможен при такой системе?

---

[1] „Kriegsgeschichtliche Einzelschriften". Heft. 39—40, стр. 35.

За 10 лет, протекших после войны с Японией, некоторые недостатки русской армии были устранены, но главная болезнь — дурное управление войскамио—сталась без излечения; наоборот, в этом застарелом недуге произошло даже некоторое осложнение, так как в дело подбора начальников вмешалась политика.

Напуганное освободительным движением правительство стало ценить в своих генералах не столько их военные качества, сколько выражаемую ими преданность идее неограниченного самодержавия и проявляемое усердие в борьбе с внутренними врагами. Под черносотенным флагом даже самые ничтожные люди быстро пробирались на высшие места, еще более засоряя и без того уже неудовлетворительные командный состав и генеральный штаб. Вообще, при высших назначениях, царское правительство постоянно забывало мудрое изречение, приписываемое Сократу: „легче всех афинских ослов превратить в лошадей, чем из неподходящего человека сделать полководца".

На подбор высших начальников влияли и личные свойства Николая II: недалекий от природы, совершенно неподготовленный к управлению государством, слабовольный, легкомысленный и к тому же завистливый и фальшивый, он вообще не любил способных, самостоятельных и серьезных людей, которые кололи ему глаза своим превосходством.

Готовясь к Мировой войне, немцы, в своих планах, наперед учитывали дурное управление русскими войсками, как несомненный фактор.

По этому поводу в известном сочинении генерала *Куль*—„Der deutsche Generalstab" (стр. 64) говорится:

„В 1913 году мы судили о предполагаемых операциях следующим образом: маневрирование русских войск совершается попрежнему с большой медленностью. От русских начальников столь же трудно ожидать быстрого использования выгодного оперативного положения, как от войск быстрого и точного выполнения предписанного маневра. Для этого слишком велики те затруднения, которые повсюду возникают при отдании, передаче и выполнении приказов. Ввиду этого немецкое командование, при столкновении с русскими, может производить такие маневры, которые

нельзя себе позволить в отношении равноценного противника".

Приведенная оценка, сделанная германским генеральным штабом, нашла себе полное подтверждение в последующих событиях.

Мировая война началась при весьма благоприятной для России обстановке. Немцы оставили против русских самые незначительные силы, притом составленные из второсортных войск, так как, согласно плана *Шлиффена*, почти вся германская армия развернулась на французском фронте.

У австрийцев, в первый период войны, точно также сначала целая половина, а потом треть их сил, была отвлечена операциями против маленькой Сербии. Кроме того, австро-венгерская армия, в общем, была весьма невысокого качества. Она была искусственно слеплена из самых разнохарактерных, иногда враждовавших друг с другом народностей, при чем из них только немцы, венгры, кроаты и босняки-мусульмане дрались хорошо, остальные же (чехи, словаки, русины, сербы, румыны и др.) шли в бой неохотно и при случае массами сдавались в плен.

Согласно германской официальной истории, в начале войны на Восточном фронте находилось 1.550.000 немцев и австрийцев против 2.997.000 русских.

Тем не менее, и при столь легких условиях русское командование не сумело справиться со своей задачей.

В Восточной Пруссии II русская армия (*Самсонова*) была завлечена в западню и, подвергшись тактическому окружению, погибла почти полностью, а I русская армия (*Ренненкампфа*) только поспешным беспорядочным отступлением избегла той же участи.

При действиях Юго-Западного фронта (*Иванов*), по сведениям русской официальной истории: „результаты оказались скромные: австрийская армия была вытолкнута из Восточной Галиции, была надломлена, но не уничтожена, как это предполагалось по плану войны".[1]

В ноябре, на левом берегу Вислы, главные силы Северо-Западного фронта (*Рузский*), в районе Лодзи, едва не

[1] „Стратегический очерк войны 1914—1918 г.г.", составленный В.-Исторической комиссией, ч. 1.

были отрезаны малочисленной, но смело и искусно маневрировавшей германской армией. Только огромное превосходство сил и направление с правого берега Вислы сильных подкреплений спасли русских от полного поражения. Во всяком случае, великий князь вынужден был отказаться от наступления на Берлин и перешел к обороне.

В феврале 1915 года X русская армия (*Сиверс*) была почти уничтожена, при чем в Августовских лесах значительная часть ее опять-таки оказалась в тактическом окружении.

Зимой 1914—15 г.г. армии Юго-Западного фронта опрометчиво втянулись в занесенные снегом Карпаты, где в тяжелых, кровопролитных боях понапрасну надорвали свои силы.

За время всех указанных событий, со стороны русских, почти отсутствовало общее руководство операциями. Вместо того, чтобы ясно поставить стратегическую цель войны и сообразно с этим, выработав общий план действий, дать определенные задачи фронтам, верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич или колебался между различными, иногда противоположными взглядами своих подчиненных, или старался примирить расходившиеся взгляды принятием какого-либо среднего решения.

В результате, эта стратегическая анархия привела к общей катастрофе. Весной 1915 года *Макензен* нанес свой решительный удар на участке Горлица—Тарнов, во фланг всему Юго-Западному фронту, вследствие чего произошло быстрое очищение русскими Галиции, а затем и общее отступление всех русских армий, окончившееся лишь осенью 1915 года на линии Черновицы — Пинск — Двинск—Рига. Вместо обещанных быстрых успехов, война привела к отдаче неприятелю огромных территорий с целым рядом крепостей, при чем число убитых, раненых и пленных, а также количество потерянного военного материала, достигали неслыханных до тех пор размеров.

Понятно то глубокое разочарование, которое охватило войсковые массы, тем более, что в указанных неудачах они чувствовали себя неповинными: в первые бои войска шли с воодушевлением, и только по мере того, как дурное управление ставило их в самые невыгодные положения, они

постепенно теряли веру в успех и желание драться. Макс Иенс в своем труде „Heeresverfassungen und Völkerleben“ (1885 г., стр. 136), справедливо говорит: „Дурное управление всегда порождает равнодушие к военным задачам и ослабление патриотизма“.

Исходя из такого взгляда, в Полевой устав Красной армии (1925 г., II часть) включена ст. 83, в коей сказано: „Сознательный боец-гражданин критически относится к окружающим событиям, поэтому оперативные ошибки лишают командира его авторитета в глазах подчиненных и ведут к разложению части“.

Вместе с разочарованием в массах росло и озлобление против высшего командного состава, которое в дальнейшем подогревалось недостойным поведением некоторых начальников, свидетельствовавшим о слабом развитии в них как гражданского, так и воинского долга. После неудач, столь тяжелых для народа и оскорбительных для военного самолюбия, они занимались, главным образом, устройством своих личных дел: прислуживались, интриговали, выпрашивали себе награды, при возможности обогащались, заботились о своем комфорте и даже заводили романы.

Вот что сказано по этому поводу в письме одного участника войны, „искренняя правдивость“ коего подтверждена сведениями, доходившими до штаба верховного главнокомандующего из разных госпиталей от раненых офицеров и нижних чинов: [1]

„Яд недоверия не только к умению, но и к добросовестности начальников настолько заразил армию, что лицу, хорошо знающему ее действительное настроение, трудно назвать даже 3—4 имени популярных и пользующихся доверием войск старших начальников...

„В своей среде, в обществе, в вагоне, среди случайной публики открыто и громко заявляют офицеры, что начальники не любят своих войск, не жалеют их, смотрят на пехоту лишь, как на пушечное мясо, думают не о деле, а только о своей карьере, выгодах, собственной безопасности.

„Обвиняют начальников уже не только в неспособности, непродуманности операций, неумении, а много хуже всего

[1] Воен.-Учен. Архив, дело № 703.

этого—в злой воле, недобросовестности, небрежности, преступности, отсутствии всякой заботливости о людской крови".

Незадолго до переворота в Петроград прибыл генерал *Крымов* с несколькими офицерами. Между прочим, он заявил *Родзянко* следующее: „Так дальше итти нельзя. Благодаря полному отсутствию связи в распоряжениях, строго продуманного плана и назначению на высшие посты в армии без разбора, наши блестящие успехи сводятся на нет,[1] и в солдатском составе растет недовольство и недоверие к офицерству, вообще, и к начальству—в частности; таким образом, армия постепенно разлагается и дисциплине грозит полный упадок. Легко может быть, что при таких условиях солдаты откажутся итти вперед и, что всего ужаснее, под влиянием преступной агитации (с которой никто не борется и которой не умеют положить предел), армия втечение зимы может просто покинуть окопы и поле сражения. Таково грозное, все растущее настроение в полках".[2]

Эти слова оказались пророческими, так как впоследствии солдаты, действительно, разошлись по домам.

2. Негодование против военного министерства, которое в период решительных боев 1915 года не сумело обеспечить армию боевым снабжением.

Недостаток боевого снабжения обнаружился и в других воюющих странах, так как везде полагали, что война продолжится не более шести месяцев, но там, при наличии более развитой промышленности, было гораздо легче исправить ошибки первоначального расчета.

Бывший военный министр *Сухомлинов* утверждает, что еще до войны, в период с 1909 по 1914 г., он настаивал на создании в России собственной военной промышленности, но что ему помешали министр финансов *Коковцев* и генерал-инспектор артиллерии великий князь Сергей Михайло-

---

[1] Очевидно, *Крымов* имел в виду наступление *Брусилова* летом 1916 г. против австрийцев.

[2] „Архив Русской Революции", издаваемый *Гессеном*, т. VI, стр. 43.

вич, находившиеся в союзе с французскими заводами Schneider Creuzot. [1]

С другой стороны, названный великий князь открыто обвинял *Сухомлинова* в связи с английской фирмой *Виккерс*, что в настоящее время находит косвенное подтверждение в труде бывшего начальника главного артиллерийского управления, впоследствии военного министра, *А. А. Маниковского* „Боевое снабжение русской армии в 1914—1918 гг.“. [2]

С весны 1915 г. особенно остро ощущался недостаток 3″ пушечных патронов и пехотных винтовок, в чем, кроме бесспорной непредусмотрительности военного министерства, было повинно и дурное управление войсками. Стоит лишь припомнить: какое огромное количество зарядных ящиков было потеряно в неудачных сражениях, вроде Танненберга; какое количество снарядов понапрасну расстреляно в необдуманных предприятиях вроде зимнего похода в Карпаты; сколько винтовок погибло с пленными или было оставлено на убитых и раненых при поспешных отступлениях.

Ставка и высший командный состав, стремясь оправдаться в неудачном ходе войны, старались объяснить все свои поражения, главным образом, неудовлетворительной деятельностью военного министерства в деле боевого снабжения.

Таким образом, справедливое негодование армии против Сухомлинова и его помощников еще больше раздувалось.

3. Отсутствие близости между офицерами и солдатами.

В эпоху крепостного права между офицерами и солдатами лежала целая пропасть, так как они комплектовались из двух различных и даже враждебных классов: офицеры—из дворян, а солдаты—из крепостных крестьян и вообще из

---

[1] *Suchomlynow*—„Erinnerungen“. Berlin, ст. 458.
В январе 1911 года, за завтраком у *А. И. Гучкова*, где я присутствовал, сенатор Глищинский рассказывал, что в особняке Кшесинской устраиваются разные финансовые дела по артиллерийскому ведомству, но что сенаторская ревизия проникнуть туда не в силах.

[2] Издание Воен.-Исторической Комиссии, часть I, стр. 99 и часть II, стр. 158.

податных сословий. Последствием этого являлось со стороны офицеров не только равнодушие к нуждам солдат, но даже бессердечное и жестокое обращение с ними, о чем особенно подробно и с возмущением рассказывает известный французский эмигрант граф Ланжерон, проведший около сорока лет (от 1790 до 1831 г.) на русской службе.[1]

Отмена крепостного права в 1861 г. и введение всеобщей воинской повинности в 1874 г. в корне изменили условия комплектования русской армии. Офицерский корпус утратил свой прежний дворянский характер; главная масса его, офицерство армейских пехотных полков, стало пополняться преимущественно так называемыми разночинцами, т.-е. получившими известное образование, сыновьями низших чиновников, духовенства, мелких купцов, мещан и крестьян. С другой стороны, солдатскую форму на некоторое время должны были надевать и представители самых высших кругов общества.

При таких условиях, казалось бы, пропасть, отделявшая в дореформенной России офицера от солдата, должна была исчезнуть, и между ними, как между людьми, служившими одному делу, должна была установиться известная близость отношений. Однако, правительство, в целях усиления дисциплины и возвышения авторитета начальников, постаралось, рядом законодательных и административных мер, провести резкую грань между двумя различными группами военнослужащих—офицерским составом и нижними чинами.

Как известно, в царской армии солдатам постоянно твердили, что звание их „высоко и почетно", но в действительности держали их на положении парий. Не говоря уже о лишении некоторых гражданских прав и крайне стеснительном режиме в казармах, но даже вне службы, находясь в отпуску, солдат подвергался разным обидным для самолюбия и неудобным для него ограничениям: на железных дорогах он мог ездить лишь в третьем классе, на вокзалах не имел права входить в пассажирские комнаты второго класса; на классных пароходах он обязан был занимать место в низшем классе, а на остальных—в носовой части;

[1] Подлинные „Записки графа Ланжерона о русском войске" хранятся в архиве министерства иностранных дел в Париже. Выдержки из этих записок были напечатаны Брикнером в журнале „Русская мысль" за 1896 г.

ему воспрещалось помещаться внутри вагонов трамвая, посещать клубы, маскарады, публичные танцовальные вечера и т. д. Наконец, офицеры и чиновники как на службе, так и вне ее обращались к нему на „ты". Стеснительные требования „Устава внутренней службы" получали дальнейшее развитие в приказах разных усердных начальников гарнизонов и комендантов, например: солдатам был запрещен вход в сады, предназначенные для так называемой чистой публики, в некоторых городах им не позволялось даже ходить по тротуарам.

Подобными мерами правительству, действительно, удалось возвысить офицера над солдатом, но, наряду с внешней показной дисциплиной, эти меры привели к отчуждению между ними, что особенно давало себя чувствовать во время войны. Кроме того, в некоторых солдатах существовавшая обстановка породила скрытую ненависть к офицерам, которая проявилась в дни революции.[1]

4. Тяжелое экономическое положение оставленных семейств.

К началу 1917 г. в армию было призвано 22,6% всего мужского населения страны, или 47,4% всех трудоспособных мужчин. [2] Количество призванных на службу далеко

---

[1] В 1905 году в книжке „Из печального опыта Русско-Японской войны" я писал:

„Необходимо как в армии, так и в глазах народа поднять достоинство солдатского звания. Поступление на службу ни в коем случае не должно иметь последствием разные обидные ограничения в общественной жизни. Офицер и нижний чин—члены одной военной семьи, разница между ними лишь в степенях служебной иерархии. Вне службы солдат имеет право находиться там же, где бывает офицер. Подобная близость нисколько не подорвет дисциплины; наоборот, при соответствующем поведении офицеров, она окажет на нижних чинов облагораживающее влияние. Денщицкая служба, пренебрежительное „ты", требование от солдат различных услуг—все эти остатки отживающих уже отношений должны быть отменены.

„В связи с этим офицерам нужно зорко следить за приличным поведением нижних чинов, а закон должен строго карать за малейшее нарушение дисциплины.

„Вообще настало уже время отказаться от столь популярной у нас легенды о преимуществах „святой серой скотинки" и заняться воспитанием сознающего как свои обязанности, так и права гражданина-воина".

Затем, я неоднократно возвращался к этому вопросу в разных газетных статьях, а в 1913 году в своих корреспонденциях с театра болгаро-сербской войны (впоследствии изданных отдельной книгой) указывал и на поучительный в этом отношении пример тогдашней Сербии.

[2] „Россия в мировой войне 1914—1918 гг. (в цифрах)". Москва, 1925 г., таблица 6. Издание Центрального Статистического Управления.

превышало действительную в них потребность, и они лишь напрасно переполняли запасные части, где для многих нехватало даже ружей.

Лошадей за время войны, до 1 января 1917 г., было мобилизовано 1.804.807. [1]

Такое ослабление рабочей силы, особенно людской, имело последствием значительный и притом все возраставший недосев.

Тем не менее, по тогдашним статистическим сведениям, скорее уменьшенным, чем преувеличенным, урожай зерновых хлебов в 1916 г. дал 444 миллиона пудов излишка и, кроме того, запасы прошлых лет исчислялись до 500 миллонов пудов. Мясного скота, а также картофеля и овощей, в стране было достаточно. Нехватало лишь жиров и сахару.

Казалось бы, по сравнению с другими воюющими государствами, продовольственное положение России было вполне благоприятное.

Но дело в том, что названные продовольственные запасы, в особенности самый главный и громоздкий продукт—хлеб, находились в отдаленных местностях империи, откуда их, при недостаточности подвижного состава на железных дорогах, не легко было вывезти. Кроме того, в западных государствах снабжение населения продовольствием, уже в начале войны, получило стройную организацию, в России же в этой области до самого конца царили хаос и злоупотребления.

В результате, непроизводящие губернии, а также города, получали совершенно недостаточное для них количество хлеба, притом зачастую дурного качества. Сельское население еще могло этот недостаток восполнить молочными продуктами, картофелем, овощами и т. д.; но для городского пролетариата и такая замена была затруднительна. Главный комитет Всероссийского союза городов произвел в январе 1917 г. обследование 51 города Европейской России, при чем оказалось, что они испытывают нужду не только в хлебе, но и в других съестных припасах, а также в топливе, керосине и свечах. [2] Цены на предметы первой не-

---

[1] Там же, таблица 8.

[2] „Известия Всероссийского Союза городов". Январь 1917 г. № 40, стр. 147.

обходимости настолько возросли, что удовлетворение даже самых скромных потребностей стало доступно лишь состоятельным людям.

В сравнительно лучшем состоянии находился Петроград, так как, по политическим причинам, на его снабжение было обращено главное внимание.

В промышленности, к концу 1916 г., 73,3% рабочих работали исключительно на оборону и только 26,7% были заняты в мирной продукции.[1] При таких условиях стал обнаруживаться все больший недостаток в одежде, обуви и всяких фабричных изделиях, которые сильно возросли в цене.

Крестьяне, занимавшиеся сельским хозяйством, подвергались частым реквизициям хлеба, лошадей, скота, повозок и т. п., при чем за все это с ними расплачивались по твердым ценам, значительно ниже рыночных, а между тем необходимые для них произведения промышленности они должны были покупать по вольным спекулятивным ценам. Тяжесть реквизиций увеличивалась еще тем, что они ложились на разные районы неравномерно, а иногда производились в излишнем количестве и без определенного плана. Например, бывали случаи, что реквизированные лошади и скот, по отсутствию заблаговременно заготовленного корма, гибли на глазах у столь нуждавшегося в них населения.

Многочисленные натуральные повинности (подводная, дорожная, мостовая, окопная и др.) составляли для крестьян, особенно в прифронтовой полосе, тяжелое бремя и, по причине царившего везде беспорядка, отнимали гораздо больше времени, чем нужно, притом зачастую в период полевых работ.[2]

По указанным причинам, крестьянские хозяйства постепенно приходили в упадок и даже разрушались.

Еще тяжелее отразилась война на городском пролетариате. Хотя заработная плата на фабриках и заводах была повышена, но далеко не в такой мере, в какой возросла

---

[1] „Россия в мировой войне 1914—1918 г." (в цифрах). Москва. 1925 г. Таблица 60. Издание Центрального Статистического Управления.

[2] Архив Октябрьской Революции. См. Дела Государственной Думы. Между прочим, в д. 4545 имеется по этому поводу всеподданнейшая телеграмма Родзянко.

дороговизна. Рабочие жили впроголодь, а семьи рабочих, взятых на войну, вследствие совершенной недостаточности выдаваемого им пособия, положительно голодали.

Однако, указанные невзгоды, выпавшие на долю крестьян и рабочих, являлись ничтожными по сравнению с тем, что пришлось вынести так называемым беженцам. Летом 1915 г., во время общего отступления русских армий, происшедшего, главным образом, вследствие бездарности высшего командования, великий князь Николай Николаевич вздумал применить пресловутый скифский план ведения войны, а именно он „повелел" опустошать всю оставляемую территорию, жителей же ее принудительно выселять во внутренние губернии.

В условиях XX века такая мера весьма мало повредила неприятелю, но зато создала крупные затруднения в России, увеличив число населения, нуждавшегося в прокормлении и в жилищах. Кроме того, по авторитетному свидетельству „Особого Совещания по перевозкам", именно, эта мера, вызвав стихийное движение беженцев, положила начало расстройству железнодорожного транспорта.[1]

Что касается самих беженцев, то названным „повелением" они были превращены в нищих и обречены на голод, холод и болезни, от коих погибла большая часть детей.

Нужно было все тупое самодурство августейшего главнокомандующего и присущее ему совершенно бессердечное отношение к народу, на который он всегда смотрел, как на быдло, для того, чтобы додуматься до такой меры.

Общее обеднение России за время Мировой войны видно из того, что „народное потребление сократилось: в первый год на 25%, во второй на 43% и в третий на 52%".[2]

При описанных условиях находившиеся на фронте солдаты, из крестьян и рабочих, получали от своих домашних самые неутешительные вести.

---

[1] „Известия Всероссийского Союза Городов". Январь 1917 г. № 40. стр. 125.

[2] „Россия в Мировой войне 1914—1918 г.г." (в цифрах). Москва, 1925 г., стр. 6. Издание Центрального Статистического Управления.

5. Озлобление против буржуазии, наживавшейся от войны.

Наряду с высоким чувством самоотвержения, война всегда порождала и низкое стремление к наживе; но вряд ли последнее когда-либо проявлялось в столь огромных размерах и в таких уродливых формах, как в России во время Мировой войны.

Приводимые ниже факты и цитаты заимствованы из названного уже сочинения Маниковского „Боевое снабжение русской армии в 1914—1918 г.г.“. Они заслуживают полного доверия, так как автор, назначенный в самое трудное время, в конце мая 1915 г., начальником Главного Артиллерийского Управления, не только выказал на этом посту выдающийся организаторский талант, но проявил и редкую честность, оставшись бедняком посреди окружавших его соблазнов.

Как только в русской армии обнаружился недостаток боевого снабжения, то „беспримерный ажиотаж“ охватил всех любителей легкой наживы. Сначала выступили действительные и мнимые агенты всевозможных иностранных фирм. „Некоторые из этих представителей были рекомендованы Главному Артиллерийскому Управлению лицами, занимавшими видное общественное и служебное положение. Так, представитель прославившейся своими мошенническими проделками американской фирмы *Чарльз Флинт* был рекомендован солистом его величества *Н. Н. Фигнером*, который сам занимался поставками каменного угля; *Животовский*, подозревавшийся в одновременной поставке и нам и Германии, посаженный впоследствии за какую-то недобросовестную проделку в тюрьму, бравшийся поставлять все, что угодно и откуда угодно, привезен был лично генералом *Вогаком*, бывшим нашим военным агентом в Китае и директором Русско-азиатского банка и Путиловских заводов *А. И. Путиловым*; Петроградский портной *Джонс* поддерживался бывшим товарищем председателя Государственной Думы *А. Д. Протопоповым*; бельгийский консул *Гейдеман* однажды явился в Управление с визитной карточкой генерала *Сухомлинова*; *Кнаап* и *Цимдин*, доверенные капитана *Мэкки*, рекомендовались *Сухомлиновым* и, если не ошибаюсь, министром финансов *Барком*“.

Затем, летом 1915 г., появились на сцене „общественные силы“ в виде военно-промышленных комитетов, городского и земского союзов.

Их выступление сопровождалось непомерным взвинчиванием цен на все предметы боевого снабжения, как показано в следующей таблице:

Заготовительные цены в 1916 г.

Наименование предметов	Частные заводы		Казенные заводы	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
3″ шрапнели	15	32	9	83
3″ гранаты	12	13	9	—
48-лин. бомбы	45	58	30	—
42-лин. шрапнели	35	—	15	—
6″ гаубичные бомбы	70	—	48	—
6″ гаубичные шрапнели	60	—	36	—
6″ пушечные бомбы	70	—	42	—
Взрыватели 3 Г. Т.	10	55	8	42
Взрыватели 4 Г. Т.	12	50	11	11
Дистанционные трубки 22-сек.	7	—	5	50
Капсюльные втулки	1	—	—	45
Бездымный порох	100	—	72	—

„Из рассмотрения этих цен,—говорит Маниковский,—видно, что уже далее итти некуда, а между тем цены все растут и растут. Предел этому могли бы положить только мощные казенные заводы, если бы их было достаточно, а так как их, к сожалению, очень немного, то они и оказались бессильными против этого явного грабежа казны“.

Сверх того, нужно иметь в виду, что при подрядах казна выдавала авансы до 65% со всей суммы заказа, так что подрядчики работали не на свои, а на казенные деньги.

В подрядах на армию приняли участие и многие политические деятели; некоторые совершенно открыто, другие же, более осторожные, через подставных лиц. Ограничимся приведением двух наиболее характерных примеров.

Будущий министр Временного правительства *М. И. Терещенко*, один из богатейших людей России, настойчиво пред-

лагал построить завод для изготовления в трехлетний срок 10.000 пулеметов системы Максима. На казенном заводе такой пулемет, с двумя запасными стволами, обходился в 1.370 руб., а *Терещенко* желал получить 2.700 руб., при условии предоставления казенных стволов, казенных полуфабрикатов и других льгот. Мало того „он рассчитывал построить завод не только на средства казны, но и оборудовать и установить производство исключительно техническими силами нашего завода".

В результате, по подсчету *Маниковского*, этот договор означал бы переплату казны „минимум в 15 милл. руб.", которые перешли бы в карманы *Терещенко* даже без всяких предварительных затрат с его стороны.

С большим трудом удалось великому князю Сергею Михайловичу, посредством личного доклада у государя, расстроить заключение подобного договора и то лишь потому, что удовлетворение потребности в пулеметах в это время уже было обеспечено.

Председатель Государственной Думы и ее Временного Комитета *Родзянко*, всегда разыгрывавший роль пламенного патриота, как известно, взял подряд на изготовление огромного количества березовых лож для ружей, при чем помощник военного министра генерал *Беляев* приказал *Маниковскому* накинуть на каждую штуку по одному рублю, сверх существовавшей высшей цены, на том основании, что „*Родзянко* нужно задобрить".[1]

В то время, как в других воюющих странах, особенно в Англии, были приняты некоторые меры для ограничения военной прибыли, в России эксплоататорам была предоставлена полная свобода.

По этому поводу *Маниковский* передавал мне следующий разговор, который он имел с государем:

Николай II: „На вас жалуются, что вы стесняете самодеятельность общества при снабжении армии".

Маниковский: „Ваше величество, они и без того наживают на поставках по 300%, а бывали случаи, что получали даже более 1.000% барыша".

---

[1] Я передаю эту последнюю подробность со слов *Маниковского*, у которого был собран соответственный материал и относительно многих других политических деятелей.

Николай II: „Ну и пусть наживают, лишь бы не воровали".

Маниковский: „Ваше величество, но это хуже воровства, это—открытый грабеж".

Николай II: „Все-таки не нужно раздражать общественное мнение".

Очевидно, государь считал мнение спекулянтов общественным мнением.

Капиталисты, под защитой, так называемой, коммерческой тайны, всячески скрывали получаемую ими прибыль; но даже из тех официальных отчетов, которые некоторые крупные предприятия опубликовывали в газетах, видно—какие огромные выгоды они извлекали из войны.

Например, за 1916 операционный год Сормовское акционерное общество принесло чистой прибыли 10.550.666 руб., при основном капитале в 15.000.000 руб. Страховое общество „*Волга*", имевшее основного капитала всего один миллион, дало за тот же год 1.657.161 руб. 55 коп. чистого дохода. За 1915/16 год Тульский медно-прокатный завод получил чистой прибыли 15.510.000 руб., а Южно-русское Днепровское металлургическое общество — 12.110.000 руб., что на много превышало основные капиталы этих предприятий.

Подобных примеров в тогдашних газетах можно найти сколько угодно.

Вообще, по свидетельству *Маниковского*, в России был организован настоящий „крестовый поход на казенный сундук"; под флагом „спасения отечества" широкие круги буржуазии наживались на народном бедствии. [1]

6. Возмущение самоуправством придворной камарильи, которая игнорировала желания народа.

Престиж царской власти давно уже был подорван. Для каждого стало ясно, что во главе 180-миллионного народа стоит жалкий государь, про которого даже *Распутин* говорил: „он несчастный человек, у него внутри недостает". Этой

[1] Любопытно, что, после февральского переворота, одной из первых правительственных мер было „уничтожение казенного заводского строительства", являвшегося „единственным фактором, понижавшим цены".

коронованной тенью управляла совершенно не знавшая Россию, страдавшая религиозным умопомешательством императрица, а из-за нее выглядывала роковая для династии фигура „божьего человека“, через которого обделывали свои темные дела, не только разные сановники, но и финансовые дельцы. Все представления более дальновидных приближенных о необходимости хоть несколько упорядочить правительственный режим не имели успеха.

Не принесло ожидаемой пользы и убийство Распутина, совершенное в ночь с 17 на 18 декабря 1916 года великим князем Дмитрием Павловичем, князем Юсуповым и черносотенцем Пуришкевичем, при осторожном участии кадетского депутата Маклакова. [1]

Носители царской власти остались прежние, а вместе с ними сохранилась и прежняя бессистемность государственного управления, выражавшаяся, между прочим, в частой смене министров—в „министерской чехарде“, по выражению *Пуришкевича*. Впрочем, все сменявшиеся, как в калейдоскопе, министры были сходны в одном: в полном игнорировании народных интересов.

Особенно отличался в этом отношении последний министр внутренних дел *Протопопов*, который, принимая вновь назначенного Симбирского губернатора, между прочим, сказал: „Я назначен его величеством, значит облечен его высоким доверием и потому никуда не уйду, а буду делать все, как нахожу нужным. На общество же мне наплевать“. [2]

Жандармский подполковник *Кублицкий-Пиотух*, командированный департаментом полиции в январе и в феврале 1917 г. в Волынскую и Подольскую губернии „для выяснения общего настроения среди военных чинов“, говорит следующее:

„Настроение всех военных кругов, офицерских и солдатских, было ярко оппозиционное, не только в отношении к правительству, но, в особенности, в отношении бывшей императрицы Александры Федоровны, которую не стеснялись совершенно громко ругать. Крайне враждебно отзывались

---

[1] Пуришкевич в своем дневнике рассказывает, что Маклаков снабдил заговорщиков ядом и обещал их защищать на суде, а сам уехал в Москву, прося телеграфировать о результате.

[2] Дневник *Ренгартена* (под 14 января 1917 г.). В делах морской исторической комиссии.

о министре внутренних дел *Протопопове* и поголовно говорили о необходимости ответственного министерства. Убийство *Распутина* вызвало в армии ликование. Втечение месяца, пока длилась моя поездка, я ни среди военных ни в населении не слышал ни разу положительных отзывов в пользу правительства и его политики. О бывшем императоре военные отзывались с пренебрежением, отмечая его упрямство и большое влияние на него Александры Федоровны". [1]

При этом любопытно, что при сборе указанных сведений *Кублицкий-Пиотух* не счел даже нужным скрывать свое положение, а оставался в жандармской форме.

7. Слухи об измене.

После первых же крупных неудач на театре войны, зловещие слухи об измене стали распространяться в армии и в России. Ставка, желая отвлечь общее внимание от собственных ошибок, усиленно раздувала все возникавшие дела об изменниках.

Между прочим, она создала известное дело полковника *Мясоедова*, который 18 марта 1915 года был признан военно-полевым судом виновным в шпионстве и в ту же ночь повешен, хотя для такого приговора, как теперь выяснилось, в распоряжении суда не было фактических данных, и обвинение осталось недоказанным. [2]

Стремление везде находить изменников иногда доходило до абсурда. Например, великий князь Николай Николаевич, на основании каких-то сплетен, обвинял в шпионаже в пользу Германии начальника штаба гвардейского корпуса графа *Ностица*. За последнего вступился сам государь, пославший для личных переговоров в ставку военного министра *Сухомлинова*, но великий князь, со свойственным ему самодурством, все-таки настоял на увольнении *Ностица*

---

[1] Архив Октябрьской Революции № 1. Чрезвычайн. Следств. Комиссия, следств. часть, д. № 10, т. 3, стр. 411 (405). Показание судебному следователю.

[2] Журнал „Суд идет" 1925 г. №№ 19 и 20, статья *Н. Элькин*. Воспоминания присяжного поверенного, впоследствии сенатора, *О. О. Грузенберга*, напечатанные заграницей; выдержки напечатаны в вечернем выпуске „Красной газеты", 22 июля 1925 года. Обвинительный акт и судебные отчеты по делу *Сухомлинова*. Дневник бывшего великого князя Андрея Владимировича, Гос. Издат. Ленинград, 1925 г., стр. 20.

в отставку. По мере того, как война принимала все более неблагоприятный оборот, слухи об измене стали усиливаться и шли уже со всех сторон: правительство обвиняло в измене Думу, Дума—правительство; правые обвиняли левых, левые—правых; одно государственное учреждение подозревало другое...

Наконец, 1 ноября 1916 года с думской трибуны было почти прямо брошено обвинение в измене самой императрице, при чем речи ораторов, запрещенные для печати, распространялись в миллионах экземпляров, в России и на фронте.

В водовороте этих взаимных обвинений армия совершенно терялась, не зная где же находятся истинные изменники и кому в конце концов можно верить.

8. Недовольство союзниками, о которых говорили, что они стараются главную тяжесть войны переложить на Россию.

Как известно, подобные обвинения всегда возникают при коалиционных войнах; но, в Мировую войну, Франция и Англия, пользуясь экономической зависимостью России, действительно эксплоатировали русскую армию в своих частных интересах.

Например, весной и летом 1916 года, для облегчения итальянцев, русская армия была вынуждена произвести чрезвычайно кровопролитное и не принесшее ей никаких стратегических выгод наступление в Луцком районе. Затем, в августе 1916 года, для отвлечения германских сил из Франции и для выручки Вердена, союзники настояли на вооруженном выступлении Румынии, что для России было невыгодно, так как приводило к дальнейшей растяжке фронта и к переброске значительного числа войск на юг.

Вообще, как только на Западном театре войны возникали какие-нибудь осложнения, союзники требовали от России соответствующих наступательных действий, совершенно не принимая во внимание, насколько подобные действия отвечали ее интересам. Впрочем, справедливость требует сказать, что такое обращение русской армии в вспомогательное, подсобное орудие, тогда как по своей преобладающей численности она должна была бы играть

первенствующую, господствующую роль, в значительной мере, объясняется бездарностью русского верховного командования, которое, как мы видели, с самого начала войны выпустило из рук принадлежавшее ему по праву общее руководство.

9. Утомление войной и жажда мира.

По мере того, как Мировая война затягивалась и расширялась, в сознание солдат и многих строевых офицеров, утомленных физически и нравственно, стали проникать мысли о ненужности ее для России.

Весьма характерно в этом отношении письмо одного раненого офицера, отправленное 25 января 1917 года, из Москвы министру внутренних дел *Протопопову* (копия *Милюкову*).[1]

В нем, между прочим, было сказано: „Если мир не будет заключен в самом ближайшем будущем, то можно с уверенностью сказать, что будут беспорядки... люди, призванные в войска, впадают в отчаяние... не из малодушия и трусости, а потому, что никакой пользы от этой борьбы они не видят“...

Сверх того, автор письма просил „обуздать печать“ и „послать *Милюковых* и *Маклаковых* в окопы“, дабы они на своих боках испытали войну: „легко им из кабинета предлагать воевать до победного конца“.

Утомление войной, в связи с общим недовольством, создавало весьма благоприятную обстановку для подпольной пропаганды в пользу мира, которой занялись большевики, действовавшие через членов партий, призванных в войска и через отдельных агитаторов.[2]

Описанные вопиющие факты и злоупотребления возбуждали острое недовольство в войсках даже в первый маневренный период войны, который не давал времени для размышлений; когда же, с осени, начался второй пози-

---

[1] Журнал „Былое“ 1919 г. *А. Блок*—„Последние дни старого режима“, стр. 19.

[2] Открытая массовая пропаганда в армии началась уже после февральского переворота, при чем с 15 апреля стала выходить газета „Солдатская Правда.“

ционный период войны с его томительным сиденьем в окопах, то войска были охвачены систематической и беспощадной критикой господствовавших в России порядков.

В результате, как в солдатских массах, так и в офицерской среде выросла ненависть к царскому самодержавию. Обе названные группы военнослужащих в равной мере сочувствовали свержению самодержавного режима; но, в дальнейшем, их желания расходились: солдаты, набранные почти поголовно из крестьян и рабочих, стремились к разрушению всего буржуазно-помещичьего строя, а большинство офицеров, хотя и не принадлежавшее к капиталистам, считало нужным охранять этот строй, в коем оно видело более надежное обеспечение своих служебных и материальных интересов.

Что касается высших военных начальников, выдвинутых, как сказано выше, главным образом, за выражаемую ими преданность идее неограниченного самодержавия, то более умные из них уже поняли, что дни старого режима сочтены и что пора менять ориентацию. С этой целью они вступили в сношение с прогрессивными общественными деятелями и стали обнаруживать сочувствие конституционному образу правления.

Таким образом, к началу 1917 года царская армия уже созрела для революционного переворота, при чем в первое время при свержении царского самодержавия солдаты и офицеры могли действовать сообща но далее между ними неизбежно должен был произойти разрыв.

II.

ПОЛОЖЕНИЕ В ПЕТРОГРАДЕ.

Борьба царского правительства с прогрессивным блоком Думы. Вопрос о продолжении войны. Поддержка прогрессивного блока дипломатическими представителями Антанты. Попытка прогрессивного блока опереться на манифестации и петиции пролетариата. Подготовка дворцового переворота. Донесения департамента полиции. Петроградский пролетариат. Запасы муки в Петрограде. Петроградский гарнизон. Генералы Хабалов и Беляев. Петроградская полиция. Расписание на случай вызова войск.

Схематический план Петрограда (см. приложение).

В то время, как в действующей армии росло недовольство существовавшими в государстве порядками, в Петрограде шла борьба царского правительства с „прогрессивным блоком" Государственной Думы, коего программа была опубликована 21 августа 1915 года и к которому принадлежало большинство депутатов.

Государь, вообще слабовольный, был тверд в одном: он желал сберечь для своего преемника полученное от предков самодержавие. Это была его преобладающая мысль, как бы навязчивая идея. Воспитанный в реакционную эпоху восьмидесятых годов, под влиянием своего глубоко консервативного отца и такого ментора как Победоносцев, Николай II был твердо убежден в божественном происхождении царской власти и считал себя „хозяином русской земли".

На эту господствующую черту его личности обратил внимание и английский посол Бьюкенен, сказав в своих мемуарах, что государь „смотрел на самодержавие, как на священное наследие, которое он обязан сохранить в неприкосновенности в той форме, в которой оно было ему передано".[1]

---

[1] *Дж. Бьюкенен*—„Мемуары дипломата". Гос. Изд. 2 изд., стр. 204.

В столь архаических взглядах Николая II подерживала императрица Александра Федоровна, увлекавшаяся идеей теократического абсолютизма и воображавшая, что за такой образ правления стоят народные массы, а против него восстают лишь разные политиканы.

По словам Бьюкенена: „Она находилась до такой степени под влиянием мысли о недопустимости какого бы то ни было ослабления самодержавия, что противилась всяким уступкам, советуя в то же время императору считаться при выборе своих министров в большей степени с их политическими убеждениями, нежели с их деловыми способностями". [1]

При всем этом царь и царица не понимали того, что для действительного осуществления самодержавия необходима личность с совершенно исключительными дарованиями, а что в руках Николая II самодержавная власть была чисто призрачной, так как он являлся лишь игрушкой в руках своих приближенных и разных проходимцев.

В придворных сферах признавали главным врагом Государственную Думу, поддерживаемую либеральной интеллигенцией, так как она непосредственно угрожала царскому самодержавию. Что касается крайних левых партий, то они представлялись не столь опасными, потому что, по общему мнению, их идеалы были еще слишком далеки от практического осуществления.

С своей стороны, Государственная Дума, в лице своего прогрессивного блока, старалась ограничить власть государя, установив в России конституционный строй с министрами, ответственными перед народным представительством. Особенно стремились к этому честолюбивые лидеры разных партий, которым еще с 1905 года мерещились министерские портфели.

Борьба за ответственное министерство была тесно связана с вопросом о продолжении войны.

Как известно, при возникновении конфликта с Австро-Венгрией и Германией, государь, в котором были еще живы тяжелые переживания манджурских поражений, боялся войны и был вовлечен в нее только кучкой шовинистов, во главе коей стоял великий князь Николай Николаевич, мечтавший о славе полководца.

---

[1] *Дж. Бьюкенен*—„Мемуары дипломата" Гос. Изд. 2 изд., стр. 174.

Николая II, для коего интересы царствующего дома всегда стояли на первом месте, а интересы народа отходили на второй план, уверили в том, что война будет непродолжительна, и что, при наличии таких союзников, как Франция и Англия, она, несомненно, окончится блестящим успехом, который упрочит самодержавный строй и укрепит династию. Предостережения дальновидного Витте и прямотаки пророческие предсказания Дурново, который предвидел неудачный исход войны и, в результате его, не только политическую, но и социальную революцию, были оставлены без внимания.

Аппетиты легкомысленных русских шовинистов видны из дневника французского посла в Петрограде Палеолога.[1]

В субботу 21 ноября (нового стиля) 1914 года Сазонов передал ему приглашение царя приехать в Царское Село. Тут, в аудиенции, продолжавшейся более двух часов, Николай II высказал, что в случае, если Германия и Австрия будут просить мира, Россия надеется получить: от Германии—Восточную Пруссию до устья Вислы, Познань и, может быть, часть Силезии; от Австрии—Галицию и северную часть Буковины; от Турции—земли на Балканском полуострове к югу от линии Энос—Мидия, за исключением Константинополя с ближайшими окрестностями, который объявляется нейтральным городом, а также—Армению, если армяне пожелают присоединиться к России.

Затем, 1 января 1915 года Бьюкенен и Палеолог посетили Сазонова для совещания. Принимая во внимание выяснившуюся трудность борьбы, они считали необходимым склонить Австрию к заключению сепаратного мира и выражали надежду достигнуть этого на условиях уступки Галиции—России и Боснии и Герцоговины—Сербии.

Но Сазонов и слышать не хотел о подобном мире, считая необходимым добиваться „расчленения" Габсбургской монархии. Нужно иметь в виду, что такую притязательность русская политика проявляла уже после Лодзинской операции, когда великий князь Николай Николаевич перешел к обороне на германском фронте и когда в России стал обнаруживаться недостаток артиллерийских снарядов.

[1] *Maurice Paléologue* — „La Russie des tsars pendant la grande Guerre" Paris.

Впоследствии, когда военные действия приняли крайне неблагоприятный для русских оборот и война грозила затянуться надолго, при дворе стали брать верх мирные тенденции.

В этом направлении, в пользу сепаратного мира с Германией, на государя влияли некоторые представители правых, особенно Штюрмер, Маклаков и Протопопов, которые, в случае продолжения войны, предвидели неизбежность уступок Государственной Думе в виде реформ, ограничивающих самодержавие.

Что касается оракула царской семьи Распутина, то, как известно, в момент объявления войны его не было в Петрограде.

Затем, в воспоминаниях французского посла Палеолога под 12 сентября 1914 года записано: „Распутин вернулся... О войне он говорит в выражениях туманных, двусмысленных, апокалиптических, из чего заключают, что он ее не одобряет и предвидит великие бедствия".[1]

В одном из позднейших писем императрицы к государю сказано про Распутина: „Он был сильно против войны".[2]

Вообще, не нужно упускать из виду, что все колебания придворных сфер в пользу мира объяснялись отнюдь не заботами о народе, а исключительно лишь желанием сохранить в неприкосновенности самодержавный строй.

В свою очередь, германское правительство несколько раз зондировало почву для мирных переговоров с Россией. Это началось еще весной 1915 года, когда великий герцог Гессенский прислал своей сестре императрице Александре Федоровне письмо, написанное, очевидно, по поручению Вильгельма.[3]

Затем, в конце ноября 1915 года министр двора граф Фредерикс получил письмо от своего старого знакомого германского обер-гофмаршала графа Эйленбурга. Несколько недель спустя, княгиня Васильчикова привезла письмо герцога Гессенского министру иностранных дел Сазонову, государю и императрице. Наконец, летом 1916 года тогдашний товарищ председателя Государственной Думы Протопопов имел в Стокгольме беседу о мире с германским финансистом Варбургом.

---

[1] *Палеолог* — „Распутин". Перевод Ф. Ге. Москва, 1923 г., стр. 5.

[2] „Переписка Николая и Александры Романовых 1914—1915 г.г.". т. III. Петроград, 1923 г.

[3] Письмо императрицы к государю от 17 апреля 1915 г.

Генерал-адмирал Тирпиц, самый влиятельный вождь германских патриотических партий, в своих воспоминаниях говорит:[1]

„Осенью 1916 г. я разговаривал с русскими, симпатизировавшими Германии, и на основании этих разговоров, в связи с другими признаками, я полагал, что существовала возможность заключения мира. Конечно, я не мог точно сказать, на каких именно условиях такой мир был осуществим, но можно было представить себе следующее основание для успешных переговоров: мы должны были дружески разрешить сербский вопрос, признав десять принятых царем в 1914 г. пунктов ультиматума и передав остальные два пункта на решение третейского суда, так, чтобы в общем получился русский успех без австрийской неудачи. Мы могли для стратегического обеспечения Восточной Пруссии потребовать линию Нарева и за это предложить русским соответствующий кусок Восточной Галиции, за что австрийцы, в случае надобности, могли себя вознаградить в Ново-Базарском санджаке и в Албании. При нашем посредстве, русские военные суда получили бы право прохода через Дарданеллы, а если бы Россия согласилась заключить с нами союз, то, сверх того, она могла получить остров в Эгейском море. От Багдадской дороги мы отказались бы или же приняли бы русских в долю. Мы предоставили бы им Персию и приняли бы на себя уплату русских долгов Франции. Условия могли быть еще более благоприятными, если бы при посредстве России нам удалось заключить мир с Японией.

„Относительно Константинополя русские должны были понять, что мы не могли совсем оставить турок, но мы должны были обещать постепенно изменить свою турецкую политику. О личных потребностях (Aufwendungen) великих князей и т. д. можно было позаботиться. Австрию можно было склонить к такому миру, а затем и Италия была бы вынуждена на соглашение".[2]

---

[1] „Erinnerungen von Alfred v. Tirpitz". Leipzig, 1920, стр. 270.

[2] Вообще Тирпиц находил германскую политику перед Мировой войной нелепой (blödsinnig) и возмущался тем, что немцы и русские уничтожают друг друга в пользу Англии, которая сразу освобождается от двух самых опасных противников.

Из приведенных слов Тирпица видно, что Германия была готова предложить побежденной ею России такие условия мира, какие последняя едва ли получила бы даже при полном успехе Антанты.

Затем, чрезвычайно характерно, что германский генерал-адмирал и политический деятель без всякого стеснения, открыто говорит о том, что в случае заключения сепаратного мира „русские великие князья и т. д.“ получили бы соответствующие взятки. Очевидно, это был обычный способ ведения переговоров с Россией, которым, вероятно, пользовались не одни только немцы.

В конце 1916 года германское правительство обратилось к державам Антанты с общим призывом—начать мирные переговоры. На это Николай II ответил приказом армии и флоту от 12 декабря, в котором объявил, что время для заключения мира еще не наступило, так как: „Достижение Россией созданных войною задач, обладание Царьградом и проливами, равно как создание свободной Польши из всех трех ее, ныне разрозненных, областей еще не обеспечено“.

Хотя приказ подобного содержания (особенно новое обязательство, выдаваемое полякам) представлял важный политический документ, но он был составлен и поднесен к подписи государю без ведома председателя совета министров и министра иностранных дел генералом Гурко, исполнявшим обязанности начальника штаба, за отсутствием заболевшего Алексеева.

Этот факт лишний раз указывает на бесхарактерность Николая II и на тот беспорядок, который господствовал в государственном управлении.

Впрочем, на практике означенный приказ, коим столь гордился его автор Гурко, не имел особого значения, так как государь, по возвращении в Царское Село, попав под влияние других лиц, мог с такою же легкостью подписать диаметрально противоположный документ.

Жандармский полковник *Ширанг*, состоявший при министре внутренних дел по должности шефа жандармов, лицо весьма осведомленное и доверенное,[1] говорит: „что

[1] Между прочим, Штюрмер посылал его в Христианию для переговоров с Илиодором.

в кругу тех лиц, которыми в последнее время был окружен Протопопов, с императрицей Александрой Федоровной в центре, постоянно приходилось слышать, что скоро будет заключен мир. Протопопов даже мало интересовался сообщениями с фронта и почти не реагировал на военные события".[1]

Слухи о мирных намерениях при дворе чрезвычайно беспокоили торгово-промышленную буржуазию, которая была тесно связана с англо-французским капиталом, опасалась в будущем германской конкуренции и непомерно обогащалась от военных подрядов и поставок.

Представителем этой буржуазии являлся прогрессивный блок Государственной Думы, который, кроме того, учитывал факт, что, в случае заключения царским правительством выгодного мира с Германией, пришлось бы надолго оставить надежду на образование ответственного министерства. Против заключения мира были также газетчики, зависевшие от названной буржуазии и наживавшие в военное время большие деньги. В широких кругах интеллигенции готовность продолжать войну поддерживалась фразами о несмываемом позоре, которым будто бы покроется Россия в случае нарушения договора с союзниками.

По этому поводу полезно привести следующие слова Бисмарка:[2] „В борьбе за существование между великими державами, выполняемость всех договоров условная. Ни одну великую нацию нельзя побудить принести свое существование в жертву на алтарь союзнической верности".

Наконец, по профессиональной обязанности, продолжали бряцать оружием высшие военные начальники, хотя, в действительности, сами не верили не только в какие-либо завоевания, но даже в возвращение потерянной территории.[3]

---

[1] Арх. Окт. Революции № 3. Чрезвычайная следственная комиссия. Следств. часть, д. № 10, т. V, стр. 186 (182). Показание Судебному следователю.

[2] „Gedanken und Erinnerungen". Stuttgart, 1898. т. II, стр. 249.

[3] Это всего лучше видно из того, что они уклонялись от всяких серьезных наступательных предприятий, особенно против немцев. В конце концов, 24 января 1917 года, государь утвердил доклад Гурко, согласно коему операции отлагались на лето 1917 года; но и тут было решено главный удар наносить на юго-западном фронте против австрийцев, а на северном и западном фронтах, где были немцы, ограничиться только вспомогательными ударами, точнее демонстрациями. Впоследствии это наступление, вероятно, было бы снова отложено и во всяком случае свелось бы к полумерам, то-есть к огромным потерям без достижения какого-либо стратегического результата.

Описанная борьба между царским правительством и прогрессивным блоком Государственной Думы интересовала союзные державы исключительно с военной точки зрения. Несмотря на банкротство русского командования, упустившего в свое время все благоприятные возможности для ведения наступательной войны, Антанта все-таки продолжала чрезвычайно дорожить союзом с Россией, так как последняя являлась главным поставщиком того пушечного мяса, которое отвлекало на себя часть германских сил.

Ввиду этого, как только возникли сомнения в союзнической верности царского правительства, в Лондоне и Париже решили поддержать прогрессивный блок Государственной Думы, содействуя установлению в России конституционного строя.

Предполагалось, что новое правительство из общественных деятелей, во-первых, будет воевать до конца, так как это совпадает с интересами того класса, который оно представляет, и во-вторых, сумеет, лучше царских бюрократов, организовать народные массы для ведения войны, успокоив их видимостью конституции.

На основании таких соображений, дипломатические представители Антанты в Петрограде, имея во главе английского посла Бьюкенена, вступили в близкие сношения с вождями прогрессивного блока и стали им помогать в их борьбе за ответственное министерство, бесцеремонно вмешиваясь во внутренние дела России.

Еще в конце января 1916 года, когда состоялось назначение реакционера и германофила Штюрмера председателем Совета министров, Бьюкенен испросил аудиенцию у государя,[1] на которой, по его словам, он „впервые сделал серьезную попытку побудить императора вступить на более либеральный путь".

Государь ответил, что „время для уступок еще не пришло" и что „вопросы о внутренних реформах должны быть отложены до заключения мира".

В начале июля того же года, получив известие о предполагаемом назначении Штюрмера министром иностранных дел, вместо столь симпатичного Антанте Сазонова, Бьюке-

[1] *Дж. Бьюкенен* — „Мемуары дипломата". Гос. изд. 2-е издание, стр. 158.

нен послал государю, находившемуся в ставке, через английского военного представителя генерала Вильямса, шифрованную телеграмму, в которой возражал против такой перемены.[1]

Вильямс телеграфировал, что он „надеется на успех", но приезд в ставку императрицы разрушил эти надежды.

В конце октября, в полуторачасовой беседе с государем,[2] Бьюкенен настойчиво указывал „на рост германского влияния и на антибританскую кампанию, а также на серьезность внутреннего положения".

Он говорит: „я не мог также скрыть от его величества того факта, что согласно донесениям, полученным мною от наших консулов, крестьянство, всегда считавшее императора непогрешимым, начало терять веру в него и что самодержавие теряет почву, вследствие непредусмотрительности его министров".

Государь имел „несколько смущенный вид", но „обошел молчанием указания на неспособность администрации".

Наконец, в последних числах декабря 1916 года, когда мирные течения при дворе особенно усилились, Бьюкенен еще раз просил аудиенции у государя.

В ожидании ответа на свою просьбу, он „пригласил к себе председателя Думы с целью узнать, какие уступки могли бы действительно удовлетворить эту палату".[3]

Родзянко заверил, что все, чего требует Дума, заключается попрежнему в ответственном министерстве.

Аудиенция состоялась в Царском Селе 30 декабря (12 января 1917 г.) и была уже последней.

На этот раз, против обыкновения, император принял английского посла, стоя посреди комнаты. Бьюкенен говорит в своих мемуарах: „я тотчас понял, что он угадал цель моей аудиенции и что он нарочно придал ей строго официальный характер, как бы намекая мне, что я не могу касаться вопросов, не входящих в компетенцию посла".

Однако, несмотря на это, Бьюкенен прибег к прямому запугиванию государя, что видно из телеграммы представителя Японии Марума, посланной в Токио и, по установив-

---

[1] *Дж. Бьюкенен*—„Мемуары дипломата". Гос. изд., 2-е изд., стр. 164.
[2] Там же, стр. 170.
[3] Там же, стр. 181.

шемуся обычаю, подвергшейся перед отправлением перлюстрации и дешифрированию в русском министерстве иностранных дел.[1]

В этой телеграмме (№ 51), сущность разговора, происшедшего на аудиенции, передается так: Бьюкенен заявил государю, что существующее в России правительство совершенно не соответствует своему назначению и что „самое важное требование момента — это поручить составление кабинета лицам, пользующимся доверием народа". Государь дважды прерывал посла, но последний все-таки продолжал и закончил предостережением, что „в таком случае будущность государя-императора и императорского дома в опасности". На все это государь ответил лишь словом—„*merçi*".

В телеграмме (№ 133), отправленной из Петрограда 2/15 февраля и также дешифрованной перед отправлением, виконт Ушида сообщал японскому правительству о своих беседах с европейскими послами, главным образом, с английским.

Бьюкенен сказал ему:[2]

„Я осведомился у председателя Думы, которая наднях открывается, относительно настроений в думских кругах. Он мне дал весьма оптимистический ответ, что после открытия Думы будут произнесены обвинительные речи против правительства и некоторые беспорядки неизбежны, но что до прекращения войны дело не дойдет...

„Я лично не так оптимистически настроен. . . . . .

„В известном смысле население разбогатело благодаря войне, и поэтому я полагаю, что неизбежная революция будет отвращена во время войны,[3] но в России вполне возможны совершенно неожиданные события, и поэтому я не могу быть спокойным. Во всяком случае настроение народа в России весьма неудовлетворительно. Особенно по отношению к государыне царит везде необычайное недовольство. Бывшие министры без стеснения говорят, что следующий человек, который будет убит,—это государыня.

---

[1] „Вестник Народного Комиссариата Иностранных дел". 1920 г. № 4—5. „Дипломатия и Революция", профессора *Сторожева*.

[2] Там же.

[3] Т.-е разбогатели: торгово-промышленная буржуазия, правительственные казнокрады и многочисленные политические и общественные деятели, отчасти участвовавшие в подрядах на армию, отчасти же являвшиеся помощниками при их заключении.

„Характерно, что весь вопрос сводится к тому, будет ли она одна убита или же пострадают еще и другие (при чем подразумевают государя)... государь — человек с хорошими намерениями, но слабой воли и находится всецело в руках государыни. Это весьма прискорбно для России.

„Среди лиц, которым он вполне доверяет, нет честных людей. Премьер-министр (Голицын) не более, как игрушка в руках министра внутренних дел (Протопопова). Последний исключительно ради упрочения своего положения усиленно ищет расположения государыни, и в конце концов ему удалось добиться ее доверия. Однако действия его за последнее время вызвали недовольство почти всего народа. В другой стране это вызвало бы сейчас же переворот, но терпения русского народа нельзя превзойти".

Далее Бьюкенен сказал, что „о русских делах совершенно невозможно рассуждать при помощи здравого смысла. Особенно недостает у русских организационного таланта".

После того, как выяснилось нежелание государя добровольно дать ответственное министерство, вожди прогрессивного блока, с благословения дипломатических представителей Антанты, во главе коих стоял Бьюкенен, решили перейти к более энергичным действиям.

По этому поводу, вдова великого князя Павла Александровича княгиня Палей в журнале „Revue de Paris" открыто сказала: „Английское посольство, по приказу Ллойд-Джорджа, сделалось очагом пропаганды. Либералы—князь Львов, Милюков, Родзянко, Маклаков, Гучков и т. д., постоянно его посещали. Именно в английском посольстве было решено отказаться от легальных путей и вступить на путь революции".

Бьюкенен пытается опровергать эти слова, но имеющиеся документы, совершившиеся факты и даже те данные, которые сам он и его товарищ Палеолог приводят в своих мемуарах, ясно показывают, что княгиня Палей, в общем, права.

Во всяком случае, нельзя отрицать того, что между Бьюкененом и Палеологом, с одной стороны, и буржуазными политическими деятелями, враждебными царскому правительству—с другой, существовала самая тесная связь.

В борьбе за конституцию, которая в данный момент являлась и борьбой за продолжение войны „до победного

конца", прогрессивный блок Государственной Думы хотел опереться на организованное выступление петроградского пролетариата, но отнюдь не в форме восстания, а лишь в виде манифестаций и петиций.

Меньшевики и социалисты-революционеры, находившие, что буржуазия должна пока оставаться у власти, агитировали между рабочими в пользу „единения с Государственной Думой", т.-е. за поддержку прогрессивного блока, на том основании, что раньше нужно произвести политическую революцию, а затем уже можно углубить ее в социальном отношении.

При таких условиях, рабочая группа Центрального Военно-Промышленного Комитета начала, еще в январе 1917 года, подготовлять манифестацию на 14 февраля— день возобновления заседаний Государственной Думы.

Предполагалось, что рабочие всех фабрик и заводов Петрограда двинутся массами к Таврическому дворцу, устроят около него общий митинг и потребуют от Думы немедленного устранения существующего совета министров и создания, взамен его, ответственного министерства.[1]

Однако, полиции удалось своевременно раскрыть эти намерения и, по приказанию министра внутренних дел Протопопова, все члены рабочей группы (кроме двух отсутствовавших) были арестованы в ночь с 26 на 27 января, что вызвало полное одобрение в Царском Селе.

Проектированная на 14 февраля грандиозная манифестация не удалась. В этот день в Петрограде бастовало всего несколько десятков тысяч рабочих, а возле Таврического дворца собралось около 500 человек, которые были рассеяны полицией.

В то время, как большинство прогрессивного блока рассчитывало добыть конституцию посредством манифестаций и петиций рабочих, некоторые политические деятели возлагали свои надежды на дворцовый переворот при помощи какой-нибудь небольшой войсковой части. Это было старое, испытанное средство, которое не раз уже применялось в русской истории; в последний раз хотел прибегнуть к такой мере „белый генерал" Скобелев, предложивший

[1] Архив Октябрьской Революции № 1. Чрезвычайная Следственная Комиссия. Следственная часть, д. № 10, т. III, стр. 24 (17).

в 1881 году Лорис-Меликову и Игнатьеву, „арестовать Александра III и заставить его подписать манифест о конституции“.[1]

В январе 1911 года, приехав в Петербург, перед отправлением в Манчжурию, автор этой книги лично слышал от А. И. Гучкова о необходимости дворцового переворота, дабы, как он выражался, „добиться конституции, не выпуская революцию на улицу“.

Во время мировой войны, под влиянием указанных условий, идея такого переворота, при помощи войск, находила все бо́льшее число сторонников, о чем неоднократно доносило охранное отделение.

В октябре 1916 года, начальник штаба верховного главнокомандующего *Алексеев* уехал лечиться в Крым.

Деникин говорит:[2]

„В Севастополь к больному *Алексееву* приехали представители некоторых думских и общественных кругов. Они совершенно откровенно заявили, что назревает переворот. Как отнесется к этому страна, они знают. Но какое впечатление произведет переворот на фронте, они учесть не могут. Просили совета.

„Алексеев в самой категорической форме указал на недопустимость каких бы то ни было государственных потрясений во время войны, на смертельную угрозу фронту, который, по его пессимистическому определению, «и так не слишком прочно держится» и просил во имя сохранения армии не делать этого. Представители уехали, обещав принять меры к предотвращению готовящегося переворота.

„Не знаю, какие данные имел Михаил Васильевич, но он уверял впоследствии, что те же представители, вслед за сим, посетили Брусилова и Рузского и, получив от них ответ противоположного свойства, изменили свое первоначальное решение: подготовка переворота продолжалась“.

Утверждение Алексеева, будто сам он совершенно отстранился от всякого участия в заговоре (сделанное уже после революции), плохо вяжется с его действиями во время отречения государя, о чем будет сказано дальше.

---

[1] *Кропоткин*—„Записки революционера“. 1920 г., стр. 343.
[2] *Деникин*—„Очерки русской смуты“, т. I, вып. 1, стр. 37.

Между прочим, Лемке в своем дневнике рассказывает, будто еще в начале 1916 года, в ставке происходили какие-то конспиративные переговоры Алексеева и других генералов с Гучковым и Коноваловым.[1]

Относительно плана готовившегося переворота Деникин говорит:[2] „В состав образовавшихся кружков входили некоторые члены правых и либеральных кругов Государственной Думы, прогрессивного блока, члены императорской фамилии и офицерство. Активным действиям должно было предшествовать последнее обращение к государю одного из великих князей... В случае неуспеха, в первой половине марта предполагалось вооруженной силой остановить императорский поезд во время следования его из ставки в Петербург. Далее должно было последовать предложение государю отречься от престола, а в случае несогласия физическое его устранение. Наследником предполагался законный правопреемник Алексей и регентом Михаил Александрович".

Милюков называет трех предводителей заговора: Крымова, Гучкова и Терещенко.[3]

В газетной статье, по поводу происшедшего во время Корниловского выступления самоубийства генерала Крымова, Терещенко написал:[4]

„Я не могу не вспомнить последних месяцев до революции, когда генерал Крымов оказался тем единственным генералом, который из великой любви к родине не побоялся вступить в ряды небольшой группы лиц, решившейся сделать государственный переворот...

„Генерал Крымов неоднократно приезжал в Петроград... пытался убедить сомневающихся, что дольше медлить нельзя.

„Он и его друзья сознавали, что надо взять на себя руководство государственным переворотом, но вещие думские сирены убеждали нас, что час еще не настал, и что им, близко стоящим к государственным делам, виднее, чем нам, слишком по их мнению горячим головам, что надо еще ждать".

Вышеприведенные сведения о заговоре не отличаются определенностью, но, во всяком случае, несомненно, что за-

[1] *Мих. Лемке.*—„250 дней в Царской ставке". 1920 г., стр. 545 и 700.
[2] *Деникин.*—„Очерки Русской смуты" т. I. вып. 1, стр. 38.
[3] *Милюков.*—„История второй русской революции" 1921 г., т. I, вып. 2, стр. 268.
[4] Газета „День", 2 сентября 1917 г.

говорщики не желали свержения монархии, а стремились лишь к установлению конституционного строя и к продолжению войны, в единении с союзниками, на основании заключенных договоров.

В ожидании результатов переворота, кружок руководителей прогрессивного блока, с участием некоторых земских и городских деятелелей, по словам Милюкова, уже готовился к принятию власти „при чем намечен был даже и состав будущего правительства", то-есть ответственного министерства.

Департамент полиции министерства внутренних дел совершенно правильно освещал общее положение в России. Еще с 1916 года, начальник Петроградского охранного отделения генерал-майор Глобачев непрерывно доносил о растущем недовольстве, как в мирном населении, так и в армии, об антиправительственной агитации некоторых народных представителей и общественных деятелей, о разрушительной, для всего существующего строя, пропаганде крайних левых партий. На основании этого, он приходил к заключению, что „события чрезвычайной важности и чреватые исключительными последствиями для русской государственности не за горами".

Генерал Глобачев ошибался лишь в том, что считал социальную революцию в тогдашней России невозможной. В докладе от 5 февраля 1917 года за № 62, он оценивал надежды подпольных организаций—воспользоваться общим недовольством для производства „настоящей революции" в России,—как Маниловские мечтания, при чем в подтверждение такого вывода приводил слова депутата думы Александрова: „От этого недовольства ближе до монархически-патриотического погрома евреев и инородцев, чем до всероссийской революции".[1]

Во всяком случае, по свидетельству названного выше жандармского полковника Пиранга: „Протопопов был прекрасно осведомлен о надвигавшихся беспорядках, но он не придавал им значения и полагал, что если не войска, то полиция и жандармский дивизион подавят беспорядки."[2]

---

[1] Арх. Окт. Рев. № 1. Чрезвычайная Следственная Комиссия. Следств. часть, д. № 10, т. III, стр. 20 (13).

[2] Показание *Пиранга* судебному следователю. Арх. Окт. Революции № 3. Чрезвычайная Следств. Комиссия. След. часть, д. № 10, т. V, стр. 186 (182).

Согласно подробного учета, произведенного „Заводским совещанием“ Петроградского района, к 1 октября 1916 г. число рабочих в промышленных предприятиях Петрограда составляло около 400.000 человек, из коих около трети женщин. Если прибавить к этому людей, работавших в железнодорожных мастерских, на городском трамвае, в типографиях, разных торговых заведениях и т. д., то общую численность петроградских рабочих перед переворотом можно определить, приблизительно, в полмиллиона человек.

Материальное положение пролетариата в Петрограде было сравнительно лучше, чем в других городах, хотя и тут повышение заработной платы не поспевало за ростом цен на предметы первой необходимости, о чем уже было сказано в предыдущей главе.

Что касается снабжения Петрограда хлебом, то запасы муки у городского управления и у уполномоченного по продовольствию (*Вейса*) определялись, к 23 февраля, в 500.000 пудов, что покрывало приблизительно 12-дневную потребность. Сверх того, как показало произведенное тогда же обследование, в пекарнях имелись еще запасы муки на несколько дней.

Обнаруживавшийся иногда недостаток в продаже печеного хлеба объяснялся тем, что пекарни прятали часть муки про запас и кроме того находили более выгодным, вместо печения хлеба, вывозить некоторое количество муки в уезд, где она продавалась втрое дороже, чем в городе.[1]

По словам *А. Шляпникова*:[2] „Для многих заводов продовольственный кризис вовсе не существовал, так как администрация предприятий производила для рабочих специальные заготовки продуктов“.

Гарнизон Петрограда, во время войны, состоял из запасных частей.

В состав его входили прежде всего 14 запасных батальонов гвардейских полков: Преображенского, Семеновского, Павловского, Измайловского, Егерского, Московского, Гренадерского, Финляндского, Литовского, Кексгольмского, Петроградского, Волынского, 1 и 2 Стрелковых. Затем,

[1] Показание бывшего командующего войсками Петроградского округа генерала *Хабалова* Чрезвычайной Следственной Комиссии.

[2] „Семнадцатый год“, книга первая.

в Петрограде были расположены: 1-й Запасный пехотный полк, 1 и 4 Донские казачьи полки, Запасный самокатный батальон, Запасный броневой автомобильный дивизион, саперы, артиллеристы и другие небольшие части.

Наконец, в Петрограде находилось несколько военных училищ и курсов, но по отношению к ним уже наперед было решено, в случае каких либо беспорядков, к их помощи при усмирении не прибегать, так как для защиты самодержавного строя они признавались ненадежными.

Общая численность Петроградского гарнизона доходила до 160.000 человек.[1]

Запасные батальоны были до такой степени переполнены людьми, призванными из запаса, что в ротах состояло по 1.000 и более человек переменного состава.

Правильное обучение и воинское воспитание такой массы было очевидно непосильно для имевшихся слабых кадров, притом состоявших, преимущественно, из офицеров и унтер-офицеров новой формации. Сверх того размещение, довольствие, обмундирование и снаряжение столь многочисленных запасных батальонов представляло огромные затруднения. Все эти недочеты вызывали справедливое неудовольствие солдат, которые понимали, что большинство из них понапрасну оторвано от своего прямого дела и разлучено со своими семьями.

Неудовольствие еще более увеличивалось, вследствие весьма тяжелых, для нижних чинов, условий войскового быта. Солдаты запасных батальонов, только что взятые от сохи или от станка, при увольнении в город, постоянно попадались в нарушении разных правил воинского порядка и дисциплины. Так как ответственность за последнее падала на ротных командиров, то естественно, что, имея под командой по тысяче и более совершенно неизвестных им людей, они старались по возможности реже выпускать их из казарм, вследствие чего установился своего рода тюремный режим.

В результате, запертые в казармах, солдаты запасных батальонов, плохо содержимые, скучающие и озлобленные, представляли чрезвычайно благоприятную почву для всякой антиправительственной пропаганды.

---

[1] „Erinnerungen von General Wassili Gurko“ Перевод *Temmay*. Берлин, 1921 г., стр. 206.

Начальником гвардейских запасных частей и вместе с тем начальником войсковой охраны Петрограда был генерал-лейтенант *Чебыкин*, но с девятого января он находился в отпуску по болезни и его обязанности исполнял полковник л.-гв. Преображенского полка *Павленков*. Последний был также болен, страдал припадками грудной жабы настолько, что иногда даже служебные доклады вынужден был принимать в постели.[1] Вообще, из кадровых офицеров в запасные батальоны назначались, преимущественно, или эвакуированные с фронта раненые и больные, нуждавшиеся в отдыхе, или же оказавшиеся неудовлетворительными в боевой обстановке.

В начале февраля, „по личному указанию государя, Петроград с окрестностями был выделен из ведения главнокомандующего Северным фронтом и образована новая должность командующего войсками Петроградского округа с непосредственным подчинением его военному министру“.[2]

Командующим войсками был назначен генерал-лейтенант *Хабалов*, занимавший этот пост при прежних условиях.

Хабалов родился в 1858 г., начал службу в казачьей артиллерии, и, по окончании академии Генерального штаба в 1886 г., прослужил около 14 лет в различных штабных должностях в Петрограде. Затем, в продолжении следующих 14 лет, он занимал должности по военно-учебным заведениям, а в январе 1914 г. был назначен военным губернатором Уральской области, коим оставался до июня 1916 г., когда состоялось его назначение в Петроград.

Из этих данных следует, что *Хабалов* был мало подготовлен к командованию войсками, особенно при столь трудных условиях, какие тогда существовали в Петрограде, а из последующих его действий будет видно, что и по своим личным свойствам он совсем не подходил к неожиданно выпавшей на его долю роли „усмирителя“.

Военный министр генерал-от-инфантерии *Беляев*, которому в это время было 53 года, всю службу провел в Пе-

---

[1] Арх. Окт. Рев. № 2 Чрезвычайн. Следств. Комиссия, следств. часть, д. № 10 т. IV, стр. 69 (63)

[2] „Erinnerungen von General Wassili Gurko“ перевод *Теттау*. Берлин, 1921 г., стр. 206. Гурко в это время исправлял должность начальника штаба верховного главнокомандующего.

троградских канцеляриях, получив от своих товарищей по генеральному штабу меткое прозвище „мертвая голова".

Во время Мировой войны, предоставив другим завоевывать боевую славу, он сделал весьма быструю карьеру, а именно: 1 августа 1914 г. назначен исправляющим должность начальника генерального штаба; в июне 1915 г.—помощником военного министра с оставлением в предыдущей должности; 2 апреля 1916 г.—начальником генерального штаба; в августе того же года—членом военного совета; 3 января 1917 г.—военным министром.

Такие служебные успехи объяснялись, отчасти, чиновничьим трудолюбием *Беляева*, но, главным образом, его угодливостью перед всеми власть имущими, в том числе перед *Вырубовой* и *Распутиным*. Последнее обстоятельство приобрело ему особое расположение императрицы Александры Федоровны, что отразилось в нескольких местах ее переписки с государем.

Например, еще 8 октября 1915 г. она писала:

„На всякий случай, если тебе придется его (т.-е. военного министра *Поливанова*) сменить, помни про его помощника *Беляева*, которого все хвалят, как умного, дельного работника и настоящего джентльмена, вполне преданного тебе".

Военный следователь *Коренев*, производивший после переворота предварительное следствие над *Беляевым*, дал ему, как деятелю, следующую характеристику: [1]

„Форма и форма—вот главное. Содержание же во-вторых. Знать все начальственные отношения, циркуляры, предписания, инструкции, уметь отписываться, наловчиться самому создать правила и регламентации, стригущие все и всех под одну гребенку, но, боже сохрани, не касаться лишь живого дела—вот катехизис".

В несчастии *Беляев* быстро потерял присутствие духа; тот же следователь говорит про него: „С пугливой походкой, весь съежившийся, растерянный. Ну, совсем затравленный заяц".

Впоследствии, при допросе в Чрезвычайной Следственной Комиссии, *Беляев* держал себя недостойно: [2] плакал, просил отпустить его из крепости, не лишать пенсии, называл сам себя „честнейшим человеком", уверял, что до самой смерти

---

[1] Архив Русской Революции. Издав. *Гессеном* т. VII, стр. 15.

[2] „Падение царского режима" Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии. Редакция Щеголева, т. II.

Распутина „совершенно не знал о его роли", а разные услуги оказывал ему лишь из „благожелательности" и т. п.

Состав Петроградской полиции, ко времени революции, определялся приблизительно в $3^1/_2$ тысячи городовых. [1] Большая часть их была распределена по полицейским участкам, остальные же составляли полицейский резерв, в числе 10 рот.

Из этих резервных рот первые семь были в ведении полицмейстеров, в I, II, III, V и VI отделениях по одной роте, в IV отделении две роты, а 8, 9 и 10 роты составляли общий резерв, коим командовал подполковник *Левисон*, застрелившийся после революции под впечатлением пережитых событий. [2]

Полиция была вооружена револьверами систем Нагана, Браунинга и Парабеллум и винтовками японского образца. В составе ее были также конные городовые, снабженные, кроме вооружения, нагайками для разгона толпы. К полицейским войскам следует отнести и Петроградский жандармский дивизион.

Существует мнение, будто, в ожидании беспорядков, Петроградская полиция была вооружена пулеметами, переданными из военного ведомства и заблаговременно обучалась пулеметной стрельбе.

По свидетельству бывшего начальника артиллерийского управления при верховном главнокомандующем *Барсукова*, министр внутренних дел *Протопопов*, в начале зимы 1915 г., действительно, обращался к генералу *Алексееву* с просьбой о снабжении Петроградской полиции пулеметами, но *Алексеев* ответил категорическим отказом на том основании, что пулеметы нужны на фронте.

В результате, вооружение полиции пулеметами не состоялось, что подтверждается многочисленными документами, сохранившимися в Архиве Октябрьской Революции.[3]

---

[1] Архив Октябрьской Революции № 1. Чрезвычайная Следственная Комиссия. Следственная часть, д. № 10, т. III, стр. 315 (311). Показание пом. градоначальника *Вендорфа*, заведывавшего личным составом полиции.

[2] Архив Октябрьской Революции № 2. Чрезвычайная Следственная Комиссия Следственная часть, д. № 10, т. VI, стр. 62 (56).

[3] Укажем наиболее важные из них:

1. Вскоре после переворота, адвокатура округа Петроградской судебной палаты образовала, с разрешения министра юстиции, особое бюро „которое организовало 47 следственных отрядов по числу бывших полицейских участ-

Впрочем, при существовавшей обстановке, в особых полицейских пулеметах и не встречалось надобности.

В Петрограде, на крышах многих зданий, как-то Зимнего дворца, Окружного штаба, Главного штаба, Орудийного завода, Собрания Армии и Флота, Путиловского завода и других давно уже стояли противоаэропланные батареи, расставленные по особому плану генералом Бурманом, который был непосредственно подчинен *Хабалову*. Эти многочисленные пулеметы могли обстреливать не только неприятельские аэропланы, но также улицы и площади города.

На основании „Устава гарнизонной службы“, [1] еще при генерале *Чебыкине* „для предупреждения могущих возникнуть беспорядков“, было составлено расписание на случай вызова войск, с разделением города на следующие районы войсковой охраны (см. план):

ков столицы и каждому отряду поручило расследование деятельности чинов полиции одного участка“.

В результате, после трехмесячных усердных трудов, бюро сообщило в Чрезвычайную Следственную Комиссию, 6 июня 1917 года за № 42: „В настоящее время деятельность отрядов закончена и большинство отрядов представило бюро отчеты. Согласно поступивших до сего времени отчетов, в количестве 41, отрядами закончены и переданы во временные суды производства о 1.107 полицейских чинах. Указаний на организованное участие полиции в стрельбе в народ, в дни переворота, ни в одном из отчетов не встречается“.

Архив Октябрьской Революции № 1. Чрезвычайная Следственная Комиссия. Следственная часть, д. № 10, т. III, стр. 262 (256).

2. В том же деле имеются сообщения председателей „Временных судов“ Петрограда в Чрезвычайную Следственную Комиссию о том, что „данных, указывающих на участие отдельных чинов полиции в стрельбе из пулеметов с крыш и чердаков домов в Февральские дни“—не имеется.

3. Опрошенный судебным следователем, 30 мая 1917 года, *В. Л. Бурцев* показал:

„Я придавал огромное значение пулеметной стрельбе в революционные дни, так как из газет и из частных слухов имел категорические заявления об участии в этом деле бывшего министра *Протопопова* и целого ряда других лиц, но все мои попытки найти точные указания на причастность к пулеметам отдельных лиц из правительства или его организаций никогда не приводили ни к каким результатам. Мне приходилось в интимной обстановке беседовать с представителями полиции и охранных отделений на эту тему, и я ни разу не нашел никаких указаний на какую либо правительственную организацию, которая была бы приготовлена в ожидании революции. Меня посещали многие лица, осведомлявшие меня о событиях и о многих вопросах, касавшихся борьбы с революционерами, но и беседы с этими лицами не дали мне никаких данных, которые подтвердились бы при их проверке“...

Архив Октябрьской Революции № 1. Чрезвычайная Следственная Комиссия. Следственная часть, д. № 10, т. III стр. 200 (206).

[1] Приложение 2: „Правила о призыве войск для содействия гражданским властям“.

I Отделение.

Полицмейстер—действительный статский советник *Значковский.*

Район № 1: Запасный батальон л.-гв. Преображенского полка (полковник князь *Аргутинский-Долгоруков*).

Сверх того преображенцы должны были охранять Николаевский вокзал с подъездными путями и товарными складами.

Район № 2: Запасный батальон л.-гв. 2 Стрелкового полка (полковник *Алексеев*).

Район № 3: Запасный батальон л.-гв. Павловского полка (полковник *Экстен*).

II Отделение.

Полицмейстер—генерал-майор *Григорьев.*

Район № 4: Запасный батальон л.-гв. Кексгольмского полка (полковник *Гапонов*).

Район № 5: Запасный батальон л.-гв. Петроградского полка (полковник *Цеслинский*).

Район № 6: Запасный батальон л.-гв. Измайловского полка (полковник *Данильченко*).

III Отделение.

Полицмейстер—действительный статский советник *Мораки.*

Район № 7: Запасный батальон л.-гв. Семеновского полка (полковник *Назимов*).

Район № 8: Запасный батальон л.-гв. Волынского полка (полковник *Висковский*).

Район № 9: Запасный батальон л.-гв. Литовского полка (полковник *Корсак*).

IV Отделение.

Полицмейстер—генерал-майор *Галле.*

Район № 10: Запасный батальон л.-гв. Гренадерского полка (полковник *Берков*).

Район № 11: Запасный батальон л.-гв. 3 Стрелкового полка (полковник *Асеев*).

Район № 12: Запасный батальон л.-гв. Финляндского полка (полковник *Садовский*).

V Отделение.

Полицмейстер—полковник *Шалфеев.*

Район № 13: Запасный батальон л.-гв. Московского полка (полковник *Михайличенко*).

Район № 14: 1 Запасный пехотный полк (подполковник *Чубаков*).

VI Отделение.

Полицмейстер—полковник *Пчелин.*

Район № 15: Запасный батальон л.-гв. Егерского полка (полковник *Усов*).

Район № 16: Тот же запасный батальон л.-гв. Егерского полка.

Согласно Гарнизонного устава (Приложение 2, ст. 20) начальникам районов было указано: при „вызове войск, для предупреждения могущих возникнуть беспорядков", занять определенными небольшими частями поименованные в расписании здания и сооружения, а также выслать разъезды и патрули, поступающие в распоряжение гражданского начальства. Остающиеся в каждом районе войска должны были составить резерв.

Сверх того, желая избежать кровопролития, которое должно было вызвать раздражение в России и произвести неблагоприятное впечатление на союзников, *Хабалов* дополнительно приказал: по возможности не вводить в дело пехоту, а „толпу, если она собирается и по требованию не расходится, разгонять кавалерией".

III.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ДЕМОНСТРАЦИИ НА УЛИЦАХ.

Способ действий, предложенный бюро центрального комитета большевиков. Выезд государя, 22 февраля, в ставку. *23 февраля.* Начало демонстраций на Выборгской стороне. Передача власти военным начальникам. *24 февраля.* Движение демонстрантов к центру. Занятие пехотными частями пунктов, поименованных в расписании. *25 февраля.* Начало всеобщей забастовки. Прокламация большевиков. Демонстрации в центре. Столкновения демонстрантов с полицией и войсками. Донесения Хабалова, Беляева и Протопопова. Телеграмма государя о прекращении беспорядков. Разговор Родзянко с Голицыным. Совещание министров. *26 февраля.* Объявление Хабалова о действии оружием. Демонстрации после полудня. Стрельба войск в четырех пунктах. Вмешательство Родзянко. Бунт в Павловском полку. Телеграмма Родзянко государю об ответственном министерстве. Телеграмма Рузского. Высочайший указ о перерыве заседаний Думы.

Схематический план Петрограда (См. приложение).

С конца 1916 года, для членов партии большевиков работавших в подполье, было уже ясно видно „приближение революционной бури". Большинство их сходилось на том, что центром грядущих событий будет Петроград, а инициатором восстания Петроградский пролетариат. В ожидании был намечен и общий способ действий, так сказать „тактика восстания".

До этого времени, „универсальным средством борьбы" были стачки. Теперь, бюро центрального комитета партии, состоявшее из *А. Шляпникова, В. Молотова и И. Залуцкого,* предложило Петроградскому комитету и Московскому областному бюро перейти к массовым уличным демонстрациям.

Относительно этого предложения *Шляпников* говорит: [1]

„Начальной формой политической борьбы мы считали

[1] *А. Шляпников*—„Семнадцатый год". Книга первая. Стр. 20.

уличные демонстрации под нашими лозунгами борьбы с войной, дороговизной жизни, царской монархией, за восьмичасовой рабочий день, за землю крестьянину и др. Уличные демонстрации, вовлекая широкие массы рабочих и городской демократии, неизбежно вели к обострению борьбы с царизмом. Развитие этой борьбы должно было заставить правительство пустить в дело армию, втянуть ее в борьбу с рабочими. Последнее, мы это отчетливо себе представляли, должно было разложить войсковые части, а наши революционные лозунги—способствовать присоединению солдат к рабочим. Путем уличной борьбы мы надеялись вовлечь в революционное движение всю недовольную войной и своим положением солдатскую массу".

Нужно заметить, что *Ленин*, еще в начале 1912 года, советовал „заменять иногда стачки демонстрациями", при чем целью ставил: „расшевелить, раскачать, взбудоражить, поднять на революционную борьбу крестьянство и лучшую часть крестьянского войска". [1]

Вообще бюро центрального комитета партии полагало, что важнейшим вопросом при предстоявшем восстании является привлечение на сторону народа армии, без чего революция решительного успеха иметь не может.

Наоборот, некоторые партийные деятели, преувеличивая силы пролетариата, надеялись на то, что он один, без помощи армии, сможет победоносно завершить революцию, а потому настаивали на безотлагательном формировании боевых дружин.

На это члены бюро центрального комитета совершенно резонно возражали: что боевые дружины все равно не в состоянии будут сражаться с воинскими частями, а между тем употребление в дело оружия будет ожесточать солдат и вызывать их на такие же действия; что солдат не следует раздражать, а нужно влиять на них лаской и убеждением и что оружие пролетариат получит уже впоследствии, по соединении с войсками, из арсенала и военных складов. [2]

Вышеприведенное предложение бюро центрального комитета партии о переходе к массовым уличным демонстра-

---

[1] *Н. Ленин*—„Собрание сочинений", т. XI, ч. 2. Статья „Развитие революционной стачки и уличных демонстраций".

[2] *А. Шляпников*—„Семнадцатый год". Книга первая.

циям с революционными лозунгами было вынесено на обсуждение заводских кружков и коллективов, а через них и на широкие собрания рабочих, при чем получило всеобщее одобрение.

Между тем, в противоположность большевикам, меньшевики, социалисты-революционеры и их единомышленники считали необходимым действовать в единении с прогрессивным блоком Государственной Думы, допуская выход на улицу лишь в виде манифестаций перед Таврическим дворцом с передачей народным представителям соответствующих петиций. Проектированные большевиками массовые уличные демонстрации с революционными лозунгами представлялись им крайне опасными, могущими привести к кровавой развязке и погубить общее дело демократии.

По этому поводу один из видных социалистов-революционеров *Мстиславский* (*Масловский*), в 1922 году, написал:

„Революция застала нас, тогдашних партийных людей, как евангельских неразумных дев, спящими. Теперь, через 5 лет, непонятным кажется, как можно было в нарастании февральской волны не почувствовать (не говорю уже—осознать) надвигавшейся бури: ведь к этим дням многие из нас готовились годами царского подполья, напряженной жадной, верящей мыслью. И когда пришла, наконец, она, долгожданная, желанная,—некуда было итти". [1]

Рекомендованная бюро центрального комитета тактика восстания, как показали последующие события, была совершенно правильна: она верно оценивала слабость правительства, состояние армии и психологию солдат.

Пропаганда в петроградских казармах велась через членов партии, призванных на военную службу. Кроме того, при увольнении солдат в город, они подвергались соответствующей обработке со стороны сознательных рабочих, которые снабжали их и литературой.

Тем не менее создать прочные партийные организации в частях Петроградского гарнизона, в то время, еще не удалось. Этому препятствовали: во-первых, постоянно изменявшийся состав запасных частей, в коих солдаты остава-

[1] *С. Мстиславский*—„Пять дней". Москва, 1922 год. Масловский, сын известного военного историка, занимал перед революцией должность библиотекаря военной академии.

лись до отправления на фронт всего $1^1/_2$—2 месяца, а во-вторых—недостаточность агитационных сил.

Гораздо больших результатов большевики достигли среди матросов Балтийского флота, где уже существовала широкоразветвленная организация, центром которой являлся Кронштадт.

Что касается социалистов-революционеров и меньшевиков, то, по словам *А. Шляпникова*, они подпольной работы в войсках не вели.

Он говорит: [1] „Для патриотических, оборонческих элементов воздержание от пропаганды в армии было в порядке вещей, так как они прекрасно понимали, что антиправительственная пропаганда среди солдат неизбежно подорвет боеспособность армии, а это не входило в их задачи. Интернационалисты же в этих партийных (эсэровских и меньшевистских) организациях были очень слабы и мало активны".

Февраль был, вообще, беспокойным временем в Петрограде: 1, 3, 4, 7, 9, 14 и 15 числа этого месяца на многих фабриках и заводах происходили забастовки, из коих некоторые охватывали значительное количество рабочих.

С 18 февраля начались митинги и забастовки в разных мастерских огромного Путиловского завода; в ответ, 22 февраля, администрация завода объявила локаут, вследствие чего 30.000 человек остались без работы. Назревал конфликт, который должен был найти отклик во всем Петроградском пролетариате; но в правительственных сферах не придали этому факту особого значения.

После совещания с председателем Совета министров князем *Голицыным*, военным министром *Беляевым* и министром иностранных дел *Покровским*, государь, в 2 часа пополудни 22 февраля, выехал из Царского Села в ставку в Могилев с тем, чтобы вернуться в Петроград к началу марта. Впрочем, нужно иметь в виду, что, находясь в ставке, Николай II имел полную возможность поддерживать связь как с императрицей, так и с членами правительства, потому что „особый телефон соединял Могилев с Царским Селом и Петроградом". [2]

---

[1] „Семнадцатый год". Книга первая, стр. 161.

[2] „Воспоминания генерала *А. С. Лукомского*". 1922 г., т. I, стр. 128.

Во время пути, находясь в вагоне, государь записал в свой дневник: „День стоял солнечный, морозный. Читал, скучал и отдыхал, не выходил из-за кашля".

23 февраля.

Утром 23 февраля, в Международный день работницы на многих заводах и фабриках Петрограда, где работали женщины, были устроены митинги, на коих, наряду с разными экономическими требованиями, некоторые ораторы выступали с речами о прекращении войны.

По окончании митингов, толпы работниц Выборгской стороны, соединившись с многочисленными рабочими, двинулись по улицам, снимая с работы своих товарищей и останавливая движение трамваев, для чего демонстранты отбирали у вагоновожатых ключи от электрических двигателей, а местами опрокидывали вагоны. Нужно иметь в виду, что описанные демонстрации произошли вопреки постановлению районного комитета партии большевиков, который накануне рекомендовал: в ожидании грядущих событий, „воздерживаться от частичных выступлений".[1]

Демонстрации начались в виде протеста против недостатка хлеба, но скоро приняли политический характер, при чем появились красные флаги с революционными надписями.

Полиция, при содействии небольших конных частей, разгоняла демонстрантов, но толпы, расходившиеся в одних местах, снова собирались в других.

Сначала подавлением беспорядков руководил градоначальник генерал-майор *Балк*, но, когда было получено известие о нанесении демонстрантами увечий двум помощникам пристава на Выборгской стороне, то, с 2 часов пополудни, вся власть, согласно Устава гарнизонной службы (Приложение 2-е, ст. 26 и 27), была передана и. д. начальника войсковой охраны Петрограда полковнику *Павленкову*.[2]

---

[1] Журнал „Пролетарская Революция". 1923 г. № 1 (13). Статья *В. Каюрова*—рабочего завода Эриксон (стр. 158).

[2] Арх. Окт. революции № 3. Чрезв. След. Комиссия. Следственная часть, д. № 10, т. V, стр. 75 (71).

Последний расположился в здании градоначальства (на углу Гороховой улицы и Адмиралтейского проспекта), в кабинете градоначальника, будучи связан с начальниками войсковых районов и с полицмейстерами телефонами общего пользования. В этом же помещении, обыкновенно, находился и командующий войсками округа *Хабалов* с своим начальником штаба генералом *Тяжельниковым*. Впрочем, общее руководство подавлением беспорядков, как в этот, так и в последующие дни, сводилось почти исключительно к взаимной информации, а затем каждодневно, к 10 час. вечера, начальники войсковых районов собирались в здании градоначальства, где докладывали о происшествиях истекшего дня и получали указания на следующий день.

Ввиду того, что *Хабалов*, как сказано в предыдущей главе, не хотел вводить в дело пехоту, а желал, по возможности, ограничиться разгоном толпы кавалерией, он вызвал из Красного Села 9 запасный кавалерийский полк и из Павловска сотню л.-гв. Сводно-казачьего полка.

С Выборгской стороны демонстрации перекинулись на Петербургскую сторону, где было сделано несколько попыток снять с работ небастовавших рабочих, но собиравшиеся толпы были рассеяны.

Одновременно демонстрирующие массы пытались проникнуть, по мостам через Неву, в центральную часть города, но были остановлены выставленными на мостах нарядами полиции. Однако, к 4 час. пополудни демонстрантам все-таки удалось, в одиночку и кучками, перейти по льду на левый берег Невы и собраться толпами в боковых улицах близ набережной. После этого, демонстранты сняли с работ рабочих нескольких заводов в Рождественской и Литейной частях, а затем произвели демонстрации, сопровождавшиеся остановкой трамвайного движения, на Литейной, на Суворовском проспекте и на Невском близ Знаменской площади.

В других частях города забастовок и демонстраций не было.

К 7 час. вечера порядок повсюду был восстановлен, при чем нигде дело не дошло до употребления оружия.

Всего, по сведениям полиции, за этот день бастовало 50 фабрично-заводских предприятий, с 87.534 рабочих.

24 февраля.

С утра 24 февраля на всех фабриках и заводах Выборгской стороны происходили митинги. Ораторы призывали пролетариат к забастовке и демонстрациям в центре города. Сверх того, большевики выступили с предложениями братания с солдатами, что было встречено с полным сочувствием и стало безотлагательно проводиться в жизнь. Близ казарм, вокруг часовых и патрулей, собирались кучки рабочих (как мужчин, так и женщин), вступавших в дружеские разговоры с солдатами.

После митингов многотысячные толпы рабочих Выборгской стороны двинулись к Александровскому мосту, где к ним присоединились рабочие Палюстрова и Большой Охты.

Путь через мост преграждался нарядом пеших городовых, конно-полицейской стражей, конными жандармами и небольшой казачьей частью. Конные городовые и жандармы пустили в ход нагайки, а казаки, не имевшие нагаек, по свидетельству очевидцев, держали себя „нейтрально". Части демонстрантов удалось прорваться через мост, но большинство направилось через Неву по льду в разных местах.

Военный министр *Беляев* советовал *Хабалову* по телефону: стрелять по переходящим Неву, но так, чтобы пули ложились впереди их. *Хабалов* этого странного совета, к тому же противоречившего Уставу Гарнизонной службы (Приложение 2, ст. 30), не исполнил.

Между тем, весть о локауте на Путиловском заводе разнеслась по всему городу. Забастовки и митинги охватили все районы, при чем экономические требования отодвигались на задний план, а движение все более принимало революционный характер под большевистскими лозунгами.

Всего в этот день, по сведениям полиции, бастовало 197.000 рабочих.

Демонстрирующие толпы, с пением революционных песен и под красными флагами с разными революционными надписями, направлялись со всех сторон к центру города на Невский проспект.

В подавлении беспорядков, как и накануне, участвовала почти исключительно полиция и притом, главным образом,

конные городовые и жандармы, хлеставшие демонстрантов нагайками. В нескольких случаях полиция обнажала шашки, но лишь для устрашения толпы, не пуская их в дело.

Драгуны и казаки, не имея нагаек, или оставались простыми зрителями, или же производили безрезультатные атаки. Последние сводились к тому, что галопировавшие впереди офицеры врезались в толпу, которая (хотя и с трудом) раздавалась перед ними, а в эти промежутки, гуськом, проезжали затем солдаты. Полковник *Павленков* неоднократно требовал от командира 1-го Донского полка полковника *Троилина*, чтобы он заставил казаков разгонять толпу нагайками, как это делали конные городовые и жандармы, но *Троилин* отвечал, что при выступлении на войну казаки не взяли с собой нагаек. Вечером, по докладу *Павленкова*, *Хабалов* приказал выдать каждому казаку по 50 копеек на изготовление нагайки. [1]

В некоторых случаях казаки выказывали даже сочувствие демонстрантам. Например, около 3 час. пополудни, на Знаменской площади у памятника Александра III, толпа, прогнав 15 конных городовых, устроила митинг в присутствии полусотни казаков. В полицейской сводке сказано, что из толпы „слышались возгласы—„Да здравствует республика", „долой войну", „долой полицию", а также крики „ура" по адресу бездействовавших казаков, которые отвечали толпе поклонами". [2]

В этот же день *Хабалов* приказал начальникам районов занять пехотой здания и сооружения, поименованные в расписании на случай вызова войск. Это было сделано помимо полковника *Павленкова*, на вопрос коего *Хабалов* ответил „что части вызваны в предположении, что народ будет громить булочные и хлебопекарни, так как почему-то в городе нет хлеба, несмотря на выдачу лишних 4.000 пудов муки". [3]

---

[1] „Исторический Вестник" 1917 г., апрель, ст. „Агония старого режима" (по показаниям очевидцев) *Н. Ф. Акаемов.*

[2] Арх. Октябрьской Революции № 3 Чрезв. След. Комиссия. Следств. часть, д. № 10, т. V, стр. 75 (71).

[3] Арх. Октябрьск. Революции № 2. Чрезв. След. Комиссия, Следств. часть, д. № 10, т. IV, стр. 69 (63).

Судя по полицейской сводке, некоторые из этих частей (3 Стрелкового, Финляндского и Московского полков) приняли участие в разгоне толпы; но фактически они играли лишь роль угрозы, так как не пользовались ни холодным, ни огнестрельным оружием.

С наступлением темноты, демонстрации сами собой прекратились и демонстранты разошлись по домам; войска также вернулись в свои казармы, на улицах остались лишь разъезды, патрули и часовые.

В дни 23 и 24 февраля, толпой было избито 28 чинов полиции, при чем некоторые из них получили тяжкие увечья, но Хабалов все-таки не решался прибегать к стрельбе. Градоначальник *Балк*, указав на большое число пострадавших городовых, просил у *Хабалова* разрешения снять с улиц полицейские посты, на что последний, однако, не согласился, разрешив лишь „сдвоить посты", т.-е. уменьшить число их вдвое, поставив на каждом посту по два городовых.

Сведений о числе потерпевших, 23 и 24 февраля, демонстрантов не имеется; но один из участников, все время находившийся в опасных местах, говорит: „Потерь с нашей стороны я не замечал" [1].

По городу было расклеено следующее объявление *Хабалова*: „За последние дни отпуск муки в пекарни для выпечки хлеба в Петрограде производится в том же количестве, как и прежде. Недостатка хлеба в продаже не должно быть. Если же в некоторых лавках хлеба иным не хватало, то потому, что многие, опасаясь недостатка хлеба, покупали его в запас на сухари. Ржаная мука имеется в Петрограде в достаточном количестве. Подвоз этой муки идет непрерывно".

На квартире *Хабалова* было собрано совещание „по вопросу о мерах для прекращения беспорядков".

В нем приняли участие: городской голова *Лелянов*, его товарищ *Демкин*, уполномоченный по продовольствию *Вейс*, градоначальник *Балк*, начальник Окружного Штаба *Тяжельников*, начальник войсковой охраны *Павленков*, начальник охранного отделения *Глобачев* и некоторые другие.

---

[1] Журнал „Пролетарская революция" 1923 г. № 1 (13), стр. 161. Статья рабочего *В. Каюрова*.

На совещании было решено:

1) Усилить надзор за пекарнями, дабы вся выдаваемая им мука, действительно, перепекалась в хлеб, который поступал бы в продажу в городе.

2) Арестовать намеченных охранным отделением революционеров, которые являлись подстрекателями беспорядков.

3) Усилить состав конницы, вызовом из Кречевицких казарм (Новгородской губернии) гвардейского запасного кавалерийского полка.

Днем, в Государственной Думе обсуждались разные продовольственные вопросы, при чем депутаты *Керенский*, *Родичев* и *Чхеидзе* произнесли весьма резкие политические речи, которые воспрещено было печатать в газетах.

Вечером, в Мариинском дворце состоялось экстренное заседание Совета министров, при участии членов президиума Государственной Думы и Государственного Совета, городского головы и председателя губернской земской управы, на котором было постановлено: передать продовольственное дело в Петрограде городскому самоуправлению.

В тот же день, императрица Александра Федоровна отправила мужу письмо, в коем, между прочим, написала: „Я надеюсь, что думского *Керенского* повесят за его ужасную речь—это необходимо (военный закон военного времени) и это будет примером. Все жаждут и умоляют, чтобы ты показал свою твердость". [1]

Относительно событий в городе она ограничилась словами: „Беспорядки хуже в 10 часов, в час—меньше, теперь это в руках *Хабалова*".

Государь, находившийся в ставке (в Могилеве), оставался совершенно спокойным, не придавая событиям, происходившим в Петрограде, серьезного значения.

По этому поводу, состоявший при нем придворный историограф генерал *Дубенский* записал в свой дневник, под 24 февраля: „Тихая жизнь началась здесь. Все будет по старому. От царя ничего не будет. Могут быть только случайные, внешние причины, кои заставят что-либо измениться... В Петрограде были голодные беспорядки, рабочие

[1] Вообще императрица обнаруживала большую строгость, например, в письме от 2 сентября 1915 г., она восклицает: „Ах, если-бы только можно было повесить *Гучкова*".

Патронного завода вышли на Литейный и двинулись к Невскому, но были разогнаны казаками".

Впрочем, и английский посол *Бьюкенен* не обнаруживал никакого беспокойства. В своей телеграмме *Бальфуру* (24 февраля—9 марта) за № 219 он сообщил[1]: „произошли некоторые беспорядки, но ничего серьезного".

25 февраля.

Первые два дня революции (23 и 24 февраля) выявили с полной ясностью слабость правительства, которое, располагая многочисленными войсками, не решалось ввести их в дело, а думало обойтись силами одной полиции, коих очевидно было недостаточно для того, чтобы справиться с народным движением. Правда, войска Петроградского гарнизона, с правительственной точки зрения, не представлялись особенно надежными, но тем не менее, в случае желания сохранить существующий режим, нельзя было медлить, так как, вследствие развивавшейся пропаганды, каждый лишний день делал эти войска еще менее надежными.

Суханов справедливо говорит, что власть „явно запускала движение"[2].

Само собой разумеется, что все это делалось отнюдь не из гуманности, а по общей неспособности правительства к планомерным решительным действиям в каком бы то ни было направлении.

С утра 25 февраля, в Петрограде началась всеобщая забастовка, в коей приняли участие рабочие всех заводов и фабрик, а также трамвайных парков, типографий, ремесленных мастерских и торговых заведений. Всего, по сведениям полиции, бастовало 240.000 рабочих, в действительности же значительно больше. В течение дня к забастовке присоединились и учащиеся высших учебных заведений.

Утром, бюро Центрального комитета партии большевиков выпустило прокламацию, в которой, изобразив яркими красками тяжелое положение пролетариата, призывало его на борьбу против правительства и буржуазии.

---

[1] „Вестник Народного Комиссариата Иностранных дел" 1920 г. № 4—5. „Дипломатия и революция". Проф. *Сторожева*.

[2] *Суханов*.—„Записки о революции". 1922 г., книга I, стр. 19.

Прокламация заканчивалась словами: „Долой царскую монархию! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует 8-часовой рабочий день! Вся помещичья земля—народу! Долой войну! Да здравствует братство рабочих всего мира! Да здравствует социалистический Интернационал!“

Что касается дальнейших действий, как в этот, так и в последующие дни, то бюро Центрального комитета твердо держалось своего основного руководящего взгляда, что судьба революции может быть решена только армией, а потому главное внимание должно быть обращено на привлечение солдат на сторону народа.

По этому поводу *Шляпников* говорит:

«Многие товарищи рабочие и представители районов обращались ко мне в эти дни с требованиями добыть оружие. „Хоть несколько револьверов, товарищ“—умоляли меня пролетарии. Достать можно было и сравнительно легко, однако, ведь не револьвер решал дело. Вооружением царское правительство было богаче нас и надо было его оружие использовать и овладеть им. Боялся я, что нетактичное направление приобретенного таким путем оружия может только повредить делу. Разгоряченный товарищ, пустивший револьвер в ход против солдата, мог бы только спровоцировать какую-либо воинскую часть, дать повод властям натравливать солдат на рабочих. Поэтому я решительно отказывал в поисках оружия всем и самым настоятельным образом требовал вовлечения солдат в восстание, дабы этим путем добыть оружие всем рабочим. Это было труднее, чем приобрести несколько десятков револьверов, но в этом была целая программа действий». [1]

Бюро Центрального комитета рекомендовало пролетариату: „не нападать на воинские части, а стараться сливаться с солдатами, вступать в разговоры, обращаться к ним с речами, стремиться к уличному братанию, распылению их в толпе, изолированию от них офицеров“.

С утра огромные толпы рабочих, в числе коих было много женщин и подростков, со всех окраин города стремились к центру, на Казанскую площадь, назначенную сборным пунктом.

---

[1] *А. Шляпников*—„Семнадцатый год“. Книга первая. 1923 г., стр. 105.

Полиция, жандармы и кавалерия пытались преградить им путь, пехота снова заняла здания и сооружения, указанные расписанием на случай вызова войск.

Революционные демонстрации разыгрались в том же виде, как и накануне, но в толпах, кроме рабочих, были видны еще студенты и разные недовольные обыватели.

Демонстранты проявляли особое озлобление к полиции и жандармам—к „продажным шкурам“, как они их называли. Многим полицейским, стоявшим на постах, были нанесены побои и увечья. В отряды конных городовых и жандармов из толпы летели камни, поленья и бутылки, было даже произведено несколько револьверных выстрелов. Около 6 часов вечера, на Невском, между Аничковым мостом и Литейной, в жандармский разъезд была брошена ручная граната, которой ранены один жандарм и одна лошадь. Конные городовые и жандармы, при разгоне толпы, действовали не только нагайками, но и холодным оружием, нанося удары плашмя; в единичных случаях, отдельным чинам полиции пришлось, для самообороны, прибегнуть к револьверу.

Несмотря на тяжелое положение полиции, надрывавшейся в непосильной борьбе с восставшим народом, *Хабалов* и в этот день не отдал приказания стрелять. В этом его поддерживал военный министр *Беляев*, который говорил по телефону: „какое ужасное впечатление произведет на наших союзников, когда разойдется толпа и на Невском будут трупы“.[1]

В полицейской сводке за 25 февраля выражена жалоба на войска, которые проявляли не только „пассивность“, но иногда даже „нетерпимость к деятельности чинов полиции“.[2]

В этом отношении особенно выделялись казаки, по поводу чего в сводке указано два случая.

Во дворе № 3 по Казанской улице находилось 25 арестованных демонстрантов, под охраной 2 городовых. Около 2 часов дня, взвод 4 Донского казачьего полка, под командой

---

[1] Показания *Беляева* Чрезвычайн. Следств. Комиссии. „Падение царского режима“, т. II, стр. 239.

[2] Арх. Окт. Революции № 3 Чрезв. След. Ком. Следств. Часть, д. № 10, т. V, стр. 75 (71).

офицера, освободил этих арестованных, при чем казаки нанесли городовым удары ножнами шашек, а один из них ругал их бранными словами и говорил: „Служите вы за деньги".

В одиннадцатом часу утра, на Выборгской стороне, полицмейстер полковник *Шалфеев*, с конными городовыми и полу-сотней казаков 1 Донского полка, выехал навстречу толпе, приближавшейся к Александровскому мосту и предложил ей разойтись.

Демонстранты стащили его с лошади и стали избивать ломиком и толстой палкой, сломав ему руку и раздробив переносицу. Казаки тотчас же „отступили и оставили лежащего на мостовой полицмейстера и около него 10 человек конно-полицейской стражи".

Еще более серьезный инцидент произошел близ Николаевского вокзала, на Знаменской площади. Тут, вокруг памятника Александра III, происходил митинг, в присутствии спокойно стоявшей казачьей части с офицерами. Около 3 часов пополудни, прибывшие на площадь конные городовые, под начальством пристава *Крылова*, стали разгонять толпу нагайками.

Рабочие обратились к казакам с просьбой о помощи. Казаки, без своих офицеров, немедленно бросились на полицейских и обратили их в бегство, после чего „как ни в чем не бывало" вернулись на прежние места.

Далее один из рабочих, *Каюров*, рассказывает:[1] „Подбегаю к вокзальным воротам и вижу, качают на руках казака—оказывается, он зарубил шашкой полицейского пристава, которого на моих глазах добивали лопатой".

Хабалов, получив по телефону донесение об убийстве казаками пристава *Крылова*, приказал немедленно послать полицейского врача для вскрытия тела. Но это вскрытие установило лишь, что *Крылову* были нанесены: „рана колющим оружием и несколько ран шашкой". Вопрос же о том, кто нанес эти раны, казаки или манифестанты, завладевшие шашкой *Крылова*, так и остался невыясненным.

Если к полиции и жандармам демонстранты относились враждебно, то отношение их к войскам было, наоборот, доброжелательное. Особенно они ухаживали за самым опасным

[1] „Пролетарская Революция" 1923 г., № 1 (13), стр. 162.

противником—пехотой. Как только, для разгона толпы, офицер подавал команду „на руку", женщины и подростки хватались за ружья, раздавались просьбы, убеждения, крики и смущенные солдаты опять брали „к ноге".

За день было всего два случая употребления оружия со стороны войск и оба были вызваны демонстрантами, что подтвердило правильность указания, данного бюро Центрального Комитета партии о том, что не следует, понапрасну, раздражать войска.

В 11 часов утра, когда на казенном трубочном заводе (на Васильевском острове), была вызвана рота запасного батальона л.-гв. Финляндского полка, то к командовавшему ею подпоручику *Иоссу* „подскочил один из рабочих и стал угрожать кулаком перед его носом и осыпать ругательствами". *Иосс* выхватил револьвер и уложил его на месте. По словам *Хабалова*: „Это произвело такой эффект, что моментально толпа разбежалась и беспорядки кончились".[1] (?!)

В 5 часов вечера, у Гостиного двора, демонстранты начали петь революционные песни и подняли красные флаги с надписями „Долой войну". В ответ на предупреждения, что будет применено оружие, из толпы раздалось несколько револьверных выстрелов, одним из коих был ранен в голову рядовой 9 Запасного кавалерийского полка. Тотчас же взвод драгун спешился и открыл огонь по толпе, причем было убито 3 и ранено 10 человек. Толпа мгновенно рассеялась.[2] Этот факт стрельбы солдат вызвал в народе сильное возбуждение и неудовольствие против войск.

Днем, по городу было расклеено объявление *Хабалова*, что если со вторника, 26 февраля, рабочие не станут снова на работу, то все новобранцы досрочных призывов 1917, 1918 и 1919 г.г., пользующиеся отсрочками, будут призваны в войска.

В пятом часу вечера, *Хабалов* послал начальнику штаба верховного главнокомандующего телеграмму,[3] в которой доносил о происшествиях за 23, 24 и 25 февраля, при чем

---

[1] Показание *Хабалова* Чрезвыч. Следств. Комиссии. „Падение царского режима", т. I, стр. 189.

[2] Телеграмма *Хабалова Алексееву*, утром 26 февраля.

[3] Журнал „Былое" 1919 г. № 15 „Последние дни старого режима". *А. Блок*, стр. 27.

сильно уменьшал потери полиции и вообще пытался придать всему революционному движению характер простого голодного бунта.

В этот же день в ставке были получены две телеграммы военного министра *Беляева*. В первой он сообщал, что меры к прекращению беспорядков приняты и что ничего серьезного нет, а вторую заканчивал обещанием, что к 26 февраля беспорядки будут прекращены.[1]

Вообще все три телеграммы отличались такою же лживостью, как и те донесения, которые обыкновенно посылались государю с театра войны.

В подобном же духе телеграфировал и *Протопопов* дворцовому коменданту *Воейкову*, при чем, между прочим, говорил: „Движение носит неорганизованный стихийный характер; наряду с эксцессами противо-правительственного свойства, буйствующие местами приветствуют войска".

Протопопов забыл только сказать, что „буйствовавшие" приветствовали войска лишь в тех случаях, когда последние держались пассивно или даже действовали против полиции.

Около 9 часов вечера, *Хабалов* получил телеграмму государя: „Повелеваю Вам прекратить с завтрашнего дня всякие беспорядки на улицах столицы, недопустимые в то время, когда отечество ведет тяжелую войну с Германией".[2]

По словам *Хабалова*, эта телеграмма хватила его будто „обухом". Как прекратить завтра же беспорядки, «когда на флагах надпись „долой самодержавие"—какой тут хлеб успокоит?».

Но, однако, сам же *Хабалов* ввел государя в заблуждение, изобразив в своем донесении революционное движение в виде простого голодного бунта.

В 10 часов вечера, когда начальники районов войсковой охраны, по обыкновению, собрались в здании градоначальства, *Хабалов* прочел им высочайшую телеграмму и отдал следующее словесное приказание:[3]

---

[1] „Воспоминания генерала *А. С. Лукомского*", Берлин, 1922 г. т. I, стр. 123.

[2] Приведенный текст этой телеграммы был написан Николаем II собственноручно.

[3] Показание *Хабалова* Чрезвыч. Следств. Комиссии. „Падение царского режима" т. I, стр. 191.

„Господа, государь приказал завтра же прекратить беспорядки. Вот последнее средство, оно должно быть применено. Поэтому, если толпа малая, если она не агрессивная, не с флагами, то вам в каждом участке дан кавалерийский отряд—пользуйтесь кавалерией и разгоняйте толпу. Раз толпа агрессивная с флагами, то действуйте по уставу, т.-е. предупреждайте троекратным сигналом, а после троекратного сигнала—открывайте огонь". [1]

Начальники еще обсуждали это приказание, когда в градоначальство приехал *Протопопов*, поразивший всех своим неестественно приподнятым, истерическим настроением. Познакомившись с телеграммой государя и выслушав объяснения, он произнес напыщенную речь, выражая уверенность, что „Господь не даст погибнуть правому делу" и закончив ее словами: „Молитесь и надейтесь на победу". [2]

Вечером, в помещении Центрального Военно-Промышленного комитета, полиция арестовала двух членов рабочей группы, избегнувших ареста в январе, во время ликвидации этой группы.

Затем, в ночь на 26 февраля, в разных частях города было арестовано около 100 членов разных революционных организаций, в том числе 5 членов Петроградского комитета партии большевиков.

---

[1] В Уставе гарнизонной службы (Приложение 2, стр. 30) было сказано: „Оружие (холодное или огнестрельное) может быть употребляемо войсками с соблюдением следующих правил:

I. По передаче полномочий со стороны гражданских властей и после троекратного предупреждения сигналом на трубе или барабане:

1) для рассеяния неповинующейся толпы;

2) против толпы, препятствующей движению войск.

II. Не ожидая передачи полномочий со стороны гражданских властей, но с установленным троекратным предупреждением: против толпы, оскорбляющей войска словами.

III. Не ожидая передачи полномочий со стороны гражданских властей и без всякого предупреждения:

1) против толпы или арестантов, нападающих на войска или совершающих какие либо враждебные против них действия;

2) против производящих в присутствии войск насилие над личностью, насильственное разрушение имущества (разгром), зажигательство или убийство;

3) против препятствующих или оказывающих сопротивление к задержанию лиц, подлежащих арестованию".

„Примечание. Для предупреждения неповинующейся толпы, ни стрельба вверх, ни стрельба холостыми патронами, не должны быть допускаемы".

[2] „Исторический Вестник". 1917 г. апрель. „Агония старого режима" (По показаниям очевидцев). *Н. Ф. Акаемов.*

Между тем, днем, *Родзянко* был у *Голицына* и убеждал его в необходимости отставки кабинета.

В ответ *Голицын* показал заранее заготовленные и подписанные царем указы сенату о роспуске Думы, в которых оставалось лишь поставить год и число.

Родзянко, в своих воспоминаниях, утверждает, что он видел три указа: „Первый указ был о полном роспуске Думы и назначении новых выборов; второй указ — о роспуске Государственной Думы до окончания войны и третий указ о роспуске Государственной Думы на неопределенное время“.[1]

Эти бланки с высочайшей подписью были испрошены еще *Штюрмером* перед 1 ноября; потом они были в руках у *Трепова* и, наконец, перешли к *Голицыну*, которому государь сказал: „Держите у себя, а когда нужно будет используйте“.[2]

В ночь с 25 на 26 февраля, произошло совещание министров на квартире князя *Голицына*. Разбирался вопрос о возможности для существовавшего кабинета работать с Государственной Думой. Большинство пришло к заключению, что хотя Дума и настроена крайне оппозиционно, но без нее все-таки обойтись нельзя, и что нужно просить *Родзянко* и других депутатов „употребить свой престиж для успокоения толпы“.

На совещание приехал генерал *Хабалов*, который познакомил присутствовавших министров с происшедшими за день событиями, с полученной от государя телеграммой[3] и с приказанием, отданным войсковым начальникам. Все согласились с тем, что для водворения порядка нужно прибегнуть к оружию, о чем объявить населению.

О *Хабалове* князь *Голицын*, впоследствии, показал Чрезвычайной Следственной Комиссии[4]: „Раньше я *Хабалова* не знал, никогда не видел и познакомился с ним, когда он был назначен. Он на меня произвел впечатление тяжелодума, очень неэнергичного, мало даже сведущего.

---

[1] Арх. Рус. Револ., издав. *Гессеном* т. VI, стр. 54.

[2] Показание князя *Голицына* Чрезв. След. Комис. „Падение царского режима“ т. II, стр. 265.

[3] *Беляев* в своем показании Чрезв. След. Комисс. заявил, что он об этой телеграмме ни от кого не слышал, и что „вообще это относилось до *Хабалова*“ (?!).

[4] „Падение царского режима“, т. II, стр. 266.

А тут он совершенно растерялся и его доклад был такой, что даже нельзя было вынести впечатления в каком положении находится дело, чего можно ожидать, какие меры он предполагает принять,—ничего. Это был какой-то сумбур".

В письме от 25 февраля императрица сообщала государю следующее:

„Стачки и беспорядки в городе более чем вызывающи... Это—хулиганское движение, мальчишки и девчонки, которые бегают и кричат, что у них нет хлеба, просто для того, чтобы создать возбуждение, и рабочие, которые мешают другим работать. Если бы погода была очень холодная, то они все, вероятно, остались бы по домам. Но все это пройдет и успокоится, если только Дума будет хорошо вести себя. Самых худших речей не печатают, но я думаю, что за антидинастические речи необходимо раз навсегда и очень строго наказать, как в военное время и даже строже. У меня было чувство, когда ты уезжал, что дела пойдут плохо...

„Завтра, в воскресенье, будет еще хуже. Я не могу понять, почему не ввели карточной системы и почему не сделать все фабрики военными, тогда там не будет беспорядков. Рабочим прямо надо сказать, чтобы они не устраивали стачек, а если будут, то посылать их в наказание на фронт. Совсем не надо стрельбы, нужен только порядок и не допускать их переходить мосты, как они это делают. Этот продовольственный вопрос сводит с ума".

Как видно, в представлении императрицы все вопросы разрешались чрезвычайно легко.

Дубенский записал в дневнике под 25 февраля: „Государь как будто встревожен, хотя сегодня по виду был весел".

26 февраля.

Утром предполагалось собрать пленум Петроградского Комитета партии большевиков, но, вследствие упомянутого выше ареста пяти членов, собрание не состоялось и обязанности этого комитета взял на себя Выборгский районный комитет.

На рассвете, войска, переночевавшие, как и в предыдущие дни, в своих казармах, снова заняли положение со-

гласно расписанию, при чем число частей, выведенных на улицы, было увеличено. Пеших городовых на постах уже не оставалось, а они, вооружившись винговками, усилили полицейские отряды. Повсюду было расклеено объявление Хабалова, что в случае продолжения беспорядков, они будут подавлены силою оружия.

Утром 26 февраля, Хабалов телеграфировал начальнику штаба верховного главнокомандующего о происшествиях за вторую половину дня 25 февраля, добавив: „сегодня, 26 февраля, в городе все спокойно".[1]

Однако, это спокойствие продолжалось недолго; после полудня толпы демонстрантов, как и накануне, с разных сторон двинулись в центральную часть города, направляясь главным образом, к Казанской площади.

Судя по сведениям полиции[2] (других не имеется), войска стреляли боевыми патронами в четырех пунктах:

1. На углу Невского и Владимирского проспектов, где было несколько убитых и раненых.

2. На углу Невского и Садовой, где убитых и раненых на месте не оказалось, так как толпа, повидимому, унесла их с собой.

3. На углу Суворовского проспекта и Первой Рождественской улицы, при чем 10 человев убито и несколько ранено.

4. На Знаменской площади, где произошло наибольшее кровопролитие. Тут была расположена учебная команда л.-гв. Волынского полка, разделенная на две роты, при двух пулеметах, под общим начальством штабс-капитана *Лашкевича*. По толпам демонстрантов, стремившихся к площади, был открыт не только ружейный, но и пулеметный огонь, при чем пулеметы, как кажется, стояли на каланче Александро-Невской части. В результате, чинами полиции подобрано на Знаменской площади около 40 убитых и приблизительно столько же раненых.

Огромное большинство солдат относилось к своей роли усмирителей с отвращением и стреляло лишь по принуждению.

---

[1] Журнал „Былое", 1919 г. № 15. „Последние дни старого режима", *А. Блок*, стр. 29.

[2] Арх. Окт. Революции, № 2. Чр. След. Комис. Следств. часть, д. 10, т. IV, стр. 41 и 99.

С другой стороны, среди демонстрантов стало проявляться озлобление против войск.

В записке департамента полиции сказано:[1] „Во время беспорядков наблюдалось как обшее явление, крайне вызывающее отношение буйствовавших скопищ к воинским нарядам, в которые толпа, в ответ на предложение разойтись, бросала каменьями и комьями сколотого с улицы льда. При предварительной стрельбе войсками вверх, толпа не только не рассеивалась, но подобные залпы встречала смехом. Лишь по применении стрельбы боевыми патронами в гущу толпы оказывалось возможным рассеивать скопища, участники коих, однако, в большинстве прятались во дворы ближайших домов и, по прекращении стрельбы, вновь выходили на улицу".

После рассеяния скопищ со Знаменской площади, отдельные люди, притаившись за угловыми домами на Невском проспекте (к Александро-Невской лавре) и на Гончарной улице, „стреляли оттуда из револьверов в воинские разъезды".

Из числа чинов полиции, за весь день, „получили поранения 1 полицейский надзиратель и 2 городовых".

В толпах, демонстрировавших в разных частях города, наблюдались санитарные организации, состоявшие преимущественно из учеников средних учебных заведений и слушательниц высших женских курсов, с повязками Красного креста на рукавах.

По поводу происходившей на улицах стрельбы, между *Родзянко* и *Хабаловым* произошел любопытный разговор по телефону:[2]

Родзянко — „Ваше превосходительство, зачем стреляете, зачем эта кровь?"

Хабалов — „Ваше превосходительство, я не менее вашего скорблю, что приходится прибегать к этому, но сила вещей заставляет это делать".

Родзянко — „Какая сила вещей?"

---

[1] Архив Окт. Революции № 2. Чрезв. Следств. Комиссия. Следств. часть, д. 10, т. IV, стр. 41/35.

[2] Показание *Хабалова* Чрезв. Следств. Комиссии, „Падение царского режима", т. I, стр. 214.

Хабалов—„Раз идет нападение на войска, то войска волей неволей не могут быть мишенью, они также должны действовать оружием".

Родзянко—„Да где же нападения на войска"?

Хабалов—перечисляет эти случаи и упоминает о гранате, брошенной в жандармский разъезд.

Родзянко—„Помилуйте, городовой бросил"!

Хабалов—„Господь с вами. Какой смысл городовому бросать".

В этом разговоре по телефону проявилось поразительное лицемерие *Родзянко*, которому было известно полученное накануне высочайшее повеление и который не менее *Хабалова* желал подавить восстание, но считал для себя полезным на всякий случай, прикрыться либеральными фразами.[1]

Родзянко звонил также к *Беляеву*, советуя ему разгонять толпу при помощи пожарных, „чтобы они поливали водой".[2]

Беляев обратился к *Хабалову*, но последний ответил, что существует распоряжение, ни в коем случае не вызывать пожарные команды для подавления беспорядков, потому что обливание водой только раздражает народ, то-есть дает обратный результат.

Около 4 часов пополудни, *Хабалов*, находившийся в градоначальстве, получил известие, что 4-я рота запасного батальона л.-гв. Павловского полка, расположенная в здании придворно-конюшенного ведомства на Марсовом поле, взбунтовалась. Эта рота состояла преимущественно из эвакуированных и численностью доходила до 1.500 человек; она, в этот день, оставалась в казармах, а для подавления беспорядков были вызваны учебная команда и другие роты батальона.

Группа рабочих подошла к стоявшим у ворот дневальным и рассказала о расстрелах безоружной толпы, происходивших в центре города, при чем в этом участвовали

---

[1] Несколько дней спустя, 2 марта, в своем разговоре по прямому проводу с генералом Рузским, тот же Родзянко жаловался на то, что „войска не стреляли, а ходили по улицам и толпа кричала им ура".

[2] Показание *Беляева* Чрезв. Следств. Комиссии. „Падение царского режима", т. II, стр. 226.

и павловцы. Это вызвало чрезвычайное возмущение солдат 4-й роты, которая потребовала у прибывшего ротного командира, чтобы все павловцы были возвращены в казармы и более не стреляли в народ.

Не слушая никаких увещаний, возмутившиеся солдаты выломали двери цейхгауза, разобрали находившиеся там винтовки с патронами (при чем для большинства винтовок не хватило) и беспорядочной толпой, с криками и стрельбой вверх, направились по Екатерининскому каналу на Невский проспект с целью вернуть своих однополчан, а в случае отказа расправиться с ними.

Со стороны Михайловской площади выехал разъезд из 10 конных городовых, с которыми павловцы вступили в перебранку, а затем открыли по ним огонь, коим 1 городовой и 1 лошадь были убиты и 1 городовой и 1 лошадь ранены.[1] Против бунтовщиков была двинута рота преображенцев, но последние отказались стрелять в своих.

Хабалов приказал, по телефону, командиру запасного батальона л.-гв. Павловского полка полковнику *Экстену*, при помощи офицеров и священника, „водворить" взбунтовавшуюся роту обратно в казармы. К вечеру это удалось: солдаты вернулись и сдали винтовки, при чем, однако, 21 винтовки не досчитались.

При выходе полковника *Экстена* из казармы, после ликвидации инцидента[2]: „на Екатерининском канале его остановила толпа; он пытался выхватить револьвер, чтобы стрелять, но револьвер у него вырвали и ударом шашки отрубили у него три пальца, другим ударом разрубили ему голову".

Описанный случай бунта в запасном батальоне Павловоского полка произвел чрезвычайно сильное впечатление в правительственных сферах, так как показал, что войска становятся ненадежными.

Военный министр *Беляев* потребовал „сию же минуту" собрать полевой суд и растрелять виновных. Но *Хабалов* счел необходимым, раньше чем предавать полевому суду,

---

[1] Арх. Окт. Революции № 3. Чрезв. Следств. Комиссия, Следств. часть, д. 10, т. V, стр. 99 (95.)

[2] Показание *Хабалова* Чрезвычайн. Следствен. Комиссии. „Падение царского режима", т. I, стр. 201.

произвести дознание, для чего назначил следственную комиссию под председательством генерала *Хлебникова*. В ожидании, так как дознание требовало значительного времени, он хотел арестовать всю роту в Петропавловской крепости, но комендант *Николаев* заявил, что для 1.500 человек у него помещений не имеется. В конце концов, все дело свелось к тому, что батальонное начальство выдало „самых главных зачинщиков", в числе девятнадцати, которые и были отправлены в крепость. [1]

Среди этого „котла событий", по выражению *Хабалова*, он несколько раз доносил в ставку, что беспорядки продолжаются и что повеление государя он выполнить не в состоянии.

Между тем, по свидетельству *Лукомского*, „генерал *Беляев* продолжал успокаивать, сообщая, что все меры для прекращения беспорядков приняты и что он уверен, что они будут подавлены". [2]

С наступлением темноты, демонстрации прекратились и демонстранты разошлись по своим районам.

Ввиду грандиозного развития движения и начавшегося уже применения вооруженной силы для его подавления, в среде революционеров возник вопрос, что делать дальше.

„В некоторых кругах, близких к оборонческим центрам, поговаривали о том, что нужно ликвидировать движение. Оставшаяся на свободе часть членов рабочей группы Военно-Промышленного комитета открыто высказывалась за окончание всеобщей забастовки". [3]

Однако, представители партии большевиков держались того взгляда, что нужно продолжать революционные демонстрации до одержания победы.

В связи с этим, Выборгский районный комитет снова поднял старый вопрос о снабжении рабочих оружием, но бюро Центрального комитета, в лице *Шляпникова*, опять ответило категорическим отказом, приводя доводы, изложенные выше.

В 10 час. 40 мин. вечера, в штабе верховного главнокомандующего была получена от *Родзянко* всеподданнейшая

---

[1] Показание *Хабалова*. Чрезв. Следств. Комиссии. „Падение Царского режима".

[2] „Воспоминания". Берлин, 1922 г., т. I, стр. 124.

[3] *А. Шляпников*—„Семнадцатый год", кн. 2, стр. 126.

телеграмма, с описанием тяжелого положения, создавшегося в Петрограде и во всей России.

Телеграмма оканчивалась следующими словами:

„Государь, спасите Россию, ей грозит унижение и позор. Война при таких условиях не может быть победоносно окончена, так как брожение распространилось уже на армию и грозит развиться, если безначалию и беспорядку власти не будет положен решительный конец. Государь, безотлагательно призовите лицо, которому может верить вся страна, и поручите ему составить правительство, которому будет доверять все население. За таким правительством пойдет вся Россия, одушевившись вновь верою в себя и в своих руководителей. В этот небывалый по ужасающим последствиям и страшный час иного выхода нет и медлить невозможно“.[1]

Сущность этой многословной телеграммы заключалась в том, чтобы получить „ответственное перед Думой министерство“, что, попрежнему, составляло предел желаний прогрессивного блока Государственной Думы.

Для того, чтобы обеспечить себе в этом вопросе содействие главнокомандующего Северного фронта генерал-адъютанта *Рузского*, *Родзянко* отправил ему телеграмму такого же содержания, при чем в конце ее было добавлено: „ходатайствую перед вашим высокопревосходительством поддержать это мое убеждение перед его величеством, дабы предотвратить возможную катастрофу. Медлить больше нельзя, промедление смерти подобно“.[2]

Рузский послал следующую телеграмму:

„Ставка. Его императорскому величеству государю императору. Почитаю долгом представить на благовоззрение вашего величества полученную мною от председателя Государственной Думы телеграмму, указывающую на грозное положение в столице и внутри государства, вызывающее

---

[1] Из архивных документов, напечатанных проф. *В. Н. Сторожевым* в журнале „Научные известия Академического Центра Наркомпроса“. Сборник 1. Москва, 1922 г.

В других сочинениях эта телеграмма передана не дословно, а в виде сокращенного пересказа *Родзянко*.

[2] „Воспоминания генерала *А. С. Лукомского*“, 1922 г., том I, стр. 170. Телеграмма помечена 27 февраля, но во всяком случае она была отправлена *Родзянко* раньше получения им указа о роспуске Думы.

тревогу за судьбу родины. Хотя армия остается проникнутой сознанием долга и желанием довести войну до победного конца, тем не менее на ней, непосредственно, начинают отражаться последствия продовольственной и железнодорожной неурядиц, а доходящие на фронт сведения о тяжелом кризисе, переживаемом населением и о волнениях в Петрограде, могут в будущем создать условия весьма неблагоприятные. Ныне армия заключает в своих рядах представителей всех классов, профессий и убеждений, почему она не может не отразить в себе настроения страны. Поэтому дерзаю всеподданнейше доложить вашему величеству о крайней необходимости принять срочные меры, которые могли бы успокоить население, вселить в него доверие и бодрость духа, веру в себя и свое будущее. Эти меры, принятые теперь, накануне предстоящего оживления боевой деятельности на фронте, вольют новые силы в армию и народ для проявления дальнейшего упорства в борьбе с врагом; позволяю себе думать, что при существующих условиях меры репрессии могут скорее обострить положение, чем дать необходимое длительное удовлетворение. № 1147. *Рузский*. 27 февраля".[1]

Таким образом, генерал *Рузский* был первым из высших военных начальников, который решился открыто высказать свою солидарность с прогрессивным блоком Государственной Думы, хотя и в довольно туманных выражениях.

По другим источникам, *Родзянко* отправил аналогичные телеграммы, с просьбой поддержать перед государем ходатайство об ответственном министерстве, также остальным главнокомандующим фронтами, но из них ответил только *Брусилов*, языком пифии: „Вашу телеграмму получил. Свой долг перед родиной и царем исполнил".

На императора Николая II телеграмма *Родзянко* не произвела впечатления. Прочитав ее, он сказал министру двора графу *Фредериксу*: „Опять этот толстяк *Родзянко* мне написал разный вздор, на который я ему не буду даже отвечать".[2]

Между тем вечером, на совещании министров, в квартире князя *Голицына*, было решено: прервать заседания Государственной Думы и Государственного Совета.

---

[1] „Воспоминания генерала *А. С. Лукомского*", 1922 г., том I, стр. 171.
[2] Журнал „Былое" № 15. *Александр Блок*. „Последние дни старого режима", стр. 28.

В ночь на 27 февраля *Родзянко* получил следующий высочайший указ, уже отпечатанный:

„На основании ст. 99 основных государственных законов, повелеваем: занятия Государственной Думы прервать с 26 февраля сего года и назначить срок их возобновления не позднее апреля 1917 года в зависимости от чрезвычайных обстоятельств. Правительствующий Сенат не оставит к исполнению сего учинить надлежащее распоряжение".

Около полудня 25 февраля, императрица Александра Федоровна послала телеграмму государю, закончив ее словами: „Очень беспокоюсь относительно города".

В письме, отправленном в тот же день, она писала:

„Необходимо ввести карточную систему для хлеба (как это теперь в каждой стране); ведь так устроили уже для сахара и все спокойны, получают достаточно. Наш народ— идиоты. Оболенский этого не желал сделать, хотя Медем и хотел этого, после того, как удалось в Пскове. Один бедный жандармский офицер был убит толпой и несколько других лиц. Страшно вредна эта зевающая публика, хорошо одетый народ, раненые солдаты и т. д., курсистки и пр. Лили разговаривает с извозчиками, чтобы собрать новости. Они говорили ей, что к ним пришли студенты и заявили, что если они на следующее утро выедут, то их застрелят. Такие испорченные типы. Конечно, извозчики и вагоновожатые бастуют. Но они говорят, что это не похоже на 1905 г., потому что все обожают тебя и только хотят хлеба... Мне кажется, все будет хорошо. Солнце светит так ярко. Я чувствовала такое спокойствие и мир на его (т.-е. *Распутина*) дорогой могиле. Он умер, чтобы спасти нас".

Государь в Могилеве также не обнаруживал беспокойства.

IV.

ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ.

(День 27 февраля и ночь на 28 февраля).

Бунт в Волынском и других полках. Объявление о перерыве заседаний Думы. Телеграмма Родзянко государю. Выступление вел. кн. Михаила Александровича. Решение государя. Развитие восстания. Сопротивление самокатного батальона. Распоряжения Хабалова и Беляева. Телеграмма кн. Голицына государю. Донесения Беляева. Телеграмма вел. кн. Михаила Александровича. Сосредоточение правительственных войск в адмиралтействе. Переход в Зимний дворец и возвращение в адмиралтейство. Образование Временного Комитета думы. Штаб восстания и военная комиссия Думы. Совет рабочих депутатов. Назначение Иванова главнокомандующим в Петроград и распоряжение о посылке туда войск.

Схематический план Петрограда (См. приложение).

Утром 27 февраля, в настроении войск Петроградского гарнизона произошел давно ожидавшийся революционерами перелом. Он начался в той войсковой части, которая накануне проявила наибольшее усердие при подавлении беспорядков, а именно, в учебной команде л.-гв. Волынского полка.

Убитые и раненые, оставленные разбежавшейся толпой вокруг Знаменской площади, произвели удручающее впечатление на Волынцев. По возвращении, во втором часу ночи, в свои казармы на Преображенском плацу, они долго не могли успокоиться, а между тем в 8 час. утра было опять назначено выступление.

Ночью унтер-офицеры собрались на совещание, при чем было решено: более в народ не стрелять.

В 7 час. утра вся учебная команда с ружьями и патронами выстроилась в помещении. Фельдфебель *Кирпичников* обратился к ней с призывом—не итти против народа и не проливать родную кровь, что было встречено общим сочувствием. Когда пришел начальник команды штабс-капитан

Лашкевич, со всех сторон раздались крики: „не будем стрелять".

Он прочел телеграмму государя, но это вызвало еще большее возбуждение. В конце концов, *Лашкевич* был вынужден уйти на казарменный двор, где посланная вдогонку пуля убила его наповал.[1]

Солдаты учебной команды высыпали на двор, где к ним присоединилось много солдат других рот Волынского полка. Фельдфебель *Кирпичников* повел их к соседним казармам, занятым 4-й ротой Преображенского и батальоном Литовского полков, из коих часть солдат также примкнула к восставшим.[2]

Из цейхгаузов были взяты ружья и патроны; в Преображенском полку достали даже четыре пулемета.

Образовавшаяся беспорядочная толпа волынцев, преображенцев и литовцев, смешавшись с демонстрантами, направилась по Кирочной улице к Литейному проспекту, при чем на пути были разгромлены казармы жандармского дивизиона.

Однако, было бы ошибкой думать, что названные части восстали в полном составе: значительное число нижних чинов оставалось в казармах; другие разошлись по соседним улицам, в качестве зрителей, а некоторые, наиболее осторожные, искали даже убежища в зданиях Военной Академии на Суворовском проспекте: „Напугались скандалу"—как объяснили они потом, сидя в академическом подвале.[3] Что касается офицеров, то, в этот день, их вовсе не было среди восставших.

Между прочим, профессор *Ломоносов*, живший тогда в Царском Селе, рассказывает:[4] что „разрозненные части Волынского полка, с очень большим числом офицеров, пришли из Петербурга в Царское Село"; тут человек десять офицеров отправились в лазарет, пытаясь „симулировать раненых", а солдат „погнали походным порядком в Гатчину".

---

[1] В своем донесении в ставку, *Хабалов* сказал, что он застрелился.

[2] Мы придерживаемся тут наиболее распространенной версии; но нужно иметь в виду, что, когда тотчас же после переворота „Союз офицеров 27 февраля" запросил участников о том—кто первый вывел волынцев, то в ответ он получил заявления семи лиц, приписывавших себе этот подвиг, положивший начало вооруженному восстанию (*Мстиславский*—„Пять дней").

[3] *С. Мстиславский* (*Масловский*). „Пять дней". Москва 1922 г., стр. 5.

[4] „Воспоминания о Мартовской революции." Стокгольм—Берлин. 1921 г., стр. 19—20.

В то время, как на улицах Петрограда разгоралось вооруженное восстание, бывшие народные представители, собравшись в зале заседаний Таврического дворца, выслушали вышеприведенный высочайший указ о роспуске Государственной Думы. Не желая нарушать закона, они тотчас же перешли в соседнюю полуциркульную залу, где, частным образом, обсудили создавшееся положение. Там, после многих горячих речей, было вынесено постановление: „не разъезжаться из Петрограда". Вместе с тем, совету старейшин было поручено: выбрать Временный Комитет Государственной Думы и определить дальнейшую роль ее в начавшихся событиях. [1]

Тогда же *Родзянко* отправил на имя государя следующую телеграмму:

„Занятия Государственной Думы указом вашего величества прерваны до апреля. Последний оплот порядка устранен. Правительство совершенно бессильно подавить беспорядок. На войска гарнизона надежды нет. Запасные батальоны гвардейских полков охвачены бунтом. Убивают офицеров. Примкнув к толпе и народному движению, они направляются к дому министерства внутренних дел и к Государственной Думе. Гражданская война началась и разгорается. Повелите немедленно призвать новую власть на началах, доложенных мною вашему величеству во вчерашней телеграмме. Повелите в отмену вашего высочайшего указа вновь созвать законодательные палаты. Возвестите безотлагательно эти меры высочайшим манифестом. Государь, не медлите. Если движение перекинется в армию, восторжествует немец, и крушение России, а с нею и династии, неминуемо. От имени всей России прошу ваше величество об исполнении изложенного. Час, решающий судьбу вашу и родины, настал. Завтра может быть уже поздно". [2]

Таким образом, даже посреди начавшегося народного восстания, пожелания прогрессивного блока не шли дальше „ответственного перед Думой министерства".

---

[1] *Милюков*—„История второй русской революции", 1921 г., т. I, вып. I, стр. 41.

[2] Из архивных документов, напечатанных проф. *В. Н. Сторожевым* в журнале „Научные известия Академического центра Наркомпроса". Сб. I. Москва, 1920 г. В других сочинениях эта телеграмма передана не дословно, а в виде сокращенного пересказа *Родзянко*.

Но, не особенно рассчитывая на успех своей всеподданнейшей телеграммы, *Родзянко*, сверх того, сделал попытку использовать в этом направлении великого князя Михаила Александровича, коего он вызвал по телефону из Гатчины в Петроград.

Вот что он говорит по этому поводу в своих воспоминаниях:

„27 февраля великий князь Михаил Александрович прибыл в Петроград и мы имели с ним совещание, в составе председателя Государственной Думы, его товарища *Некрасова*, секретаря Государственной Думы *Дмитрюкова* и члена Думы *Савича*. Великому князю было во всей подробности доложено положение дел в столице и было указано, что еще возможно спасти положение: он должен был явочным порядком принять на себя диктатуру над г. Петроградом, понудить личный состав правительства подать в отставку и потребовать по телефону, по прямому проводу, манифеста государя императора о даровании ответственного министерства“.[1]

Иными словами, *Родзянко* желал, чтобы брат государя произвел государственный переворот, но великий князь, по природе чрезвычайно пассивный, на это не согласился, а ограничился тем, что „около двенадцати часов“ вызвал к прямому проводу генерала *Алексеева*.

По свидетельству *Лукомского*:[2]

„Великий князь сообщил генералу *Алексееву* те же данные, которые были изложены в телеграммах председателя Государственной Думы и просил начальника штаба верховного главнокомандующего немедленно доложить государю, что и он считает единственным выходом из создавшегося положения — срочно распустить нынешний состав совета министров, объявить о согласии создать ответственное перед Государственной Думой правительство и поручить сформировать новый кабинет министров: или председателю всероссийского земского союза князю *Львову*, или председателю Государственной Думы *Родзянко*“.

„Генерал *Алексеев* пошел с докладом к государю императору.

[1] „Архив Русской Революции“, изд. *Гессеном*, том VI, стр. 54.
[2] „Воспоминания ген. *А. С. Лукомского*“, Берлин. 1922 г., т. I, стр. 125.

„Государь выслушал и сказал начальнику штаба, чтобы он передал великому князю, что *государь его благодарит за совет, но что он сам знает, как надо поступить*".

Разумеется, *Родзянко* остался весьма недоволен таким результатом и впоследствии написал в своих воспоминаниях: „Нерешительность великого князя Михаила Александровича способствовала тому, что благоприятный момент был упущен. Вместо того, чтобы принять активные меры и *собрать вокруг себя, еще непоколебленные в смысле дисциплины, части Петроградского гарнизона, великий князь Михаил Александрович повел по* прямому проводу переговоры с императором Николаем II, получил в своих указаниях полный отказ и таким образом, в этом отношении, *попытка Государственной Думы потерпела неудачу*".

Упоминание о сборе войск, сохранявших дисциплину, ясно показывает, что Дума ожидала от великого князя не только дарования ответственного министерства, но также и подавления народного восстания.

Вышеприведенная телеграмма *Родзянко* была получена в ставке в 1 ч. 12 мин. пополудни и доложена государю генералом *Алексеевым*. Она не произвела особого впечатления, так как Николай II полагал, что *Родзянко* хочет его запугать. К тому же, вскоре пришла телеграмма военного министра *Беляева*, отправленная из Петрограда в 1 ч. 45 мин. пополудни (за № 196), в которой говорилось, что волнения, начавшиеся с утра в некоторых частях, подавляются и выражалась уверенность „в скором наступлении спокойствия" [1].

Тем не менее, посоветовавшись с *Алексеевым*, государь решил поручить подавление беспорядков в Петрограде состоявшему при нем генерал-адъютанту *Иванову*, назначив в его распоряжение Георгиевский батальон из Могилева и несколько наиболее надежных полков с Северного и Западного фронтов. Однако, с отправкой войск „не торопились", так как не придавали „серьезного значения, происходившему в Петрограде".

Вообще, по свидетельству генерала *Лукомского*: [2] „С самого начала, главным образом, вследствие успокоительных

[1] Архив Октябрьской Революции № 3. Чрезвычайная Следственная Комиссия. Следственная часть, д. № 10, т. V, стр. 154 (150).

[2] „Воспоминания ген. *А. С. Лукомского*". Берлин. 1922 г., т. I, стр. 134.

телеграмм, получавшихся от военного министра генерала *Беляева*, не были приняты решительные и достаточные меры для подавления революционного движения".

Между тем, вооруженное восстание в Петрограде быстро разросталось.

Главная масса восставших, выйдя с Кирочной улицы на Литейный проспект, повернула к Александровскому мосту. Прикрывавшая этот мост, 4-я рота Запасного батальона л.-гв. Московского полка с двумя пулеметами была оттеснена, при чем офицеры, пытавшиеся сопротивляться, были убиты или ранены; восставшие перешли на Выборгскую сторону, где к ним примкнули многочисленные толпы демонстрантов.

Вскоре был разгромлен арсенал на Симбирской улице, после чего многие рабочие и подростки вооружились винтовками и револьверами, а патронами запаслись на расположенном по соседству патронном заводе.

Тем временем, часть восставших направилась по Сампсониевскому проспекту к казармам л.-гв. Московского полка; роты, собранные на казарменном дворе, быстро перешли на сторону народа и только из помещения учебной команды было сделано несколько выстрелов, на которые толпа ответила частой и беспорядочной стрельбой.

После присоединения к восставшим московцев, унтер-офицер 4 роты Преображенского полка *Круглов*, собрав часть преображенцев, преимущественно из солдат своей роты, направился с ними к Таврическому дворцу, и, по собственной инициативе, составил его караул. До прихода преображенцев, у входа в здание стояли лишь почетные часовые, выставленные *Керенским* из числа явившихся к нему солдат. *Круглов* с преображенцами нес караульную службу и в последующие дни.

Около 11 часов утра, толпа подступила к расположенным на Сампсониевском проспекте, рядом с Московскими казармами, деревянным городским баракам, занятым Запасным самокатным батальоном. Названная часть является единственной, которая оказала некоторое сопротивление восставшим, при чем действия ея могут быть описаны более подробно, по сохранившимся архивным документам.

В состав батальона, в то время, входило десять рот, из коих: две уже сформированные боевые роты, 29 и 32, подлежавшие отправлению на фронт; четыре еще формировав-

шиеся боевые роты и четыре запасные роты. Пулеметов в батальоне было четырнадцать, а именно: по два пулемета — в двух боевых ротах, 29 и 32; два пулемета — в пулеметной команде и восемь пулеметов — в батальонном складе. [1] Штаб батальона, при котором находился и склад оружия, помещался в д. № 2 на Сердобольской улице.

Солдаты - самокатчики, в большинстве, принадлежали к мелкобуржуазным элементам населения, что объяснялось условиями комплектования и службы самокатных батальонов: сюда выбирали людей, преимущественно, хорошо грамотных и умевших ездить на велосипеде; кроме того, самокатчики назначались, главным образом, для несения службы связи при штабах, что было гораздо легче и представляло несравненно меньше опасностей, чем служба в других родах войск и особенно в пехоте.

Восставшие, подойдя к воротам на Сампсониевском проспекте, потребовали у дежурных по батальону, поручика *Нагурского* и фельдфебеля *Машистова*, чтобы солдаты были выпущены из казарм. *Нагурский* ответил, что он этого не может сделать без разрешения командира батальона.

„Во время переговоров у него срезали кобур с револьвером и кортик, на что обратил его внимание стоявший позади вольноопределяющийся. *Нагурский*, убедившись в этом, бросился в толпу с просьбой отдать ему оружие, но в это время он получил удар по голове гайкой крупной величины; вольноопределяющийся бросился спасти *Нагурского*, обливавшегося кровью, но получил удар в спину кортиком, который был извлечен из спины лишь в госпитале. Видя все это и желая оградить *Нагурского* и вольноопределяющегося от дальнейших истязаний, *Машистов* выхватил револьвер и открыл огонь по толпе. На помощь им выбежали вооруженные солдаты из роты, толпа отхлынула, а раненых отнесли в дежурную комнату офицеров". [2]

Приехавший, вскоре после происшествия в казармы командир баталиона полковник *Балкашин* обошел роты и говорил с солдатами.

---

[1] Арх. Окт. Револ. № 3. Чрезв. След. Ком. Следственная часть д. № 10, т. V. Показание поручика *Жаринова*.

[2] Арх. Окт. Рев. № 3. Чрезв. След. Ком. Следственная часть д. № 10, т. V, лист 307 (303). Показание капитана *Аристова*, судебному следователю.

Между прочим, в 36 роте он сказал: „что пьяная толпа рабочих Выборгского района бастует и действует на руку немцам и просил солдат поддержать порядок".

„Солдаты его любили и в один голос закричали: „Поддержим, поддержим".[1]

Командир батальона назначил две роты дежурными, приказав им стать перед казармами, поперек Сампсониевского проспекта, фронтом в противоположные стороны, но при этом, по возможности, „воздерживаться от открытия огня", а стараться „уладить все мирным порядком". Роты сменялись на дежурстве каждые два часа.

Начальником боевой части, непосредственно оборонявшей казармы, был назначен начальник пулеметной команды капитан *Карамышев*. Ввиду того, что в 36 роте не оказалось патронов, полковник *Балкашин* приказал временно командовавшему этой ротой капитану *Лейбургу* отправиться в штаб батальона на Сердобольской улице и получить у заведывающего оружием 3.000 патронов, что и было исполнено, при чем патроны были распределены поровну между 36 ротой и пулеметной командой.

Около 6 часов вечера, огромные толпы народа, двигаясь с двух сторон по Сампсониевскому проспекту, наперли на дежурные роты, которые были опрокинуты и побежали к воротам. Дабы остановить бегущих и не допустить толпу ворваться во двор, была выдвинута из казарм 34 рота, сделавшая несколько залпов в воздух.

После этого, по совету офицеров, полковник *Балкашин* совершенно убрал роты с улицы, оставив у ворот лишь один дежурный взвод и выставив во дворе против входа пулемет. Толпа, получив свободу движения по Сампсониевскому проспекту, уже не трогала самокатчиков, занимавших казармы.

„Втечение этого дня командир батальона несколько раз звонил по телефону в штаб округа, прося указаний и сообщая о случившемся, но никаких ответов и распоряжений из штаба не получил". Вечером телефонная связь с городом была уже прервана. Ночью полковник *Балкашин* послал в штаб округа разведчиков от учебной команды, но они

[1] Арх. Окт. Рев. № 3. Чрезв. Следств. Ком. Следств. часть, д. № 10, т. V, лист 311 (307). Показание штабс-капитана *Лейбурга*.

в батальон не вернулись. Затем, ночью же были подвезены на подводе патроны из батальонного склада на Сердобольской улице. [1]

Тем временем, днем 27 февраля, по мере того, как толпы восставших разростались и захватывали оружие, восстание все более раздроблялось на отдельные предприятия.

Кое-где, на чердаках и в верхних этажах домов, засели небольшие группы особенно упорных защитников прежнего строя—охранников, переодетых полицейских, дворников и т. д.; из своих засад они стреляли по восставшим из ружей и револьверов, а в отдельных случаях у них оказались даже пулеметы, вероятно добытые в толпе после разгрома военных складов. Достать их было нетрудно, так как, по свидетельству Суханова, на улицах некоторые солдаты отдавали и продавали даже свои казенные винтовки. [2]

Толпа брала штурмом эти редкие пункты сопротивления и жестоко расправлялась с пойманными контр-революционерами, по большей части, выбрасывая их в окна.

Особенное внимание восставших привлекали тюрьмы, при чем, в течение дня, были разгромлены: Петербургский дом предварительного заключения на Шпалерной улице, Одиночная тюрьма (Кресты) и Женская тюрьма—на Арсенальной набережной, Военная тюрьма—на Нижегородской улице, Исправительное арестантское отделение (Литовский замок)—на Офицерской улице, Пересыльная тюрьма и Арестный дом—близ Александро-Невской Лавры.

Вместе с жертвами старого режима из тюрем вышли на свободу и все уголовные преступники; именно с этого момента восстание в городе приобрело кровопролитный характер; начались убийства, грабежи, поджоги и разные провокационные выступления. [3]

За день, были подожжены: Окружный суд, Губернское жандармское управление, Тюремное управление, Литовский замок, Александро-Невская часть и несколько других полицейских участков.

---

[1] Арх. Окт. Рев. № 3, Чрезв. След. Ком. Следственная часть, д. № 10, т. V, л. 307 (303). Показание капитана *Аристова*.

[2] *Суханов* „Записки о Революции". 1922 г. кн. I. стр. 97.

[3] Арх. Окт. Рев. № 3. Чрезв. След. Ком. Следств. часть, д. № 10, т. V, л. 101 (97).

Описав действия восставших, перейдем к деятельности правительственной власти.

Утром 27 февраля, еще находясь в своей квартире, Хабалов получил по телефону донесение командира запасного батальона л.-гв. Волынского полка о начавшемся бунте.

Командующий войсками ответил: „Постарайтесь,—постарайтесь, чтобы это не пошло, не разгорелось дальше. Верните в казармы и постарайтесь обезоружить, пусть они сидят дома".[1]

Подав этот добрый совет, который не так легко было исполнить, *Хабалов* отправился в градоначальство, где узнал, что полковник *Павленков* заболел припадком грудной жабы. Временно в исполнение обязанностей начальника войсковой охраны Петрограда, вступил командир запасного батальона л.-гв. Московского полка полковник *Михайличенко*.

Рано утром, по приказанию начальника окружного штаба *Тяжельникова*, из Ораниенбаума, от I Запасного пулеметного полка, были отправлены в Петроград две команды с 24 пулеметами.[2]

Под влиянием получаемых отовсюду донесений, в градоначальстве создавалось безнадежное настроение.

Состоявший при *Хабалове* для поручений генерал-майор *Перцов*, вызванный в это время в здание градоначальства, говорит: „в общем, на меня произвело впечатление, что событиям был предоставлен как бы естественный ход".[3]

Тем не менее, считая, что нужно что-либо предпринять, *Хабалов* сформировал из частей, находившихся поблизости, сборный отряд в 6 рот, 15 пулеметов и $1^1/_2$ эскадрона, под начальством полковника *Кутепова*, которому было приказано двинуться против бастующих и потребовать, чтобы они положили оружие, „а если не положат, то, конечно, самым решительным образом действовать против них".[4]

---

[1] Показание *Хабалова* в Чрезв. След. Ком. „Падение царского режима". Т. I.

[2] Показание генерала *Филатова* Арх. Окт. Рев. № 1. Чрезв. След. Ком. След. часть, д № 10, т. III, стр. 38 (31).

[3] Арх. Окт. Рев. № 3. Чрезв. След. Ком. След. часть, д. № 10, т. V, л. 144 (140). Показание *Перцова* судебному следователю.

[4] Показание *Хабалова* Чрезв. Следственной Комиссии. „Падение Царского режима", т. I.

Отряд с большим трудом дошел до Кирочной, а дальше продвинуться не мог, так как улицы были запружены толпами народа, против которого *Кутепов* не решался употреблять оружие.

С разных сторон к *Хабалову* обращались с просьбой о присылке войск для охраны. Между прочим, по настоянию председателя совета министров князя *Голицына*, пришлось поставить целую роту на Моховой улице, где находилась его квартира. Кроме того была послана рота для прикрытия центральной телефонной станции на Морской улице, потому что охранение, назначенное по первоначальному расписанию (1 взвод пехоты и 44 всадника), признавалось недостаточным.

Для того, чтобы иметь некоторое число войск в своем непосредственном распоряжении, *Хабалов* решил собрать на Дворцовой площади резерв под начальством полковника Преображенского полка князя *Аргутинского-Долгорукова*. Однако, исполнение этой меры вызвало большие затруднения, так как почти все начальники районов ответили, что у них свободных рот нет.

В течение дня на Дворцовую площадь, в разное время, прибыли: две роты Преображенского полка; запасный батальон Павловского полка, пришедший даже с музыкой; рота 3 гвардейского стрелкового полка; три роты измайловцев; три роты егерей; рота 1 Запасного пулеметного полка и две батареи почти без снарядов.

Хабалова особенно беспокоил обнаружившийся в пехоте недостаток патронов, так как склад их находился при патронном заводе на Выборгской стороне, т.-е. в руках восставших. Он обратился по телефону к Кронштадтскому коменданту адмиралу *Курошу*, прося прислать на помощь войска или хотя бы патроны; но последний ответил, что не может этого сделать, потому что сам опасается за крепость.

В третьем часу пополудни, *Хабалов* приехал на квартиру князя *Голицына* и познакомил собравшихся там перепуганных министров с положением дел.

По словам *Беляева*, сам командующий войсками произвел на всех тяжелое впечатление: „руки дрожат; равновесие, необходимое для управления в такую серьезную минуту, он, повидимому, утратил“.

Под влиянием этого, *Голицын*, после отъезда *Хабалова*, просил военного министра съездить в градоначальство и „выяснить“, что именно происходит. Приехав около 4 часов и выслушав доклады полковника *Михайличенко* и других офицеров, *Беляев* усмотрел: „полное отсутствие идеи, недостаточную инициативу распоряжений, одним словом несоответственную постановку дела“. [1]

Он стал давать свои указания, как обыкновенно, в самых общих выражениях. На это, по свидетельству генерала *Перцова*, *Хабалов* заметил, что „не следует ли принять какие-либо иные меры“, а именно „войти в сношение с председателем Государственной Думы“.

Тогда военный министр, обратившись к прибывшему с ним начальнику генерального штаба *Занкевичу*, сказал: „я назначаю вас командующим войсками“.

Сначала *Хабалов* счел себя как бы устраненным от должности, такого же мнения были и окружающие; но потом оказалось, что *Занкевич* был назначен в помощь *Хабалову*, заменив лишь полковника *Павленкова* [2].

Назначение *Занкевича* произошло в пятом часу вечера, после чего *Беляев* отправился в Мариинский дворец на заседание Совета министров, где все были в беспокойстве, ожидая ареста.

С общего согласия, *Голицын* послал государю телеграмму, в которой доносил, что Совет министров не может справиться с народным движением, а потому просит о своем увольнении и о создании ответственного министерства. Кроме того, *Голицын* указал на необходимость объявления Петрограда на осадном положении и ходатайствовал о назначении командующим войсками какого-нибудь популярного боевого генерала.

Государь был поражен содержанием этой телеграммы: до сих пор его министры боролись с Думой из-за власти, а теперь они сами желали передать свои портфели общественным деятелям.

---

[1] Показание *Беляева* Чрезв. След. Ком. „Падение царского режима“ т. II.

[2] Архив Октябрьской Революции. Чрезвычайная следственная комиссия. Следственная часть, д. № 10, т. V, стр. 144 (140). Показание *Перцова* судебному следователю.

Переговорив по телефону с императрицей в Царском Селе, он собственноручно написал следующую телеграмму князю *Голицыну*: „О главном начальнике для Петрограда мною было дано повеление начальнику моего штаба с указанием немедленно прибыть в столицу. Тоже и относительно войск. Лично вам предоставляю все необходимые права по гражданскому управлению. Относительно перемен в личном составе считаю их недопустимыми".

Алексеев уговаривал государя исполнить просьбу председателя Совета министров, то-есть также высказался за необходимость создания ответственного министерства; но государь своего решения не изменил и приведенная телеграмма была тотчас же послана. [1]

В свою очередь, *Беляев* отправил на имя *Алексеева* две телеграммы. [2]

В первой телеграмме, поданной в 7 час. 22 мин. вечера, за № 197 (копия Главкосеву), в отличие от всех предыдущих успокоительных телеграмм, он впервые указывал на „серьезность" положения и просил о присылке на помощь „действительно надежных частей".

Содержание второй телеграммы, от 7 час. 33 мин. вечера, за № 198, было следующее: „Совет министров признал необходимым объявить Петроград на осадном положении. Ввиду проявленной генералом *Хабаловым* растерянности, назначил в помощь ему генерала *Занкевича*, так как генерал *Чебыкин* отсутствует".

Около 8 часов вечера, *Голицын*, *Родзянко*, великий князь Михаил Александрович, *Крыжановский* и *Беляев* собрались в кабинете председателя Совета министров и составили телеграмму, которую великий князь послал от своего имени государю через начальника штаба верховного главнокомандующего. В этой телеграмме Михаил Александрович убеждал своего брата дать ответственное министерство, при чем советовал поручить его составление князю *Львову*, а себя предлагал в качестве регента. [3]

---

[1] Генерал *А. С. Лукомский*—„Воспоминания" 1922 г. т., I, глава V.

[2] Архив Октябрьской Революции. Чрезвычайная следственная комиссия. Следственная часть, д. № 10, т. V, стр. 154 (150).

[3] Показания *Беляева* и *Голицына*. Чрезвычайная следственная комиссия. „Падение царского режима", т. II.

Приблизительно через полчаса, *Алексеев* передал ответ, что „государь благодарит за внимание, выедет завтра и сам примет решение".

Между тем, вечером в градоначальство приехал великий князь Кирилл Владимирович, командовавший гвардейским экипажем, расположенным в Царском Селе. Переговорив с генералом *Хабаловым* и градоначальником *Балком*, он прислал на помощь две роты учебной команды.

В это время во власти защитников старого режима оставался лишь район, заключавший градоначальство, адмиралтейство, Зимний дворец, Петропавловскую крепость, телефонную станцию (на Морской) и казармы л.-гв. Конного полка.

Генерал *Занкевич* объехал верхом стоявшие на Дворцовой площади войска резерва. Поговорив с офицерами и солдатами, он пришел к заключению, что на них особенно рассчитывать нельзя и что, во всяком случае, удерживаться на площади невозможно, тем более, что вечером резерв стал таять, вследствие ухода некоторых пехотных частей в казармы.

Хабалов собрал совещание, на котором поставил вопрос: что делать дальше? [1]

Одни высказались за то, чтобы занять здание адмиралтейства, так как вокруг него расположены огромные площади; *другие* находили, что следует перейти в Зимний Дворец и, если нужно, то погибнуть за монархию, под императорским штандартом; *третьи* предлагали пробиваться в Царское Село и, соединившись с тамошним гарнизоном, ожидать прибытия подкреплений из действующей армии.

Восторжествовало первое мнение.

Около 9 часов вечера, оставшиеся на площади войска были переведены в здание адмиралтейства. Пехота заняла вестибюли и коридоры; пулеметы были втащены на верхний этаж и помещены у окон; орудия расставлены в воротах; небольшое число жандармов и конных городовых, а также запряжки батарей и пулеметной команды, стали во внутренних дворах. Кроме того, в казармах л.-гв. Конного полка на Морской улице начали собираться некоторые кавалерийские части.

[1] „Исторический Вестник" 1917 года, апрель, „Агония старого режима" (по показаниям очевидцев) *Акаемов*.

Вскоре *Хабалову* принесли отпечатанные в адмиралтейской типографии, по приказанию *Беляева*, листки следующего содержания: „Объявление командующего войсками Петроградского Военного Округа. По высочайшему повелению г. Петроград с 27 сего февраля объявляется на осадном положении. Командующий войсками генерал-лейтенант *Хабалов*. 27 февраля 1917 года".

Опубликование подобного объявления в тот момент, когда сама власть находилась в осадном положении, представляется довольно странным.

Но *Беляеву* и этого было мало; он желал, чтобы *Хабалов*, сверх того, издал еще „Обязательное постановление", воспрещающее жителям выходить из домов после 9 час. вечера. Однако, на сей раз, *Хабалов* отказался, находя, что при существовавшей обстановке такое постановление являлось бы „каким-то курьезом, под которым совестно было подписаться".

За отсутствием клея, листки вышеприведенного объявления об осадном положении не могли быть расклеены по стенам, а были разбросаны на улице, как прокламации. [1]

В 11 часов вечера, по настоянию генерала *Занкевича*, все войска были переведены из Адмиралтейства в Зимний дворец, при чем опять некоторые части ушли в свои казармы.

По свидетельству *Хабалова* остались: [2] „три роты Измайловского полка, одна рота Егерского полка, одна рота 3 стрелкового полка, две батареи, пулеметная рота, да еще часть городовых и жандармов пеших, всего - на - всего 1.500—2.000 человек, притом с весьма малым запасом патронов".

В дворцовом здании войска заняли коридоры нижнего этажа и двор. Управляющий Зимним дворцом генерал *Комаров* был весьма недоволен приходом войск, так как опасался, что здание и обстановка могут пострадать в случае

---

[1] Впоследствии, на запрос Чрезвычайной Следственной Комиссии, штаб Петроградского военного округа, 29 мая 1917 г., ответил: „Петроград с 20 июля 1914 г. находился все время на военном положении. На осадном положении Петроград не объявлялся". Архив Октябрьской революции № 1. Чрезвычайная Следственная Комиссия. Следственная часть, д. № 10, т. III. л. 213—219.

[2] Показание *Хабалова* Чрезвычайной Следственной Комиссии. „Падение царского режима" т. I, стр. 203.

боя. Ввиду этого он просил *Хабалова* вывести войска, на что последний соглашался, но в чем наотрез отказал генерал *Занкевич*.

Немного спустя, во дворец приехал на автомобиле великий князь Михаил Александрович, вместе с военным министром генералом *Беляевым*. Пробыв целый день в городе, великий князь поздно вечером хотел вернуться в Гатчино, но это ему не удалось и он решил переночевать в Зимнем дворце.

По словам участников, его приезд произвел впечатление на многих офицеров и солдат, которые вообразили, будто он „желает разделить с ними опасность".

Человек, понимающий психологию массы, сумел бы усилить эту, благоприятную для него, случайную перемену в настроении; он запросто поговорил бы с офицерами и солдатами, а также оказал бы уставшим и проголодавшимся людям возможно широкое гостеприимство, воспользовавшись запасами дворцовых кладовых и погребов.

Взамен этого, Михаил Александрович, поздоровавшись с начальствовавшими лицами, тотчас же удалился в отдельную комнату. Затем, выслушав доклад генерала *Комарова*, он вызвал к себе *Беляева* и *Хабалова* и потребовал удаления войск из Зимнего дворца, по той причине, что они навлекают на дворец опасность.

Хабалов, *Беляев* и *Занкевич* стали совещаться втроем. Сначала они хотели перейти в Петропавловскую крепость, которая еще не была занята восставшими. Но на запрос *Хабалова*, по телефону, помощник коменданта барон *Сталь* ответил, что это можно сделать лишь с боем, так как на Троицкой площади стоят вооруженные толпы с бронированными автомобилями и, кажется, даже с пушками, а на Троицком мосту устроены баррикады. Тогда *Занкевич* сказал „что при колеблющемся настроении офицеров Измайловского полка, который составляет теперь главную силу, произвести атаку невозможно". В результате было решено возвратиться в адмиралтейство.

Этот переход был произведен уже на рассвете и произвел на войска удручающее впечатление; вышло, что родной брат царя выгнал защитников монархии из своего дома. Солдаты говорили: „Гоняют, как собак. Что мы им дались.

Уйдем, братцы, домой". [1] Одна рота действительно ушла, так что, судя по позднейшим донесениям *Хабалова* и *Беляева*, осталось всего четыре роты.

Между тем, в третьем часу пополудни 27 февраля, совет старейшин выполнил данное ему поручение, выбрав „Временный комитет Государственной Думы", под председательством *Родзянко*. Ближайшей задачей комитета было поставлено „восстановление порядка и сношение с учреждениями и лицами", имевшими отношение к движению. Всякие предложения присвоить себе правительственную власть, в какой бы то ни было форме, были отвергнуты, как несвоевременные и даже принципиально неправильные. [2]

Около этого же времени образовался „Временный исполнительный комитет Совета Рабочих Депутатов", поставивший себе целью возродить „Совет рабочих депутатов", существовавший еще в 1905 году, с 13 октября по 3 декабря, то-есть впродолжение 52 дней.

Телефонограмма, переданная на фабрики и заводы, приглашала прислать представителей в Таврический дворец к 7 часам вечера на первое заседание названного совета. Кроме того, комитет, по собственной инициативе, сделал первый шаг для обуздания той анархии, которая водворилась в городе.

Несмотря на то, что много войск Петроградского гарнизона уже перешло на сторону революции, в распоряжении ее не было ни одной организованной воинской части. Солдаты разбрелись по улицам и смешались с народом. К тому же многие из них вышли из казарм безоружными, а некоторые, как сказано выше, отдали и даже продали свои винтовки.

В толпах, наполнявших улицы, было необычайное возбуждение; то там, то здесь поднималась шальная стрельба, увеличивавшая общую нервность; особенно старались подростки, раздобывшие себе револьверы и палившие в воздух для собственного развлечения. Беспорядок увеличивался разъезжавшими по городу, без особой надобности, многочисленными автомобилями.

---

[1] „Исторический Вестник" 1917 г. апрель „Агония старого режима" (по показаниям очевидцев) *Акаемов*.

[2] *Милюков* „История второй русской революции", 1921 г., т. I, вып. I, стр. 42.

В Таврическом дворце и вокруг него скопилось большое число солдат всевозможных частей, что отчасти объяснялось тем, что тут их кормили. Солдаты запружали залы и коридоры дворца, где располагались как на биваке. Офицеров между восставшими нигде не было видно.

Необходимо было внести в образовавшийся хаос хоть какую нибудь организацию. Временный исполнительный комитет Совета Рабочих Депутатов решил начать с образования „Штаба восстания". Для этого были вызваны по телефону два социалиста-революционера: лейтенант *Филипповский* и библиотекарь военной академии *Масловский* (*Мстиславский*). Последний, хотя не был офицером, но, состоя в партии тринадцать лет, занимался вопросами революционной тактики и в 1906 году составил нелегальное „Руководство для уличного боя". Вечером пришло еще десятка два офицеров, преимущественно прапорщиков разных родов войск. Все это были фронтовики, прибывшие в Петроград в отпуск или командировку. Связи с местными полками у них не было никакой. Под „Штаб восстания" были отведены кабинет товарища председателя Думы и смежный зал.

Филипповский взял на себя подготовку обороны дворца, для чего на улице было поставлено четыре орудия, а на крыше помещены пулеметы. Впрочем, последние существовали лишь для устрашения, так как к стрельбе были непригодны.

Мстиславский пытался руководить действиями в городе, при чем применял такую систему: он давал определенную задачу какому-нибудь офицеру, который шел к солдатам и вызывал желающих. Таким способом удалось составить небольшие команды для занятия ближайших вокзалов и для разведки в важнейших направлениях.

В десятом часу вечера началось заседание Временного комитета Государственной Думы. *Родзянко*, только - что вернувшийся от князя *Голицына*, сообщил, что государь видимо несогласен на ответственное министерство. После продолжительного обсуждения создавшегося положения, комитет единогласно постановил: взять правительственную власть в свои руки.

Такое решение, противоречившее принятому раньше, было вызвано, главным образом, опасением захвата государственного аппарата Советом Рабочих депутатов.

Состав ответственного министерства был уже давно намечен, но так как глава его, председатель главного комитета Всероссийского земского Союза князь *Г. Е. Львов*, не находился в это время в Петрограде, то решено было отложить образование кабинета до его приезда, а пока назначить для заведывания отдельными министерствами комиссаров из членов Государственной Думы.

Затем, Временный комитет Думы постановил—теперь же принять на себя руководство военными действиями в Петрограде, на что, как мы видели, уже успел обратить внимание Временный исполнительный комитет совета рабочих депутатов. Для этой цели, в состав думского комитета был включен член думы *Энгельгардт*, бывший подполковник генерального штаба, в качестве председателя так называемой „военной комиссии".

Ровно в полночь, *Родзянко* и *Энгельгардт*, бывший в штатском платье, пришли в „штаб восстания". *Родзянко* объявил, что Временный Комитет Государственной Думы принял на себя восстановление порядка в городе и что комендантом Петрограда назначается член государственной думы подполковник генерального штаба *Энгельгардт*. Против этого, от имени Совета рабочих депутатов, резко возражал присяжный поверенный *Н. Д. Соколов*, но потом, по настоянию *Мстиславского* и других, уступил.

О происшедшей перемене в государственном управлении были тогда же, в ночь с 27 на 28 февраля, извещены по телеграфу провинциальные власти.

Сверх того было выпущено воззвание к народу:

„Временный Комитет Государственной Думы, при тяжелых условиях внутренней разрухи, вызванной мерами старого правительства, нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка. Сознавая всю ответственность принятого им решения, комитет выражает уверенность, что население и армия помогут ему в трудной задаче создания нового правительства, соответствующего желаниям населения и могущего пользоваться доверием его. Председатель Государственной Думы *М. Родзянко*".

Начальнику штаба верховного главнокомандующего, главнокомандующим фронтами и командующим Балтийским

и Черноморским флотами были посланы, за подписью председателя Думы, следующие две телеграммы:

1) „Временный Комитет членов Государственной Думы сообщает вашему высокопревосходительству, что ввиду устранения от управления всего состава бывшего совета министров, правительственная власть перешла в настоящее время к Временному Комитету Государственной Думы".

2) „Временный Комитет Государственной Думы, взявший в свои руки создание нормальных условий жизни и управления в столице, приглашает действующую армию и флот сохранить полное спокойствие и питает полную уверенность, что общее дело борьбы против внешнего врага ни на минуту не будет прервано или ослаблено. Так же стойко и мужественно, как и доселе, армия и флот должны продолжать защиту своей родины.

„Временный Комитет, при содействии столичных войск и частей и при сочувствии населения, в ближайшее время, водворит спокойствие в тылу и восстановит правильную деятельность правительственных установлений.

„Пусть и с своей стороны каждый офицер солдат и матрос исполнит свой долг и твердо помнит, что дисциплина и порядок—есть лучший залог верного и быстрого окончания вызванной старым правительством разрухи и создания новой правительственной власти".

Из этих двух документов видно, что Временный Комитет Государственной Думы, устранив от управления бывший Совет министров и решив заменить его ответственным министерством, полагал, что цель революции уже достигнута и что дальше остается лишь восстановить нарушенный порядок и с новыми силами продолжать войну.

Тогда же был отдан приказ по войскам Петроградского гарнизона, коим предписывалось:

1) Всем воинским частям и одиночным нижним чинам немедленно возвратиться в свои казармы.

2) Всем офицерам прибыть к своим частям и принять всевозможные меры к водворению порядка.

3) Начальникам отдельных частей явиться в Государственную Думу для получения распоряжений в 11 час. утра 28 февраля.

Между тем, представители фабрик и заводов, назначенные в Совет рабочих депутатов, вместо 7 часов вечера, успели собраться лишь к 9 часам, да и то в числе всего 40—50 человек.

Тем не менее, на этом первом заседании, носившем организационный характер, был выбран тот исполнительный комитет, который с добавлением впоследствии нескольких членов, сыграл столь крупную роль в ближайшие месяцы революции.

Поздно ночью, от имени Рабочих Депутатов, было выпущено воззвание к солдатам:

„Солдаты! Народ и вся Россия благодарят вас, восставших за правое дело свободы.

„Вечная память погибшим борцам.

„Солдаты! Некоторые из вас еще колеблются присоединиться к восставшим вашим и нашим товарищам.

„Солдаты! Помните все ваше тяжелое житье в деревне, на фабриках, на заводах, где всегда душило и давило вас правительство. Присоединяйтесь к народу и народ даст вам и вашим семьям новую свободную жизнь и счастье.

„Солдаты! Если вы отбились от своих частей, идите в Государственную Думу—там найдете своих товарищей и с ними будете делить радость и горе".

Далее давались указания относительно действий в разных случаях, а в конце было сказано:

„Будьте тверды и непоколебимы в своем решении бороться за свободу до смерти.

„Поклянемся лучше умереть, но не отдать врагу свободы. Жертвы, службы и чести вашей никогда не забудет Россия. Да здравствует свобода"!

Ночь с 27 на 28 февраля была тревожная. Из разных районов получались в „штабе восстания" донесения о готовящемся наступлении противника. Так как к ночи улицы очистились от народных масс, разошедшихся по домам, то путь к Таврическому дворцу был свободен. По коридорам носились слухи, будто *Хабалов* уже начал наступление. В действительности, как мы видели, ему было не до этого.

Вечером 27 февраля, в Таврический дворец был доставлен первый арестованный—председатель Государственного Совета, бывший министр юстиции *Щегловитов*.

По словам очевидца: „он был арестован в своей квартире каким-то студентом, пригласившим с собою для этой цели встреченную на улице группу вооруженных солдат".

Ночью был произведен целый ряд подобных же арестов.

В Могилеве государь, получив от императрицы весьма тревожные телеграммы, стал беспокоиться за семью и решил ускорить свой отъезд в Царское Село, выехав ночью.

После обеда государь пригласил к себе в кабинет генерал-адъютанта *Иванова* и, сказав ему, что в Петрограде „начинается брожение" в запасных батальонах и среди рабочих, назначил его главнокомандующим войсками Петроградского военного округа, при чем добавил, что на усиление гарнизона будут присланы некоторые части с фронта.

В происшедшем разговоре, *Иванов* указал на необходимость, кроме принятых военных мер, создать „министерство доверия", против чего государь не возражал.

Тем временем, около 9 час. вечера, *Алексеев* вызвал к аппарату начальника штаба Северного фронта *Данилова*, которому сказал следующее: [1]

„Здравствуйте, Юрий Никифорович. Ссылаюсь на телеграмму главнокомандующему Северным фронтом военного министра от сегодняшнего числа № 197. [2]

„Государь император повелел:

„Генерал-адъютанта *Иванова* назначить главнокомандующим Петроградского военного округа; в его распоряжение, возможно скорее, отправить от войск Северного фронта в Петроград два кавалерийских полка, по возможности из находящейся в резерве 15 дивизии, два пехотных полка из самых прочных, надежных, одну пулеметную команду Кольта, для Георгиевского батальона, который едет из ставки. Нужно назначить прочных генералов, так как, повидимому, генерал *Хабалов* растерялся и в распоряжение генерала *Иванова* нужно дать надежных, распорядительных и смелых помощников. Войска нужно отправить с ограниченным обозом и организовать подвоз хлеба и припасов распоряжением фронта, так как трудно сказать, что творится сейчас в Петрограде и возможно ли там обеспечить войска заботами местного гарнизона. Обстоятельства требуют скорого прибы-

[1] „Воспоминания ген. *А. С. Лукомского*". 1922 г., т. I, стр. 173.
[2] См. страницу 105.

тия войск, поэтому прошу очень соответствующих распоряжений и сообщите мне, какие полки будут назначены, для уведомления генерала *Иванова*, который ускоренно отправляется, 28 февраля, с Георгиевским батальоном. Такой же силы наряд последует от Западного фронта, о чем иду говорить с генералом *Квецинским*.

„Минута грозная и нужно сделать все для ускорения прибытия прочных войск. В этом заключается вопрос нашего дальнейшего будущего. До свидания. *Алексеев*".

Аналогичное приказание было передано по аппарату и начальнику штаба Западного фронта генералу *Квецинскому*.

Само собой разумеется, что, отправляя в Петроград все эти войска, *Алексеев* имел в виду не борьбу с Временным Комитетом Думы, стремлениям коего он сочувствовал, а решительное подавление вооруженного восстания пролетариата.

От государя *Иванов* отправился к *Алексееву*, который более подробно познакомил его с положением дел в Петрограде и сообщил о числе войск, посылаемых с фронта, не назвав, однако, полков, так как они не были еще выбраны.

Государь записал в свой дневник: „В Петрограде начались беспорядки несколько дней тому назад, к прискорбию в них стали принимать участие и войска. Отвратительное чувство быть так далеко и получать отрывочные, нехорошие известия. После обеда решил ехать в Царское Село поскорее и в час ночи перебрался на поезд".

В 2 часа 20 минут пополудни, в ставке была получена телеграмма, подписанная 23 выборными членами Государственного Совета. В ней, после изображения печального состояния государства, говорилось: [1]

„Государь, дальнейшее пребывание настоящего правительства у власти означает полное крушение законного порядка и влечет за собой неизбежное поражение на войне, гибель династии и величайшие бедствия для России. Мы почитаем последним и единственным средством решительное изменение вашим императорским величеством направления

[1] Из архивных документов, напечатанных проф. *В. Н. Сторожевым* в журнале „Научные Известия Академического центра Наркомпроса". Сборник I. Москва. 1922 г.

внутренней политики согласно неоднократно выраженным желаниям народного представительства, сословий и общественных организаций, немедленный созыв законодательных палат, отставку нынешнего совета министров и поручение лицу, заслуживающему всенародное доверие, представить вам, государь, на утверждение список нового кабинета, способного управлять страною в полном согласии с народным представительством. Каждый час дорог. Дальнейшие отсрочки и колебания грозят неисчислимыми бедствиями".

Отправляя эту всеподданнейшую телеграмму, выборные члены Государственного Совета, очевидно, еще не знали о том, что Временный Комитет Государственной Думы уже взял правительственную власть в свои руки; но любопытно, что даже при условиях, создавшихся к ночи с 27 на 28 февраля, они продолжали видеть в „ответственном министерстве" универсальное лекарство от всех зол.

В 2 часа 10 минут ночи [1], *Иванов* снова явился к государю, уже находившемуся в своем вагоне и просил: во избежание всяких трений, обеспечить ему содействие некоторых министров и подчинить полицию. Государь тотчас же согласился и приказал передать *Алексееву*, чтобы он телеграфировал князю *Голицыну* повеление: „Всем министрам беспрекословно исполнять все требования генерала *Иванова*".

В дальнейшем разговоре, *Иванов* снова коснулся вопроса о необходимости реформ. „Да, да,—ответил государь,—об этом мне только-что напоминал генерал *Алексеев*".

Отпуская *Иванова*, Николай II сказал: „До свидания, вероятно, в Царском Селе увидимся".

---

[1] Московский Историко-Революционный Архив. Документы генерал-майора *Спиридовича* т. 6. Придворный журнал с 28 февраля по 4 марта. *Спиридович* ведал дворцовой охраной.

V.

ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ.

(День 28 февраля и ночь на 1 марта).

Положение правительственных войск в адмиралтействе утром. Переговоры Иванова с Хабаловым. Роспуск войск по казармам в полдень. Последнее сопротивление самокатного батальона. Крейсер Аврора. Ораниенбаум, Стрельна и Царское Село. Первое пленарное собрание Совета Рабочих Депутатов. Манифестации войск. Солдатская секция Совета Рабочих Депутатов. Аресты. Указание Палеолога. Путешествие государя до Малой Вишеры. Кронштадт. Распоряжения Иванова из Могилева и его переезд до ст. Дно.

План Петрограда и схема железных дорог (См. приложение).

К 6 часам утра, правительственные войска, оставившие Зимний дворец, снова заняли здание адмиралтейства, разместившись в прежнем порядке.

Положение их, по официальным сведениям, было печальное: ощущался сильный недостаток в патронах и снарядах, почти совсем не было продовольствия, для лошадей не имелось фуража. Разумеется, все эти недочеты происходили, главным образом, от нераспорядительности.

При подобных условиях, а также принимая во внимание все происшедшее раньше, неудивительно, что офицеры и солдаты потеряли всякую охоту продолжать борьбу.

Хабалов звонил по телефону в разные районы, прося прислать подкрепления, патроны и продовольствие, но отовсюду получал отказ. В это время многие начальники считали уже более осторожным занять выжидательное положение.

Генерал *Иванов*, находившийся в Могилеве, вызвал *Хабалова*, к 8 час. утра, для переговоров по прямому проводу, при чем задал ему десять вопросов, которые приведены ниже вместе с ответами: [1]

---

[1] Журнал „Былое" 1919 г., № 15. *А. Блок* „Последние дни старого режима", стр. 38.

1) *Иванов.* „Какие части в порядке и какие безобразят?“

Хабалов. „Моем распоряжении, здании главного адмиралтейства, четыре гвардейских роты, пять эскадронов и сотен [1] и две батареи [2], прочие войска перешли на сторону революционеров или остаются, по соглашению с ними, нейтральными. Отдельные солдаты и шайки бродят по городу, стреляя прохожих, обезоруживая офицеров“.

2) *Иванов.* „Какие вокзалы охраняются?“

Хабалов. „Все вокзалы во власти революционеров, строго ими охраняются“.

3) *Иванов.* „В каких частях города поддерживается порядок?“

Хабалов. „Весь город во власти революционеров, телефон не действует, связи с частями города нет“.

4) *Иванов.* „Какие власти правят этими частями города?“

Хабалов. „Ответить не могу“.

5) *Иванов.* „Все ли министерства правильно функционируют?“

Хабалов. „Министры арестованы революционерами“.

6) *Иванов.* „Какие полицейские власти находятся в данное время в вашем распоряжении?“

Хабалов. „Не находятся вовсе“.

7) *Иванов.* „Какие технические и хозяйственные учреждения военного ведомства ныне в вашем распоряжении?“

Хабалов. „Не имею“.

8) *Иванов.* „Какое количество продовольствия в вашем распоряжении?“

Хабалов. „Продовольствия в моем распоряжении нет, в городе к 25 февраля было 500—600 тысяч пудов запаса муки“.

9) *Иванов.* „Много ли оружия, артиллерии и боевых припасов попало в руки бунтующих?“

Хабалов. „Все артиллерийские заведения во власти революционеров“.

10) *Иванов.* „Какие военные власти и штабы в вашем распоряжении?“

---

[1] Считая кавалерию, собравшуюся в конно-гвардейских казармах.

[2] Пропущена пулеметная рота.

Хабалов. „Моем распоряжении лично начальник штаба округа; с прочими окружными управлениями связи не имею".

В 11 час. 32 мин. утра, *Беляев* отправил начальнику штаба верховного главнокомандующего и дворцовому коменданту телеграмму (№ 201), в которой сообщалось, что „мятежники" овладели во всех частях города многими учреждениями, войска переходят на их сторону или становятся нейтральными, что на улицах идет пальба, движение прекращено, офицеров разоружают и что скорейшее прибытие войск крайне желательно". [1]

Между тем, утром 28 февраля, в „штаб восстания" пришел начальник Петроградского гарнизона и председатель думской военной комиссии подполковник *Энгельгардт*, на этот раз в военной форме и в сопровождении нескольких офицеров. Он оказался хорошо осведомленным о положении дел в правительственном лагере, при чем собрал эти сведения, преимущественно, по телефону от находившихся там своих знакомых, начавших настраиваться на конституционный лад.

Решено было занять Петропавловскую крепость и, угрозой обстрела адмиралтейства и Зимнего дворца, принудить противника выйти на улицу, где с ним покончить. Для этого прежде всего приступили к формированию отряда, так как организованных войск у „штаба восстания", попрежнему, не было. Но раньше чем эта работа закончилась, из Петропавловской крепости было сообщено по телефону, что гарнизон переходит на сторону народа. [2]

Около полудня, к *Хабалову* явился адъютант морского министра адмирала *Григоровича* и от имени последнего предъявил требование: немедленно очистить здание адмиралтейства, так как, в противном случае, оно может пострадать от артиллерийского огня с Петропавловской крепости. Тут мы опять видим, что забота о целости здания, вернее квар-

---

[1] Арх. Окт. Рев. № 3. Чрезв. След. Ком. Следственная часть, д. № 10, т. V, стр. 154 (150).

[2] Здесь я придерживаюсь наиболее распространенной версии. Шульгин рассказывает, будто Петропавловская крепость присоединилась к революции только 1 марта, после его переговоров с комендантом. Наоборот, Пешехонов говорит, что еще 27 февраля в Исполнительном Комитете Совета Рабочих Депутатов была получена телефонограмма о подчинении крепости Государственной Думе.

тиры министра и других высших чинов морского ведомства, доминирует над интересами защиты монархии.

Хабалов собрал совещание начальников, на коем было решено: во избежание бесполезного кровопролития, оставить в адмиралтействе все оружие, включая пулеметы и орудия, а офицеров и нижних чинов отпустить в казармы.

Это решение было приведено в исполнение, с тем большей охотой, что, судя по некоторым источникам, офицеры и солдаты еще раньше заявляли о своем желании уйти. Сам *Хабалов*, градоначальник *Балк*, его помощники *Вендорф* и *Лысогорский* и командир жандармского дивизиона *Казаков* предпочли остаться в адмиралтействе, где они вскоре были арестованы революционными солдатами и доставлены на автомобиле в Таврический дворец.

Военный министр *Беляев*, начальник генерального штаба *Занкевич* и другие ушли из адмиралтейства заблаговременно, при чем *Беляев* в 2 часа 20 мин. пополудни отправил следующую телеграмму на имя *Алексеева*:[1]

„Около 12 час. дня 28 февраля, остатки оставшихся еще верными частей, в числе 4 рот, 1 сотни, 2 батарей и пулеметной роты, по требованию морского министра, были выведены из адмиралтейства, чтобы не подвергнуть разгрому здание. Перевод всех этих войск в другое место не признан соответствующим, ввиду неполной их надежности. Части разведены по казармам, при чем, во избежание отнятия оружия, замки орудий сданы морскому министерству".

Тем временем, у городских бараков на Сампсониевском проспекте, занятых самокатным батальоном, с утра начали собираться толпы вооруженных рабочих и солдат, к которым вскоре присоединились броневики с пулеметами.[2]

Какого либо общего управления тут не было. *А. Шляпников*, вообще упоминающий об этом эпизоде лишь вскользь, особенно подчеркивает проявленную народом „массовую самодеятельность", при чем „не было видно в толпе привычных господ командиров".

---

[1] Арх. Окт. Рев. № 3. Чрезв. След. Ком. Следственная часть, д. № 10, т. V, стр. 154 (150).

[2] Арх. Окт. Рев. № 3. Чрезв. След. Ком. Следственная часть, д. № 10, т. V. Показания судебному следователю капитана *Аристова* и штабс-капитана *Лейбурга*.

В десятом часу утра началось обстреливание бараков, откуда отвечали только два пулемета, имевшиеся в пулеметной команде. „Один из пулеметов стоял в окне против ворот, другой с другого конца выхода казармы".

Деревянные стены бараков пробивались ружейными пулями, вследствие чего у самокатчиков появились убитые и раненые. Затем, в двенадцатом часу, бараки были подожжены с двух сторон.

Командир 33 роты капитан *Аристов*, отправившись к командиру батальона, убеждал его „присоединиться к народу"; но полковник *Балкашин* ответил отказом. Солдаты 29 роты пытались выйти с белым флагом, но начальник боевой части капитан *Карамышев* вернул их обратно, пригрозив пулеметным огнем.

Наконец после полудня, на помощь наступавшим, были подвезены орудия, которые начали расстреливать бараки почти в упор, пробивая в деревянных стенах целые бреши. В батальоне произошла паника и солдаты стали выскакивать из казарм, бросая винтовки.

„Командир батальона, несколько раз уговаривавший солдат не выходить и не сдаваться, построил учебную команду с оркестром музыки, намереваясь, очевидно, пробиться". Но осуществить это намерение ему не удалось, так как Сампсониевский проспект и прилегающие улицы были запружены народом. Тогда полковник *Балкашин*, выйдя вперед, объявил толпе, что солдаты-самокатчики не виноваты, а виноват лишь он один, так как „исполняя долг присяги" приказал им обороняться.

В ответ раздались выстрелы и *Балкашин* был поражен пулею в область сердца; отвезенный солдатами в Мариинскую больницу, он вскоре скончался.[1] Тогда же были убиты толпой капитаны *Карамышев* и *Кедрин*, а другие офицеры подверглись побоям. Капитана *Аристова* хотели расстрелять, но благодаря вмешательству солдат-самокатчиков, отправили в Таврический дворец, где *А. Ф. Керенский*, выслушав его объяснение о действиях батальона, сказал: „Крепко вы стояли за старое правительство, но наверное еще крепче постоите за новое".

[1] Арх. Окт. Революции № 4. Чрезв. След. Комиссия. Следственная часть, д. № 10, т. VII.

Описанные действия самокатчиков объясняются: во-первых, их классовым составом, о чем уже сказано в предидущей главе, а во-вторых—влиянием на них полковника *Балкашина*.

Одновременно, на Сердобольской улице, толпа разгромила штаб Самокатного батальона, при чем, кроме ружей, патронов и другого имущества, было захвачено 8 пулеметов.

Утром 28 февраля, рабочие ворвались на крейсер „*Аврора*", стоявший на Неве у завода Франко-Русского Общества, при чем матросы присоединились к ним; ружья, револьверы и пулеметы были захвачены, а командир крейсера, капитан 1-го ранга *Никольский* — сведен на берег и убит.[1]

В это же утро, в Петроград, через Нарвскую заставу, прибыли части 1 и 2 запасных пулеметных полков, расположенных в Ораниенбауме и Стрельне. По свидетельству их начальника, генерала *Филатова*, в этих полках перед революцией было до 36.000 человек; ночью, узнав о происходящем в Петрограде, солдаты взяли свои пулеметы и „стихийно направились" на помощь восставшим товарищам.[2]

Днем 28 февраля, революционное движение распространилось и на Царское Село, где первым перешел на сторону народа запасной батальон л.-гв. 1 Стрелкового полка, к которому присоединились сначала тяжелая артиллерия, а затем и другие части гарнизона. Войска так называемой дворцовой охраны — царский конвой, собственный его величества сводный полк, дворцовая полиция, 1 железнодорожный полк и гвардейский экипаж пока еще оставались верными правительству или, вернее, сохраняли нейтралитет. Вообще все движение в Царском Селе ограничилось демонстрациями и митингами; никаких вооруженных столкновений не произошло, не было даже сделано ни одного выстрела.

Рано утром на заводах и фабриках Петрограда произошли выборы в Совет Рабочих Депутатов, считая по одному депутату от тысячи человек рабочих.

Около 10 час. утра вышел первый номер газеты „Известия Петроградского Совета Рабочих Депутатов", который

---

[1] Дело Морской Историч. Комиссии № 13401, по рукописи *М. Е. Зингера*.
[2] Арх. Окт. Революции № 1. Чрезв. След. Комиссия. Следственная часть д. № 1, т. III, стр. 38 (31).

начинался воззванием названного Совета „к населению Петрограда и России".

В этом воззвании, между прочим, говорилось:

„Борьба еще продолжается; она должна быть доведена до конца. Старая власть должна быть окончательно низвергнута и уступить место народному правлению. В этом спасение России... Все вместе, общими силами, будем бороться за полное устранение старого правительства и созыв учредительного собрания, избранного на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права".

Как видно, это воззвание, приглашавшее к дальнейшей борьбе, резко отличалось от воззвания, опубликованного Временным комитетом Государственной Думы (стр. 111), который полагал, что с созданием ответственного министерства цель революции уже достигнута и затем остается лишь восстановить нарушенный порядок.

Еще дальше, в революционном смысле, пошел „Манифест Российской Социал-Демократической Рабочей партии" (большевиков), напечатанный в прибавлении к тому же номеру „Известий".

В этом манифесте было сказано:

„Задачи рабочего класса и революционной армии — создать Временное правительство, которое должно стать во главе нового нарождающегося республиканского строя. Временное правительство должно взять на себя создание временных законов, защищающих все права и вольности народа, конфискацию монастырских, помещичьих, кабинетских и удельных земель и передать их народу, введение восьмичасового рабочего дня и созыв Учредительного Собрания на основе всеобщего, без различия пола, национальности и вероисповедания, прямого, равного избирательного права с тайной подачей голосов... Немедленная и неотложная задача Временного революционного правительства — войти в сношения с пролетариатом воюющих стран для революционной борьбы народов всех стран против своих угнетателей и поработителей, против царских правительств и капиталистических клик и для немедленного прекращения кровавой человеческой бойни, которая навязана порабощенным народам...".

Около полудня, в Таврическом дворце открылось первое пленарное собрание Совета Рабочих Депутатов. Уже с са-

мого начала оно утратило деловой характер и обратилось в шумный, беспорядочный митинг. Выступали представители некоторых воинских частей, описывавшие свои успехи и заверявшие о своей преданности делу революции. По свидетельству участника „собрание плыло, захваченное великим энтузиазмом и минутами торжественного единения революционных рабочих и солдат".

Но вот, посреди этого общего воодушевления, в пятом часу вечера, раздались на улице какие-то случайные выстрелы, а затем по залам пронесся крик „казаки". Мгновенно разразилась сильнейшая паника. „Одни депутаты полегли на пол, другие бросились бежать—неизвестно куда. Началась свалка". Особенно сильно поддались панике солдаты, из коих некоторые стали прикладами выбивать окна, чтобы выскочить в сад. С большим трудом членам исполнительного комитета удалось успокоить совет.[1]

Шляпников говорит: „Эта паника показывает насколько тревожно и неуверенно было настроение солдатской массы".

Днем 28 февраля, по мере того, как стало выясняться бессилие правительства, некоторые войсковые части, до тех пор занимавшие выжидательное положение, направлялись к Таврическому дворцу для выражения преданности Временному комитету Государственной Думы. В их рядах было и небольшое число офицеров.

Родзянко и *Милюков* приветствовали приходившие войска речами, сущность коих сводилась к следующему:

1) Офицерам внушалось, что в настоящее время, единственной законной властью является Временный комитет Государственной Думы, который будет отдавать приказания через начальника Петроградского гарнизона, председателя военной комиссии подполковника *Энгельгардта*.

2) Солдатам предлагалось возвращаться в казармы, поддерживать строгий воинский порядок и слушаться своих офицеров, к которым Временный комитет Государственной Думы питает полное доверие.

Такая программа была вполне приемлема для офицеров, а потому, исполняя вышеприведенный приказ по Петроград-

---

[1] *А. Шляпников.* „Семнадцатый год". Кн. 1, стр. 189.
Ник. Суханов. „Записки о революции". 1922 г., кн. 1, стр. 200.

скому гарнизону (стр. 112), они стали массами являться в свои части. Становилось очевидным, что Временный комитет Государственной Думы стремится, при помощи офицеров, забрать в руки солдат и таким образом сделать из армии свое послушное орудие.

С другой стороны, солдаты, только-что вышедшие на улицу, очень не хотели возвращаться в казармы под прежнее ярмо ненавистной им дисциплины. К тому же они с понятным недоверием относились к своим офицерам, уклонившимся от участия в вооруженном восстании.

Что касается революционной демократии, то она ни в коем случае не могла допустить, чтобы армия снова сделалась орудием буржуазии, хотя и под флагом другого правительства. Не имея возможности рассчитывать на офицеров, сочувствие коих (за редкими исключениями) было всецело на стороне Временного комитета Государственной Думы, Совет Рабочих Депутатов должен был обратить тем большее внимание на привлечение к себе солдат, являвшихся, в массе своей, крестьянами, переодетыми в шинели.

Этому вопросу было посвящено вечернее заседание Исполнительного комитета. На нем представители большевиков предлагали радикальную меру, а именно: включить в Совет Рабочих Депутатов выборных от солдат. Представители оборонческих групп возражали, что это внесет в армию агитацию, разложит ее и сделает, в конце концов, небоеспособной. После долгих споров и под давлением солдат, первое мнение одержало верх.

Было постановлено: организовать при Совете Рабочих Депутатов „Солдатскую Секцию", с нормой представительства по одному человеку на роту. Такая норма была принята, считая численность роты, как это было в запасных батальонах, более тысячи человек; в действительности же, в состав Петроградского гарнизона входило еще, на правах роты, много мелких команд, вследствие чего получилось огромное число солдатских представителей, в которых потонули представители рабочих.

Хотя после полудня сопротивление царских войск было уже сломлено и военные действия прекратились, но водворившаяся в городе анархия не только не уменьшилась, а наоборот возросла. Толпы продолжали громить полицей-

ские учреждения, а при случае также—склады, магазины и частные квартиры; между прочим, была разгромлена гостиница Астория на Морской улице. По числу кровавых жертв этот день был даже тяжелее предыдущего.

Пешехонов, назначенный 28 февраля, распоряжением Совета, комиссаром Петроградской стороны, описывает создавшееся положение в следующих выражениях: [1]

„Возбужденные солдаты группами и даже толпами врывались в квартиры, отыскивая спрятанные, будто бы, Протопоповым повсюду пулеметы, или стрелявших, яко бы, из окон людей, а то и просто контр-революционеров. К ним примазывались, а иногда и натравливали их, воры, грабители и всякие другие проходимцы. Воры и грабители очень скоро осмелели и начали уже самостоятельно производить обыски".

Но уже принимались меры для водворения порядка; по состоявшемуся рано утром постановлению Исполнительного комитета Совета Рабочих Депутатов, на фабриках и заводах формировалась милиция, а в домах, по собственной инициативе, возникали комитеты, создавшие охрану из самих жильцов.

С утра в Таврический дворец стали привозить разных сановников и дельцов царского режима. Относительно их ареста не было никаких постановлений: ни Временного комитета Государственной Думы, ни Исполнительного комитета Совета Рабочих Депутатов.

По словам *Суханова*, установился такой порядок: какая-нибудь случайно образовавшаяся группа, решив арестовать известное лицо, писала об этом приказ и давала его на подпись одному из членов Исполнительного комитета Совета Рабочих Депутатов.

Многие аресты были произведены даже без такого документа, т.-е. были совершенно самочинные.

За день, в числе других, был доставлен бывший военный министр генерал *Сухомлинов*, „найденный у себя на квартире, как говорят, под периной". [2] Когда ненавистного

---

[1] *С. А. Алексеев.* „Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев". Стр. 447.

[2] Полковник *Г. Г. Перетц.* „В цитадели Русской революции", (Записки коменданта Таврического дворца), стр. 46.

генерала ввели в Екатерининский зал, наполненный толпой, то она хотела с ним расправиться.

Шульгин рассказывает: „Солдаты уже набросились на него и стали срывать погоны. В эту минуту подоспел Керенский. Он вырвал старика из рук солдат и, закрывая собой, провел его в спасительный павильон министров. Но в ту же минуту, когда он его впихивал за дверь, наиболее буйные солдаты бросились со штыками. Тогда Керенский со всем актерством, на какое он был способен, вырос перед ними: «Вы переступите через мой труп»!! И они отступили..."[1]

Впрочем, по словам Суханова, солдаты все-таки настояли на немедленном лишении Сухомлинова погон. „Был послан делегат, вернувшийся с погонами и показавший их толпе".

Вечером, в Таврический дворец, добровольно явился министр внутренних дел *Протопопов*, а на другой день туда же был привезен и председатель Совета министров князь *Голицын*. Главный усмиритель „мятежа" военный министр *Беляев*, придя в думу 1 марта, просил, чтобы ему предоставили „возможность превратиться поскорее в частного обывателя", за что он предлагал дать „подписку о невыезде"; но это оригинальное предложение не было принято, его задержали и в тот же вечер перевезли в Петропавловскую крепость.[2] Чтобы более не возвращаться к вопросу об арестах, следует сказать, что они продолжались и в последующие дни, при чем в числе арестованных было много военных. Между прочим, из Торнео привезли отставного генерала *Римана*, выделившегося своей жестокостью в 1905 году.

Всех арестованных принимал комендант Таврического дворца, при чем они помещались в так называемый министерский павильон Государственной Думы, где был установлен весьма строгий режим. Отсюда некоторые арестованные, партиями, перевозились в Петропавловскую крепость, другие же были выпущены на свободу. Большинство арестованных сановников проявляло малодушие, составлявшее резкий контраст с их прежним высокомерием; только не-

[1] *В. Шульгин*. „Дни". Изд. „Прибой". Стр. 129.

[2] Показание *Беляева* Чрезв. След. Комиссии. „Падение царского режима", т. II, стр. 236.

многие сохранили в несчастии чувство собственного достоинства. Генерал *Риман* держал себя даже вызывающе, продолжая отстаивать свои черносотенные убеждения; например, когда, по прибытии его в Таврический дворец, один из караульных нижних чинов напомнил, что служил у него в роте в Семеновском полку, *Риман* ответил: „Стыжусь, что воспитал такого солдата".

Впродолжение всего дня, толпа приводила в Таврический дворец арестованных ею полицейских и жандармов; некоторые же из них являлись добровольно в штатском платье с нацепленными красными бантами.

В своих мемуарах французский посол *Палеолог* говорит, что около 5 час. вечера в посольство пришел один высокопоставленный сановник, который, описав создавшееся положение, спросил, от имени *Родзянко*, не имеет-ли *Палеолог* „передать ему какое-нибудь мнение или указание".[1]

Палеолог сказал: „В качестве посла Франции меня больше всего озабочивает война. Итак я желаю, чтобы влияние революции было, по возможности, ограничено и чтобы порядок был поскорей восстановлен. Не забывайте, что французская армия готовится к большому наступлению и что честь обязывает русскую армию сыграть при этом свою роль".

На вопрос—следует ли сохранить императорский режим, *Палеолог* ответил: „Да, но в конституционной, а не в самодержавной форме... Я допускаю, чтобы вы переменили царя, но сохранили царизм".

Посланный сановник уверил *Палеолога*, „что *Родзянко*, *Гучков* и *Милюков* такого же мнения и энергично работают в этом направлении".

Между тем, императорский поезд вышел из Могилева, в 5 часов утра 28 февраля, направляясь, через Оршу—Смоленск—Вязьму—Ржев—Лихославль и Тосно, в Царское Село. Он следовал без всяких приключений, встречаемый на станциях представителями местной администрации.

Из Вязьмы, в 3 часа пополудни, государь телеграфировал в Царское Село: „Выехал сегодня утром в пять. Мыс-

---

[1] „Царская Россия накануне революции", перевод *Протопопова* и *Ге*. Стр. 349.

лями всегда вместе. Великолепная погода. Надеюсь чувствуете себя хорошо и спокойно. Много войск послано с фронта".

В Лихославле *Воейков* получил, приведенную выше (стр. 119), тревожную телеграмму *Беляева*, за № 201, о том, что восстание распространяется по всему Петрограду.

Около 2 часов ночи на 1 марта, императорский поезд прибыл на станцию Малая Вишера, Николаевской дороги. Тут узнали, что станции Любань и Тосно заняты революционными войсками и что железнодорожное начальство получило приказание направить императорский поезд не на Царское Село, а на Петроград.

Посоветовавшись с приближенными, государь, в 2 часа 30 мин. ночи, приказал повернуть обратно и отправиться в Псков,[1] где находился штаб главнокомандующего армиями Северного фронта генерала *Рузского*.

Дубенский записал в свой дневник: „Все признают, что этот ночной поворот в Вишере есть историческая ночь в дни нашей революции. Государь, попрежнему, спокоен и мало говорит о событиях. Для меня совершенно ясно, что вопрос о конституции окончен, она будет введена наверное. Царь и не думает спорить и протестовать. Все его приближенные за это: граф *Фредерикс*, *Нилов*, граф *Граббе*, *Федоров*, *Долгорукий*, *Лейхтенбергский*, все говорят, что надо только сторговаться с ними, с членами Временного правительства".

В ту же ночь, с 28 февраля на 1 марта, когда государю не удалось проехать в Царское Село, а пришлось повернуть на Псков, в Кронштадте разразился военный бунт, в котором приняли участие, главным образом, матросы. Утром были убиты: командир порта адмирал *Вирен*, тщетно просивший пощадить его жизнь, адмирал *Бутаков*, не пожелавший „нарушить присягу", 36 морских и несколько сухопутных офицеров.[2]

Тем временем, генерал *Иванов*, после вышеприведенного разговора по прямому проводу с *Хабаловым*, утром 28 февраля, отправился к *Алексееву* и передал ему, написанную на своем бланке, записку такого содержания:

---

[1] Московский Историко-Революционный Архив. Документы генерал-майора. *Спиридовича*, т. VI, Придворный Журнал с 28 февраля по 4 марта.

[2] Рукопись *М. Е. Зингера*.

„Начальнику штаба верховного главнокомандующего. При представлении моем сего числа около 3 часов утра государю императору, его императорскому величеству было благоугодно повелеть доложить вам для поставления в известность председателя совета министров следующее повеление его императорского величества: „Все министры должны исполнять все требования главнокомандующего Петроградским военным округом генерал-адъютанта *Иванова* беспрекословно". Генерал-адъютант *Иванов*".

Передавая приведенное высочайшее повеление, *Иванов* просил проверить точность его запросом государя по телеграфу; но *Алексеев* сказал, что в этом не встречается надобности и что все нужное будет сделано.

После этого *Иванов* получил следующий документ, от 28 февраля за № 507:

„На основании 12 статьи Правил о местностях, объявленных на военном положении, мною предоставляется вашему высокопревосходительству принадлежащее мне, на основании 29 ст. Положения о полевом управлении войск, право предания гражданских лиц военно-полевому суду по всем делам, направляемым в военный суд, по коим еще не состоялось предания обвиняемых суду. Распоряжения вашего высокопревосходительства о суждении гражданских лиц в военно-полевом суде могут быть делаемы как по отношению к отдельным делам, так и по отношению к целым категориям дел, с предварительным, в последнем случае, объявлением о сем во всеобщее сведение. Генерал-адъютант *Алексеев*. Генерал-лейтенант *Кондзеровский*".

В этой бумаге ничего не говорилось о подчинении *Иванову* всех министров, вследствие чего он счел свои „полномочия отпавшими"; тем не менее он не стал настаивать на исполнении высочайшего повеления, вероятно по той причине, что предполагал на следующий день увидеться с государем в Царском Селе.

Тут нужно иметь в виду, что отношения между *Ивановым* и *Алексеевым*, когда-то очень близкие, в это время были весьма натянутые. В разговорах с хорошими знакомыми, *Иванов* приписывал свое увольнение от должности главнокомандующего юго-западного фронта, главным образом, интри-

гам *Алексеева*, что особенно возмущало его, так как *Алексеев*, в значительной мере, был обязан ему своей карьерой.

Из показаний Чрезвычайной Следственной Комиссии председателя Совета министров князя *Голицына* не видно, чтобы *Алексеев* передал ему означенное высочайшее повеление, но военному министру *Беляеву*, судя по его показанию, оно было сообщено.

Узнав в штабе имена полков, назначенных с Северного и Западного фронтов для движения на Петроград, *Иванов* отправил следующие три телеграммы:

1) Главнокомандующему Западным фронтом.

„Части, назначенные в мое распоряжение: 34 и 36 пехотные полки, под начальством генерала *Дошунова*, 2 гусарский Павлоградский и 2 Донской казачий полки, под начальством генерала князя *Трубецкого*, пулеметная команда Кольта и две батареи, с целью сосредоточения, должны высадиться на станции Царское Село, где и получат от меня дальнейшие указания. Выезжаю из Могилева сегодня 28 февраля в 13 часов и предполагаю быть на ст. Царское Село около 8 часов 1 марта, где остановлюсь на вокзале до выяснения обстановки. Об отданных по сему распоряжениях прошу мне телеграфировать на ст. Дно и Царское Село и приказать этим частям, по прибытии в Царское Село, установить со мною связь".

2) Главнокомандующему Северным фронтом.

„ Части, назначенные в мое распоряжение: 67 и 68 пехотные полки, под начальством генерала *Листовского*, 15 уланский, Татарский и 3 Уральский казачий полки, под начальством генерала *Мартынова*, и пулеметная команда Кольта, с целью сосредоточения, должны высадиться на ст. Александровская вблизи Царского Села, где получат от меня дальнейшие указания". (Окончание, как в предыдущей телеграмме).

3) Царскосельскому коменданту.

„Прошу вас сделать распоряжение о подготовке помещений для расквартирования в г. Царское Село и его окрестностях 13 батальонов, 16 эскадронов и 4 батарей".

В 11 часов утра, Георгиевский батальон (в составе трех рот) был отправлен из Могилева, по пути через Оршу,

Витебск и Дно, на Царское Село. Все расстояние составляло 700 километров.

Сам *Иванов* выехал из Могилева около часу дня и присоединился к войскам в Орше. Вслед ему была послана *Алексеевым* копия вышеприведенной телеграмы *Беляева* о том, что адмиралтейство, последний оплот в Петрограде оставлено правительственными войсками, которые отпущены в свои казармы . . . . . .

До Витебска поезд *Иванова* шел почти без опоздания, но далее движение настолько замедлилось, что в седьмом часу утра 1 марта он находился еще на станции Дно, в 223 километрах от Царского Села.

VI.

ПРИЗНАНИЕ НОВОЙ ВЛАСТИ.

(День 1 марта и ночь на 2 марта).

Манифестации войск. Выступление великого князя Кирилла Владимировича. Офицерский митинг. Возбуждение солдат против офицеров. Заседание Совета Рабочих Депутатов с солдатскими представителями. Приказ № 1. Переговоры о создании ответственного министерства. Попытка Родзянко проехать к государю. Прибытие государя в Псков. Доклад Рузского о положении. Телеграмма Алексеева с проектом манифеста об ответственном министерстве. Согласие государя. Возвращение войск, посланных на Петроград. Действия Иванова. Общие потери с 23 февраля по 1 марта.

План Петрограда и схема железных дорог (См. приложение).

В день 1 марта вооруженное восстание в Петрограде уже улеглось, но разные преступные элементы, во главе коих стали освобожденные из тюрем уголовные арестанты, продолжали еще грабить частные квартиры и магазины. С грабителями энергично боролись милиция из рабочих и охрана, созданная по почину самих жителей.

С утра, по улицам, ведущим к Таврическому дворцу, шли войска почти со всеми офицерами, под красными флагами, с красными бантами на груди и с красными кокардами на фуражках. Стоявшие на тротуарах толпы громкими кликами приветствовали каждую появляющуюся часть. Между прочим, под звуки Марсельезы, проследовал и Петроградский жандармский эскадрон, чтобы выразить свою верность новой власти. В Таврическом дворце члены Временного комитета Думы встречали подходившие войска речами такого же содержания, как и накануне.

Было уже сказано, что в Царском Селе войска так называемой дворцовой охраны пока еще не перешли на сторону революции, а сохраняли выжидательное положение.

Но вот, утром 1 марта, командир гвардейского экипажа великий князь Кирилл Владимирович разослал начальникам частей Царскосельского гарнизона следующую записку: [1] „Я и вверенный мне гвардейский экипаж вполне присоединились к новому правительству. Уверен, что вы и вся вверенная вам часть также присоединитесь к нам. Командир Гвардейского экипажа свиты его величества контр-адмирал Кирилл".

Одновременно, копия этой записки была послана для сведения, во Временный комитет Государственной Думы. После такого выступления великого князя, царский конвой, собственный его величества сводный полк, 1 железнодорожный полк и дворцовая полиция послали своих представителей в Таврический дворец с заявлением о переходе на сторону нового правительства. Им было указано—сохранять порядок и продолжать охрану царской семьи.

На Александру Федоровну, которая в это время была занята уходом за своими детьми, заболевшими корью, приведенный факт произвел столь сильное впечатление, что она впала в глубокий обморок.

В 4 часа 15 минут пополудни, Кирилл Владимирович, в сопровождении конвоя от гвардейского экипажа, приехал в Таврический дворец.

Войдя в Екатерининскую залу, наполненную публикой, он вызвал туда *Родзянко* и громко отрапортовал: [2] „Честь имею явиться вашему высокопревосходительству. Как и весь народ, я желаю блага России. Сегодня утром я обратился ко всем чинам гвардейского экипажа, разъяснил им значение происходящих событий и теперь я могу заявить, что весь гвардейский экипаж в полном распоряжении Государственной Думы".

Вскоре подошли к Таврическому дворцу гвардейские моряки, и великий князь провел их церемониальным маршем перед председателем Временного комитета Государственной Думы".

„После этого великий князь прошел в комнату думских журналистов, где за стаканом чая по товарищески (?!) беседовал с представителями печати".

---

[1] Полк. *Г. Г. Перетц.* „В цитадели Русской революции". „Записки коменданта Таврического дворца", стр. 51.

[2] Там же.

Наконец, Кирилл Владимирович направился к *А. И. Гучкову*, с которым долго совещался.

По этому поводу французский посол *Палеолог* записал в свой дневник:[1] „Великий князь Кирилл Владимирович объявил себя за Думу. Он сделал больше. Забыв присягу в верности и звание флигель-адъютанта, которое он получил от императора, он пошел сегодня в 4 часа преклониться перед властью народа".

Несколько дней спустя, 9 марта, тот же великий князь поместил в „Петроградской Газете" длинное интервью, в котором нападал на свергнутых царя и царицу, при чем даже употребил такое лживое выражение: „Я не раз спрашивал себя, не сообщница ли Вильгельма II бывшая императрица; но всякий раз я силился отогнать от себя эту страшную мысль".[2]

По инициативе думской военной комиссии, в собрании армии и флота, утром 1 марта, произошел, под председательством полковника *Защука*, многолюдный офицерский митинг, который единогласно вынес следующую резолюцию:

„Офицеры, находящиеся в Петрограде, идя рука об руку с народом, и собравшиеся по предложению Исполнительного комитета Государственной Думы, признавая, что для победоносного окончания войны необходимы скорейшая организация народа и дружные работы в тылу, единогласно постановили: признать власть Исполнительного комитета Государственной Думы, впредь до созыва Учредительного Собрания."

Эта резолюция была доставлена в Таврический дворец офицерской делегацией.

Втечение целого дня, в думскую военную комиссию являлись офицеры, предлагавшие свои услуги для службы народу.

Таким образом, офицерство примкнуло к Временному комитету Государственной Думы, как к законной власти.

Английский посол *Бьюкенен* отправил *Бальфуру* телеграмму (№ 314) с сообщением о происшедших событиях,

---

[1] *Морис Палеолог.* „Царская Россия накануне Революции". Перевод *Протопопова* и *Гг.* Москва, 1923 г., стр. 353.

[2] Там же, стр. 388.

при чем добавил: „Сегодня положение в Петрограде очень улучшилось“. [1]

Тем временем, с ранняго утра, в Исполнительный Комитет Совета Рабочих Депутатов стали являться представители от солдат разных частей Петроградского гарнизона с жалобами на то, что возвратившиеся в войска офицеры стремятся водворить прежние порядки, лишая солдат свободы и отбирая у них оружие.

Действительно, офицеры хотели исполнить приказ Петроградскому гарнизону, отданный в ночь с 27 на 28 февраля и предписывавший: водворить в частях порядок, что неизменно повторялось и во всех речах, коими члены Временного комитета Думы приветствовали приходившие к Таврическому дворцу войска.

Лишение свободы выражалось в требовании, чтобы солдаты оставались в казармах и выходили в город не иначе, как с особого разрешения.

Что же касается отобрания оружия, то вопрос сводился к следующему: во время восстания, как описано выше, многие цейхгаузы, склады оружия и главный арсенал были разгромлены восставшими. В результате, на руках у солдат оказалось много захваченного оружия, не присвоенного им по штату; у некоторых были даже пулеметы. Офицеры полагали, что это самовольно взятое казенное оружие должно быть сдано по принадлежности. Возможно, что при этом у некоторых офицеров были и другие скрытые намерения.

Возбуждение в частях гарнизона было так велико, что даже думская военная комиссия, опасаясь насилий солдат над офицерами, нашла нужным выпустить, за подписью подполковника *Энгельгардта*, объявление, что слухи о разоружении солдат по проверке оказались ложными, но что если такие факты произойдут в действительности, то против виновных офицеров будут приняты самые решительные меры вплоть до расстрела.

В тот же день, председателем военной комиссии, вместо *Энгельгардта*, был назначен *Гучков*, а его помощником ге-

[1] Из архивных документов, напечатанных проф. *Сторожевым* в журнале „Научные известия Академического центра Наркомпроса“. Сборник I. Москва. 1922 г.

нерал-майор *Потапов*. Новый председатель отдал приказание, в коем предписывалось: с 2 марта „начать правильные занятия в управлениях, штабах и во всех заведениях".

Между тем, Исполнительный Комитет Совета Рабочих Депутатов поставил вопрос „о регулировании отношений между солдатами и офицерами" на обсуждение Совета, который собрался в первом часу пополудни.

Это заседание, в коем, вместе с солдатскими представителями, участвовало не менее 1.000 человек, было посвящено, главным образом, военным вопросам и происходило под председательством присяжного поверенного *Н. Д. Соколова*, постоянного защитника по политическим делам.

Утвердив, известное уже нам, постановление Исполнительного Комитета об образовании при Совете „солдатской секции", Совет перешел к обсуждению острого вопроса о „регулировании отношений между офицерами и солдатами".

Солдатские представители высказали свои пожелания и с необычайной горячностью отстаивали их. После довольно продолжительных дебатов, Совет принял несколько руководящих положений, которые для окончательной разработки и облечения в форму военного приказа были переданы в особую комиссию. Последняя состояла из нескольких солдат, под председательством вышеназванного *Соколова*, про которого член тогдашнего Исполнительного Комитета *Шляпников* говорит, что он был „глубоко штатский человек."

Приказ был быстро изготовлен, при чем в заголовке поставили „номер первый", с целью показать, что за ним, в случае надобности, последуют и другие.

Вот его текст:

ПРИКАЗ № 1.

1 марта 1917 года.

По гарнизону Петроградского округа всем солдатам гвардии, армии, артиллерии и флота для немедленного и точного исполнения, а рабочим Петрограда для сведения.

Совет Рабочих и Солдатских Депутатов постановил:

1. Во всех ротах, батальонах, полках, парках, батареях, эскадронах и отдельных службах разного рода военных управлений и на судах военного флота немедленно выбрать комитеты из выборных представителей от нижних чинов вышеуказанных воинских частей.

2. Во всех воинских частях, которые еще не выбрали своих представителей в Совет Рабочих Депутатов, избрать по одному представителю от рот, которым и явиться с письменными удостоверениями в здание Государственной Думы к 10 часам утра 2 сего марта.

3. Во всех своих политических выступлениях воинская часть подчиняется Совету Рабочих и Солдатских Депутатов и своим комитетам.

4. Приказы Военной Комиссии Государственной Думы следует исполнять, за исключением тех случаев, когда они противоречат приказам и постановлениям Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

5. Всякого рода оружие, как-то: винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее, должно находиться в распоряжении и под контролем ротных и батальонных комитетов и *ни в коем случае не выдаваться офицерам* даже по их требованиям.

6. В строю и при отправлении служебных обязанностей, солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, но вне службы и строя в своей политической, общегражданской и частной жизни солдаты ни в чем не могут быть умалены в тех правах, коими пользуются все граждане.

В частности, вставание во фронт и обязательное отдание чести вне службы отменяется.

7. Равным образом отменяется титулование офицеров: ваше превосходительство, благородие и т. п. и заменяется обращением: господин генерал, господин полковник и т. д.

8. Грубое обращение с солдатами всяких воинских чинов, и в частности, обращение к ним на „ты" воспрещается и о всяком нарушении сего, равно как и о всех недоразумениях между офицерами и солдатами, последние обязаны доводить до сведения ротных комитетов.

Настоящий приказ прочесть во всех ротах, батальонах, полках, экипажах, батареях и прочих строевых и нестроевых командах.

Петроградский Совет Рабочих
и Солдатских Депутатов.

Этот приказ был прочитан сначала в Исполнительном Комитете, где не встретил никаких возражений, а затем в Совете, где вызвал такой восторг солдатских депутатов, что был немедленно утвержден без малейших поправок.

На другой день, 2 марта, он уже появился в газете „Известия Совета Рабочих и Солдатских Депутатов", при чем произвел как в России, так и в армии, впечатление неожиданно разорвавшейся бомбы.

Значение приказа № 1, в революционном отношении, было огромно. Лишив офицеров всякого начальственного авторитета и поставив их под контроль солдат, он был весьма полезен с *„пораженческой"* точки зрения, потому что подрывал боеспособность армии и ускорял ее разложение.

Наоборот, по той же причине, этот приказ был чрезвычайно вреден с точки зрения буржуазии и вообще всех *„оборонцев"*, желавших продолжать войну.

В результате, с второй стороны, были сделаны попытки, при помощи различных разъяснений и поправок, ослабить его влияние, но они не удались. Приказ № 1 быстро распространился по всей России и проник на фронты, при чем везде был принят солдатами как своего рода откровение.

Любопытно, что, сочиняя этот приказ, адвокат Соколов, который сам принадлежал к наиболее ревностным сторонникам оборонческого течения, наивно полагал, будто таким способом он возрождает наступательный дух армии. За это заблуждение ему пришлось впоследствии лично поплатиться: отправившись в июне, уже в ранге сенатора, на фронт, для убеждения солдат наступать, Соколов, со своими тремя спутниками, был жестоко избит и арестован солдатами 703 пехотного Сурамского полка.[1]

В день 1 марта, ввиду возвращения в Петроград князя *Г. Е. Львова*, Временный комитет Государственной Думы имел заседание, посвященное окончательному сформированию ответственного министерства, при чем было решено предоставить два портфеля (юстиции и труда) представителям социалистических партий.

Вечером, на заседание явились некоторые члены Исполнительного Комитета Совета Рабочих и Солдатских Депутатов с предложением: обсудить те условия, на коих новый кабинет мог бы рассчитывать на поддержку Совета.

Однако, хотя переговоры продолжались и ночью, они все-таки не были доведены до конца. Особенно большие затруднения вызывал вопрос о форме правления: Временный Комитет Государственной Думы желал сохранить монархию, а Совет Рабочих Депутатов стремился к республике.

Между тем, *Родзянко*, желая отправиться на свидание с государем, еще днем послал ему следующую телеграмму:[2] „Станция Дно. Его императорскому величеству. Сейчас экстренным поездом выезжаю на ст. Дно для доклада вам, государь, о положении дел и необходимых мерах для спасения России. Убедительно прошу дождаться моего приезда, ибо дорога каждая минута“.

---

[1] Военно-Ученый Архив. Дело № 319.

[2] Из архивных документов, напечатанных проф. *В. Н. Сторожевым* в журнале „Научные известия Академического центра Наркомпроса. Сборник I. Москва 1922 г.

Приведенная телеграмма была получена государем в 3 часа 45 минут пополудни; но выехать *Родзянко* не смог, так как железнодорожники не согласились дать ему поезд без разрешения Исполнительного Комитета Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, а последний в этом наотрез отказал. Причина отказа заключалась в понятном опасении, что Временный комитет Государственной Думы столкуется с Николаем II, и они, общими усилиями, двинут войска на Петроград для подавления революции.[1]

Не дождавшись *Родзянко* на ст. Дно, государь продолжал путь на Псков, приказав *Воейкову* телеграфировать *Родзянко*, чтобы он приезжал туда же.

В 8 час. 41 мин. вечера, *Родзянко* ответил по телеграфу:[2] „Псков. Его императорскому величеству. Чрезвычайные обстоятельства не позволяют мне выехать, о чем доношу вашему величеству".

Между тем, ещё до прибытия государя в Псков, *Рузский* получил копию следующей телеграммы, за № 1833, которую *Алексеев* послал *Иванову* в Царское село:[3]

„Частные сведения говорят, что 28 февраля в Петрограде наступило полное спокойствие, войска примкнули к Временному правительству в полном составе, приводятся в порядок. Временное правительство под председательством *Родзянко*, заседает в Государственной Думе, пригласило командиров воинских частей для получения приказаний по поддержанию порядка. Воззвание к населению, выпущенное Временным правительством, говорит о незыблемости монархического начала в России и о необходимости новых оснований для выбора и назначения правительства. Ждут с нетерпением приезда его величества, чтобы представить ему изложенное и просьбу принять эти пожелания народа. Если эти сведения верны, то изменяются способы ваших действий; переговоры приведут к умиротворению, дабы из-

---

[1] *Суханов* рассказывает, что позже, по настоянию *Керенского*, который по этому поводу даже упал в обморок, Исполнительный Комитет, будто бы, разрешил дать *Родзянко* поезд, но время уже было упущено.

[2] Из архивных документов, напечатанных проф. *В. Н. Сторожевым* в журнале „Научные известия Академического центра Наркомпроса" Сборник I. Москва, 1922 г.

[3] „Воспоминания *А. С. Лукомского*". Берлин, 1922 г. т. I. стр. 178. Исправлены ошибки в двух словах.

бежать позорной междоусобицы, столь желанной нашему врагу, дабы сохранить учреждения, заводы и пустить в ход работы. Воззвание нового министра путей сообщения (т.-е. комиссара) *Бубликова* к железнодорожникам, мною полученное кружным путем, зовет к усиленной работе всех, дабы наладить расстроенный транспорт. Доложите его величеству все это и убеждение, что дело можно привести мирно к хорошему концу, который укрепит Россию".

Затем, была получена телеграмма генерал-квартирмейстера верховного главнокомандующего на имя начальника штаба Северного фронта:

„По приказанию начальника штаба верховного главнокомандующего передаю для доклада главнокомандующему Северным фронтом с просьбой генерал-адъютанта *Алексеева* доложить государю:

„Первое—в Кронштадте беспорядки. Части ходят по улицам с музыкой. Вице-адмирал *Курош* доносит, что принять меры к усмирению с тем составом, который имеется в гарнизоне, он не находит возможным, так как не может ручаться ни за одну часть.

„Второе—генерал *Мрозовский* сообщает, что Москва охвачена восстанием и войска переходят на сторону мятежников.

„Третье—адмирал *Непенин* доносит, что он не признал возможным протестовать против призыва Временного комитета и таким образом Балтийский флот признал Временный комитет Государственной Думы.

„Сведения, заключающиеся в телеграмме 1833, получены из Петрограда из различных источников и считаются достоверными.

„Если будет хоть малейшее сомнение, что литерные поезда могут не дойти до Пскова, надлежит принять все меры для доставления доклада по принадлежности, послав хотя бы экстренным поездом с надежным офицером и командой нижних чинов для исправления пути, если бы это имело место. Генерал *Алексеев* нездоров и прилег отдохнуть, почему я подписываю эту телеграмму. 1 марта 1917 года. 17 час. 15 минут. *Лукомский*".

Государь приехал в Псков в 7 час. 5 минут вечера. Спокойно выслушав доклад генерала *Рузского*, он пригласил его, а также генералов *Данилова* и *Саввича*, к обеду.

В 8 час. 5 минут вечера в Пскове была получена телеграмма *Алексеева*, в которой он передавал донесения *Мрозовского* о беспорядках в Москве, после чего добавлял от себя:[1]

„Беспорядки в Москве, без всякого сомнения, перекинутся в другие большие центры России и будет окончательно расстроено и без того неудовлетворительное функционирование железных дорог. А так как армия почти ничего не имеет в своих базисных магазинах и живет только подвозом, то нарушение правильного функционирования тыла будет для армии гибельно, в ней начнется голод и возможны, беспорядки: революция, а последняя неминуема, раз начнутся беспорядки в тылу, знаменует собой позорное окончание войны со всеми тяжкими для России последствиями. Армия слишком тесно связана с жизнью тыла и с уверенностью можно сказать, что волнения в тылу вызовут таковые же в армии. Требовать от армии, чтобы она спокойно сражалась, когда в тылу идет революция, невозможно. Нынешний молодой состав армии и офицерский состав, в среде которого громадный процент призванных из запаса и произведенных в офицеры из высших учебных заведений, не дает никаких оснований считать, что армия не будет реагировать на то, что будет происходить в России.

„Мой верноподданический долг и долг присяги обязывает меня все это доложить вашему императорскому величеству; пока не поздно, необходимо немедленно принять меры к успокоению населения и восстановить нормальную жизнь в стране. Подавление беспорядков силой при нынешних условиях опасно и приведет Россию и армию к гибели. Пока Государственная Дума старается водворить порядок, но если от вашего императорского величества не последует акта, способствующего общему успокоению, власть завтра же перейдет в руки крайних элементов, и Россия переживет все ужасы революции. Умоляю ваше величество, ради спасения России и династии, поставить во главе правительства лицо, которому бы верила Россия, поручив ему образовать кабинет; в настоящую минуту это единственное

[1] Из архивных документов, напечатанных проф. *В. Н. Сторожевым* в журнале „Научные известия Академического центра Наркомпроса". Сборник I. Москва, 1922 г.

спасение, медлить невозможно и необходимо это провести безотлагательно. Докладывающие вашему величеству противное бессознательно и преступно ведут Россию к погибели и позору и создают опасность для династии вашего императорского величества".

Как видно, *Алексеев* открыто выступил с ходатайством об ответственном министерстве, пугая государя развитием революции.

Для усиления этой телеграммы, помощник *Алексеева* генерал *Клембовский*, еще в 5 час. 45 минут вечера, передал по аппарату в штаб Северного фронта следующее:

„Начальник штаба верховного главнокомандующего и великий князь Сергей Михайлович просят главнокомандующего всеподданнейше доложить его величеству о безусловной необходимости принятия тех мер, которые указаны в телеграмме генерала *Алексеева* его величеству, так как им это представляется единственным выходом из создавшегося положения... Великий князь Сергей Михайлович, с своей стороны, полагает, что наиболее подходящим лицом был бы *Родзянко*, пользующийся доверием".

Затем начальник морского генерального штаба адмирал *Русин* телеграфировал Николаю II:[1]

„Всеподданнейше доношу полученную мною телеграмму от командующего флотом Балтийского моря: с четырех часов утра 1 марта прервано сообщение с Кронштадтом каким-либо путем; главный командир порта убит, офицеры арестованы, в Кронштадте анархия и станция службы связи занята мятежниками".

В день 1 марта, даже старший из иностранных военных представителей в ставке, английский генерал-лейтенант *Хенбри-Вильямс*, которого государь в одном из писем к императрице назвал своим другом, обратился к нему с письмом, в коем советовал „для победоносного окончания войны" дать России конституционный строй, так как необходимо иметь „бархатную перчатку на железной руке". *Вильямс* писал: „Ваше величество — самодержавный монарх, но и самодержец может управлять в настоящее время

[1] Из архивных документов, напечатанных проф. *В. Н. Сторожевым* в журнале „Научные известия Академич. центра Наркомпроса" Сборник I. Москва, 1922 г.

только с помощью хороших советников, народ же желает знать, что эти советники избраны из числа лиц, коим он верит. Во время всех волнений, которые я видел в разных государствах, всегда лучшим средством было иметь отдушину. Это подобно нарыву на теле, который надо вырезать, чтобы дать выход яду. Свобода слова в Парламенте или Думе, казалось бы, могла служить той отдушиной, через которую народ будет знать, что он выскажет государю свои чувства при посредстве своих избранников" [1].

Наконец, в двенадцатом часу ночи, была получена телеграмма *Алексеева* с проектом манифеста об ответственном министерстве: [2]

„Его императорскому величеству. Ежеминутно растущая опасность распространения анархии по всей стране, дальнейшего разложения армии и невозможности продолжения войны при создавшейся обстановке настоятельно требуют немедленного издания высочайшего акта, могущего еще успокоить умы, что возможно только путем призвания ответственного министерства и поручения составления его председателю Государственной Думы. Поступающие сведения дают основание надеяться на то, что думские деятели, руководимые *Родзянко*, еще могут остановить всеобщий развал и что работа с ними может пойти, но утрата всякого часа уменьшает последние шансы на сохранение и восстановление порядка и способствует захвату власти крайними левыми элементами. Ввиду этого усердно умоляю ваше императорское величество соизволить на немедленное опубликование из ставки нижеследующего манифеста:

„Объявляем всем верным нашим подданным. Грозный и жестокий враг напрягает последние силы для борьбы с нашей родиной. Близок решительный час. Судьбы России, честь геройской нашей армии, благополучие народа, все будущее дорогого нам отечества требуют доведения войны, во что бы то ни стало, до победного конца. Стремясь сильнее сплотить все силы народные для скорейшего достижения победы, я признал необходимым призвать ответственное перед представителями народа министерство, возложив образование

---

[1] Военно-Ученый Архив. Дело № 891, стр. 258.
[2] „Воспоминания ген. *А. С. Лукомского*". Берлин. 1922 г., т. I, стр. 182.

его на председателя Государственной Думы, из лиц, пользующихся доверием всей России.

„Уповаю, что все верные сыны России, тесно объединившись вокруг престола и народного представительства, дружно помогут доблестной армии завершить ее великий подвиг.

„Во имя нашей возлюбленной родины призываю всех русских людей к исполнению своего святого долга перед нею, дабы вновь явить, что Россия столь же несокрушима, как и всегда, и что никакие козни врагов не одолеют ее.

„Да поможет нам господь-бог".

Как видно из пометки на этой телеграмме, генерал *Рузский* доложил ее государю в 11 час. 30 мин. вечера.

Казалось бы, этих документов было достаточно для того, чтобы выяснить государю существовавшее опасное положение, которое еще усложнялось тем, что восставший гарнизон города Луги не пропускал эшелоны *Иванова*, следовавшие из Пскова на ст. Александровскую близ Царского Села.

Тем не менее Николай II продолжал упорствовать, не желая расстаться с призраком своей самодержавной власти, и *Рузскому* стоило больших усилий склонить его к уступчивости. В конце концов, с большим неудовольствием, он отказался от плана подавления революции оружием и уполномочил *Рузского* вступить с *Родзянко* в переговоры по прямому проводу об образовании ответственного министерства.

Иванову была послана, в первом часу ночи, телеграмма:

„Надеюсь, прибыли благополучно. Прошу до моего приезда и доклада мне никаких мер не предпринимать. *Николай*".

Тогда же генерал *Данилов* телеграфировал соответствующим начальникам:

„Ввиду невозможности продвинуть эшелоны далее Луги и нежелательности скопления их на линии, особенно Пскове, и разрешения государя императора вступить главнокомандующему Северного фронта сношение председателем Государственной Думы, последовало высочайшее соизволение вернуть войска, направленные на станцию Александровскую, обратно Двинский район, где расположить их распоряжением пятой армии".

По вопросу опубликования манифеста об ответственном министерстве государь все-таки еще медлил и только к 5 час. 15 мин. утра телеграфировал *Алексееву* в ответ на его последнюю телеграмму:

„Можно объявить представленный манифест, пометив его Псковом".

В действительности, этот манифест не был объявлен, так как последующий ход событий сделал его ненужным.

Рассказывают, что государь, дав *Рузскому* полномочия на ведение переговоров с *Родзянко*, сам хотел возвратиться в ставку. *Воейков*, будто бы, уже отдал приказ о пропуске императорского поезда в Могилев; но *Рузский*, опасаясь отсрочек и колебаний со стороны слабовольного государя, настоял на том, чтобы он остался в Пскове.

Между тем, генерал *Иванов*, выехав утром 1 марта со станции Дно с Георгиевским батальоном, подвигался вперед весьма медленно и только к 6 час. вечера прибыл на станцию Вырица, в 36 километрах от Царского Села. Тут железнодорожное начальство объявило, что дальше поезд пропущен не будет, на что *Иванов* ответил, что заставит себя везти силою оружия. Ввиду создавшегося положения, комиссар путей сообщения *Бубликов* обратился за инструкциями во Временный комитет Государственной Думы, который неожиданно приказал дать *Иванову* экстренный поезд для проезда в Царское Село.

Вместе с тем от думской военной комиссии был командирован для связи с *Ивановым* генерального штаба подполковник *Тилли*.

Эти факты ясно указывают, что вечером 1 марта, под влиянием описанных выше волнений солдат Петроградского гарнизона, Временный комитет Государственной Думы видел в *Иванове*, не столько врага, сколько союзника, к помощи коего в крайности можно прибегнуть для того, чтобы подавить беспорядки и остановить дальнейший ход революции.

В 9 час. вечера поезд *Иванова*, с двумя паровозами, подошел к ст. Царское Село.[1] Не высаживая Георгиевского батальона из вагонов, *Иванов* вызвал начальника гарнизона и коменданта города, которые познакомили его с положением дел.

Вскоре из Петрограда приехал генерального штаба полковник *Доманевский*, командированный в распоряжение *Иванова* начальником генерального штаба *Занкевичем*.

[1] Письмо *Иванова* к военному министру *Гучкову*. „Русский Инвалид". 23 марта 1917 г. № 71.

По поручению последнего, *Доманевский* сделал *Иванову* подробный доклад о создавшейся общей обстановке, сущность коего заключалась в следующем: среди восставших обнаружилось два течения: *одни примкнули к Временному комитету Государственной Думы*, который, оставаясь верным монархическому принципу, хочет лишь некоторых реформ и горит желанием продолжать войну; *другие поддерживают Совет Рабочих и Солдатских Депутатов*, стремящийся к полному ниспровержению существующего строя и к окончанию войны. Бороться против революции, при наличных условиях в Петрограде и в армии, невозможно, а потому следует стремиться к соглашению с Временным комитетом Государственной Думы, что всего легче приведет к восстановлению порядка.

Такого рода рассуждения объяснялись тем, что еще с предидущего дня, то-есть с 28 февраля, офицеры генерального штаба, начиная с самого *Занкевича*, установили контакт с думской военной комиссией.

Около полуночи *Иванов* получил вышеприведенную (стр. 140) телеграмму *Алексеева*, за № 1833, содержание коей вполне согласовалось с докладом *Доманевского*.

Во втором часу, *Иванов* ездил в Царскосельский дворец, где имел разговор с императрицей, продолжавшийся около 20 минут.

По возвращении на станцию, ему передали известную уже нам телеграмму государя: „Прошу до моего приезда и доклада мне никаких мер не предпринимать“.

В ответ *Иванов* телеграфировал (№ 7): „Получил телеграмму вашего императорского величества. Жду дальнейших указаний“.

В третьем часу ночи *Иванову* доложили, что к станции приближается запасный батальон л.-гв. 1 Стрелкового полка с тяжелыми батареями.

Желая, по его словам, избежать столкновения с Царскосельским гарнизоном,[1] *Иванов* переехал, со своим Георгиевским батальоном, к ст. Вырица, „где решил стоять до тех пор, пока выяснится обстановка в Петрограде“.

---

[1] Письмо *Иванова* к военному министру *Гучкову*. Русский Инвалид. 23 марта 1917 г., № 71.

Возможно, что этот отъезд был вызван и ненадежностью Георгиевского батальона. *А. Блок* говорит, будто еще перед отправлением из Могилева, командир названного батальона генерал *Пожарский,* собрав своих офицеров, „объявил им, что в Петрограде приказания стрелять в народ он не даст, хотя бы этого потребовал генерал *Иванов*“. [1] По прибытии в Царское Село „генерал *Пожарский* вновь заявил, что его солдаты стрелять не будут“; последние же, в ответ на приглашение агитаторов присоединиться к восставшим войскам, ответили, что Георгиевский батальон „нейтрален“ и имеет целью лишь охрану личности *Николая II.* [2]

Итак, в ночь с 1 на 2 марта, правительство, сознав свое бессилие, отказалось от подавления революции войсками, а потому с этого времени нужно считать вооруженное восстание оконченным.

Что касается потерь, понесенных в революционные дни с 23 февраля по 1 марта, то точная их цифра неизвестна.

В статистическом отделе Петроградского городского комитета союза городов был составлен список лиц, „пострадавших во время февральской революции 1917 г.“. [3] Основанием для него послужили сведения, доставленные из больниц и лазаретов, куда приказано было свозить всех раненых, а также и трупы убитых, но очевидно, что некоторые из пострадавших туда не попали.

Всего в списке значится 1.656 человек обоего пола.

Однако, при проверке оказалось, что в это число включено 265 заболевших такими болезнями, которые на счет революции никак поставлены быть не могут (например: малокровие, катарр желудка, чесотка, болезни сердца и т. п.). Затем 76 фамилий в списке повторяются два раза.

За вычетом этих чисел, получится потеря убитыми, ранеными и ушибленными в 1.315 человек, из коих: офицеров 53, солдат 602, чинов полиции 73, граждан обоего пола (в том числе и дворников) 587.

---

[1] Журнал „Былое“, № 15 „Последние дни старого режима“

[2] *Пожарский* был назначен командиром Георгиевского батальона, главным образом, за свою фамилию, хотя, в действительности, он не имел ни малейшего отношения к знаменитому князю Пожарскому, род коего угас еще в конце XVII века.

[3] Арх. Окт. Рев. № 4. Чрезв. След. Ком. Следственная часть, д. № 10, том VII. Листы от 3 до 158.

СХЕМА ЖЕЛЕЗН. ДОР. МЕЖДУ ПЕТРОГРАДОМ и МОГИЛЕВОМ

СХЕМА ЖЕЛЕЗН. ДОР. МЕЖДУ ЦАРСКИМ СЕЛОМ, ГАТЧИНОЙ и ВЫРИЦЕЙ

VII.

КРУШЕНИЕ МОНАРХИЧЕСКОГО СТРОЯ.

Решение Временного комитета относительно отречения государя от престола в пользу сына. Разговор Рузского и Родзянко по прямому проводу. Выступление Алексеева. Давление на государя со стороны высших военных начальников. Согласие государя на отречение. Образование Временного правительства. Речь Милюкова. Великие князья. Поездка Гучкова и Шульгина в Псков. Генерал Иванов. Переговоры делегатов с государем. Отказ от престола в пользу вел. кн. Михаила. Задержание манифеста и неудовольствие Алексеева. Отказ вел. кн. Михаила от престола. Причина крушения монархического строя.

Схема железных дорог (См. приложение).

Для Временного комитета Государственной Думы вся задача революции сводилась к созданию ответственного министерства, а потому первоначально предполагалось, во избежание излишних осложнений, оставить Николая II императором.

Затем, ввиду явного нежелания восставшего народа, а также вследствие стремления Совета Рабочих и Солдатских Депутатов к республике, думский комитет, к вечеру 1 марта, решил пойти на компромисс, а именно: потребовать от государя отречения от престола в пользу сына, при регентстве вел. кн. Михаила Александровича.

Представители буржуазии надеялись этой жертвой успокоить народный гнев и сохранить в России монархический строй, необходимый, по их мнению, для защиты страны от социальных потрясений.

Вдохновитель прогрессивного блока *Милюков* говорил даже, что комбинация из Алексея и Михаила весьма выгодна для установления настоящих конституционных порядков, так как „один—больной ребенок, а другой—совсем глупый человек“.[1]

---

[1] *Суханов*. „Записки о революции“. 1922 г., кн. I, стр. 279.

В своей заботе о сохранении в массах престижа монархии, Временный комитет решил обставить самое отречение Николая II от престола таким образом, чтобы оно не походило на насильственный переворот, а имело вид добровольного и вполне закономерного акта.

С этой целью еще ночью было решено: на следующий день, 2 марта, отправить в Псков члена Государственного Совета *Гучкова* и члена Государственной Думы *Шульгина*, с поручением убедить государя, во имя спасения монархии и сохранения династии, подписать манифест об отречении от престола на указанных выше основаниях. Между тем, в 3 часа 30 мин. утра 2 марта, по поручению государя, генерал *Рузский* начал с *Родзянко* переговоры по прямому проводу, продолжавшиеся четыре часа.

Сущность их заключалась в следующем:[1]

Рузский сообщил, что государь согласен дать „ответственное перед законодательными палатами министерство“ и поручает Родзянко образование кабинета.

Родзянко сказал, что теперь этой уступки уже недостаточно: „Настала одна из страшнейших революций, побороть которую будет не так легко... Нигде нет разногласия, везде войска становятся на сторону Думы и народа и грозные требования отречения государя в пользу сына при регентстве Михаила Александровича становятся определенным требованием“.

Рузский выразил опасение, что „насильственный переворот“ вызовет анархию, которая перекинется в армию, при чем „начальники потеряют авторитет власти“. По его мнению, конечная цель была одна: „ответственное перед народом министерство“, которое должно быть введено нормальным путем, то-есть посредством манифеста, проект коего уже составлен.

Родзянко ответил: „Не забудьте, что переворот может быть добровольный и вполне безболезненный для всех и тогда все кончится в несколько дней; одно могу сказать, ни кровопролития, ни ненужных жертв не будет. Я этого не допущу“(?!).

---

[1] Полный текст напечатан в сочинении „Воспоминания генерала *А. С. Лукомского*“. Берлин, 1922 г., т. I, стр. 185.

Разговор по прямому проводу был окончен в $7^1/_2$ часов утра 2 марта и полный текст его тотчас же передан в ставку генералу Алексееву.

Так как в это время государь еще спал, то Рузский отложил свой доклад до его пробуждения. Между тем Алексеев, сделав из слов Родзянко вывод, что Временный Комитет Государственной Думы, под влиянием сложившейся в Петрограде новой обстановки, желает потребовать от государя отречения от престола, счел нужным, не теряя времени, пойти навстречу этому желанию.

В 9 час. утра генерал-квартирмейстер верховного главнокомандующего *Лукомский* вызвал к аппарату начальника штаба Северного фронта *Данилова* и передал ему следующее:[1]

„Генерал *Алексеев* просит сейчас же доложить главнокомандующему, что необходимо разбудить государя и сейчас же доложить ему о разговоре генерала *Рузского* с *Родзянко*. Переживаем слишком серьезный момент, когда решается вопрос не одного государя, а всего царствующего дома и России. Генерал *Алексеев* убедительно просит безотлагательно это сделать, так как теперь важна каждая минута и всякие этикеты должны быть отброшены. Генерал *Алексеев* просит, по выяснении вопроса, немедленно сообщить официально, а со стороны высших военных властей сделать необходимое сообщение в армии, ибо неизвестность хуже всего и грозит тем, что начнется анархия в армии.

„Это официально, а теперь прошу тебя доложить от меня генералу *Рузскому*, что, по моему глубокому убеждению, выбора нет и отречение должно состояться. Надо помнить, что вся царская семья находится в руках мятежных войск, ибо, по полученным сведениям, дворец в Царском Селе занят войсками, как об этом вчера уже сообщал вам генерал *Клембовский*. Если не согласятся, то, вероятно, произойдут дальнейшие эксцессы, которые будут угрожать царским детям, а затем начнется междоусобная война и Россия погибнет под ударами Германии и погибнет династия. Мне больно это говорить, но другого выхода нет. Я буду ждать твоего ответа. *Лукомский*“.

[1] „Воспоминания генерала *А. С. Лукомского*“, Берлин, 1922 г., т. I, стр. 192.

В этом, якобы не официальном, докладе *Лукомский*, конечно, с предварительного согласия *Алексеева*, советовал *Рузскому* затронуть самую чувствительную струну в государе — опасение за семью. В действительности, последней пока еще ничто не угрожало.

Данилов ответил, что *Рузский* через час пойдет с докладом, но что получить от государя, при известных свойствах его характера, „определенное решение" едва ли возможно...

В заключение *Лукомский* сказал: „Дай бог, чтобы генералу *Рузскому* удалось убедить государя. В его руках теперь судьба России и царской семьи".

В придворном журнале сказано: „от 10 час. 45 мин. утра его величество принимали генерал-адъютанта *Рузского* и дворцового коменданта *Воейкова*".[1]

Очевидно, *Воейков* сопровождал *Рузского* по его приглашению. При докладе *Рузский* ограничился тем, что передал государю, записанный дословно, текст своих переговоров с *Родзянко*, воздержавшись от всяких комментарий; впрочем, из самой записки было видно, что он возражал против отречения.

Говорят, будто государь объяснил устрашающие слова *Родзянко* тем, что последний, сделавшись главою кабинета, нарочно старается изобразить положение в самом мрачном свете, дабы впоследствии, по разрешении кризиса, приписать себе особые заслуги.

Тем временем *Алексеев*, не надеясь, чтобы одному *Рузскому* удалось уговорить государя отречься от престола, решил произвести на него соответствующее давление со стороны всех высших начальников армии. Таким способом *Алексеев* рассчитывал сломить упорство государя и помочь совершению того „добровольного и вполне безболезненного переворота", к которому, очевидно, стремился Временный комитет Думы.

В одиннадцатом часу утра 2 марта, из ставки была послана следующая телеграмма главнокомандующим фронтами (*Рузскому* копия):[2]

---

[1] Московский Историко-Революционный Архив. Документы генерал-майора *Спиридовича*, *т. VI*.

[2] „Воспоминания генерала *А. С. Лукомского*". Берлин, 1922 г., т. I, стр. 194.

„Его величество находится в Пскове, где изъявил свое согласие объявить манифест итти навстречу народному желанию учредить ответственное перед палатами министерство, поручив председателю Государственной Думы образовать кабинет.

„По сообщении этого решения главнокомандующим Северного фронта председателю Государственной Думы, последний, в разговоре по аппарату, в три с половиной часа второго сего марта, ответил, что появление такого манифеста было бы своевременно 27 февраля; в настоящее же время этот акт является запоздалым, что ныне наступила одна из страшных революций; сдерживать народные страсти трудно; войска деморализованы. Председателю Государственной Думы хотя пока и верят, но он опасается, что сдержать народные страсти будет невозможно. Что теперь династический вопрос поставлен ребром и войну можно продолжать до победоносного конца лишь при исполнении предъявленных требований относительно отречения от престола в пользу сына при регентстве Михаила Александровича. Обстановка, повидимому, не допускает иного решения, и каждая минута дальнейших колебаний повысит только притязания, основанные на том, что существование армии и работа железных дорог находятся фактически в руках Петроградского Временного правительства. Необходимо спасти действующую армию от развала; продолжать до конца борьбу с внешним врагом; спасти независимость России и судьбу династии. Это нужно поставить на первом плане, хотя бы ценой дорогих уступок.

„Если вы разделяете этот взгляд, то не благоволите ли телеграфировать весьма спешно свою верноподданническую просьбу его величеству, через главнокомандующего Северного фронта, известив меня.

„Повторяю, что потеря каждой минуты может стать роковой для существования России и что между высшими начальниками действующей армии нужно установить единство мысли и целей и спасти армию от колебаний и возможных случаев измены долгу. Армия должна всеми силами бороться с внешним врагом, а решение относительно внутренних дел должно избавить ее от искушения принять участие в перевороте, который более безболезненно совер-

шится при решении сверху. 2 марта 1917 года. 10 час. 15 мин. № 1872. *Алексеев*".

Краткий смысл этой длинной телеграммы, составленной *Лукомским*, заключался в том, чтобы все главнокомандующие обратились к государю с „верноподданнической просьбой" — возможно скорее оставить прародительский престол.

В дальнейшем, прежде всего, обнаружилось, какой ничтожной долей самостоятельности и гражданского мужества обладали некоторые русские полководцы: главнокомандующий Западного фронта *Эверт* заявил, „что он даст свое заключение лишь после того, как выскажутся генералы *Рузский* и *Брусилов*", а помощник главнокомандующего Румынского фронта *Сахаров*[1] потребовал даже, „чтобы ему были сообщены заключения всех главнокомандующих".

Желания обоих были удовлетворены и около 2 час. пополудни в ставке были получены ответы всех запрошенных лиц, после чего *Алексеев* телеграфировал государю:[2]

„Всеподданнейше представляю вашему императорскому величеству полученные мною на имя вашего императорского величества телеграммы:

„От великого князя Николая Николаевича.

„Генерал-адъютант *Алексеев* сообщает мне создавшуюся небывало роковую обстановку и просит меня поддержать его мнение, что победоносный конец войны, столь необходимый для блага и будущности России и спасения династии, вызывает принятие сверхмеры. Я, как верноподданный, считаю, по долгу присяги и по духу присяги, необходимым коленопреклоненно молить ваше императорское величество спасти Россию и вашего наследника, зная чувство святой любви вашей к России и к нему. Осенив себя крестным знаменем, передайте ему ваше наследие. Другого выхода нет. Как никогда в жизни, с особо горячей молитвой молю бога подкрепить и направить вас. Генерал-адъютант *Николай*".

„От генерал-адъютанта *Брусилова*.

„Прошу вас доложить государю императору мою всеподданнейшую просьбу, основанную на моей преданности и любви к родине и царскому престолу, что в данную ми-

---

[1] Номинально главнокомандующим числился румынский король.

[2] „Воспоминания генерала *А. С. Лукомского*". Берлин, 1922 г., стр. 196.

нуту единственный исход, могущий спасти положение и дать возможность дальше бороться с внешним врагом, без чего Россия пропадет,—отказаться от престола в пользу государя наследника цесаревича при регентстве великого князя Михаила Александровича. Другого исхода нет; необходимо спешить, дабы разгоревшийся и принявший большие размеры народный пожар был скорее потушен, иначе повлечет за собой неисчислимые катастрофические последствия. Этим актом будет спасена и сама династия в лице законного наследника. Генерал-адъютант *Брусилов*".

„От генерал-адъютанта *Эверта*.

„Ваше императорское величество, начальник штаба вашего величества передал мне обстановку, создавшуюся в Петрограде, Царском Селе, Балтийском море и Москве и результат переговоров генерал-адъютанта *Рузского* с председателем Государственной Думы. Ваше величество, на армию, в настоящем ее составе, при подавлении внутренних беспорядков, рассчитывать нельзя. Ее можно удержать лишь именем спасения России от несомненного порабощения злейшим врагом родины при невозможности вести дальнейшую борьбу. Я принимаю все меры к тому, чтобы сведения о настоящем положении дел в столицах не проникали в армию, дабы оберечь ее от несомненных волнений. Средств прекратить революцию в столицах нет никаких. Необходимо немедленное решение, которое могло бы привести к прекращению беспорядков и сохранению армии для борьбы против врага. При создавшейся обстановке, не находя иного исхода, безгранично преданный вашему величеству верноподданный умоляет ваше величество, во имя спасения родины и династии, принять решение, согласованное с заявлением председателя Государственной Думы, выраженным им генерал-адъютанту *Рузскому*, как единственно, видимо, способное прекратить революцию и спасти Россию от ужасов анархии. Генерал-адъютант *Эверт*".

„Всеподданейше докладывая эти телеграммы вашему императорскому величеству, умоляю безотлагательно принять решение, которое господь-бог внушит вам; промедление грозит гибелью России. Пока армию удается спасти от проникновения болезни, охватившей Петроград, Москву, Кронштадт и другие города, но ручаться за дальнейшее сохра-

нение воинской дисциплины нельзя. Прикосновение же армии к делу внутренней политики будет знаменовать неизбежный конец войны, позор России и развал ее. Ваше императорское величество горячо любите родину и ради ее целости, независимости, ради достижения победы соизволите принять решение, которое может дать мирный и благополучный исход из создавшегося более чем тяжелого положения. Ожидаю повелений. 2 марта 1917 года. № 1878. Генерал-адъютант *Алексеев*".

В этом коллективном выступлении, наибольшее внимание привлекает телеграмма великого князя Николая Николаевича, о коем необходимо дать небольшую историческую справку.

Еще в 1900 году, по интригам двух черногорок, великих княгинь Милицы и Анастасии, за которыми стоял великий князь, легковерный и склонный к мистицизму государь попал в руки темного авантюриста француза Филиппа.[1]

В эпоху так называемого освободительного движения, Николай Николаевич приобрел огромное влияние на государя и направлял его на путь гибельной реакции.[2]

„Божий человек" *Распутин* был введен в царскую семью, в 1907 году, Николаем Николаевичем и теми же черногорками.[3] Правда, потом великий князь его возненавидел, но, по справедливому объяснению профессора *Покровского*, это произошло оттого, „что *Распутин*, выдвинутый как орудие, осмелился подняться до самостоятельной роли, спекулируя на исцелении маленького Алексея; вдвинуть его снова в оглобли его первоначальному покровителю не удалось—отсюда лютая вражда".[4]

Во время политических осложнений, предшествовавших мировой войне, великий князь стал во главе тех шовинистов, которые побуждали боявшегося войны государя на решительные шаги.

---

[1] Дневник *А. А. Половцева*—„Красный Архив". 1923 г., т. III и Воспоминания *Палеолога*—„Распутин". Перевод Ф. Гё. Москва. 1923 г., стр. 10.

[2] „Воспоминания *Витте*". Издание 2, т. II.

[3] Указанные выше дневник *Половцева* и воспоминания *Палеолога*, а также мемуары *Бьюкенена*, 2 изд., стр. 149.

[4] Предисловие *Покровского* к книге „Переписка Николая II и Александры Романовых, 1914—15 г.г.". Петроград. 1923 г. т. III.

Наконец, сделавшись верховным главнокомандующим, Николай Николаевич, в первый же год, безнадежно проиграл войну на русском фронте, что объясняется, конечно, многими причинами, но, главным образом, его полной непригодностью к роли полководца.

Итак, великий князь Николай Николаевич принял деятельное участие в дискредитировании государя и императрицы в глазах общественного мнения, в пагубном, реакционном направлении внутренней политики, в вовлечении России в мировую войну и в постыдном проигрыше этой войны.

И после всего этого он решился „коленопреклоненно" молить государя (для гибели коего так много сделал) отказаться от престола!! Приведенные факты представляют особый интерес ввиду того, что в настоящее время великий князь Николай Николаевич стоит во главе русских монархистов.

Относительно *Брусилова* и *Эверта*, ныне уже умерших, следует сказать, что в прежнее время эти генералы особенно демонстрировали свою преданность самодержавию и личности монарха.

Заключительные слова *Алексеева* носят отпечаток той фальшивости, которая вообще была присуща этому мягкому, слабохарактерному человеку. Ведь именно *Алексеев* был инициатором коллективного выступления главнокомандующих, а между тем, передав их телеграммы об отречении, сам он, по выражению *Лукомского*, высказался „в крайне неопределенной форме".

Помощник главнокомандующего румынского фронта *Сахаров* телеграфировал непосредственно в Псков генералу *Рузскому* (копия *Алексееву*) следующее:[1]

„Генерал-адъютант *Алексеев* передал мне преступный и возмутительный ответ председателя Государственной Думы на высокомилостивое решение государя императора даровать стране ответственное министерство и просил главнокомандующих доложить его величеству через вас о решении данного вопроса в зависимости от создавшегося положения.

„Горячая любовь моя к его величеству не допускает душе моей мириться с возможностью осуществления гнус-

[1] „Воспоминания генерала *А. С. Лукомского*". Берлин. 1922 г., стр. 198.

ного предложения, переданного вам председателем Думы. Я уверен, что не русский народ, никогда не касавшийся царя своего, задумал это злодейство, а разбойная кучка людей, именуемая Государственной Думой, предательски воспользовалась удобной минутой для проведения своих преступных целей. Я уверен, что армии фронта непоколебимо стали бы за своего державного вождя, если бы не были призваны к защите родины от врага внешнего и если бы не были в руках тех же государственных преступников, захвативших в свои руки источники жизни армии.

„Переходя к логике разума и учтя создавшуюся безвыходность положения, я, непоколебимо верный подданный его величества, рыдая вынужден сказать, что, пожалуй, наиболее безболезненным выходом для страны и для сохранения возможности биться с внешним врагом является рэшение пойти навстречу уже высказанным условиям, дабы промедление не дало пищи к предъявлению дальнейших, еще гнуснейших, притязаний. Яссы. 2 марта. 13317. Генерал *Сахаров*".

По своему стилю и подходу к делу эта телеграмма не нуждается в особых комментариях.

В придворном журнале записано: „От 2 час. 30 мин. его величество принимали министра императорского двора, генерал-адъютанта *Рузского*, генерала *Данилова* и генерала *Савича*".[1]

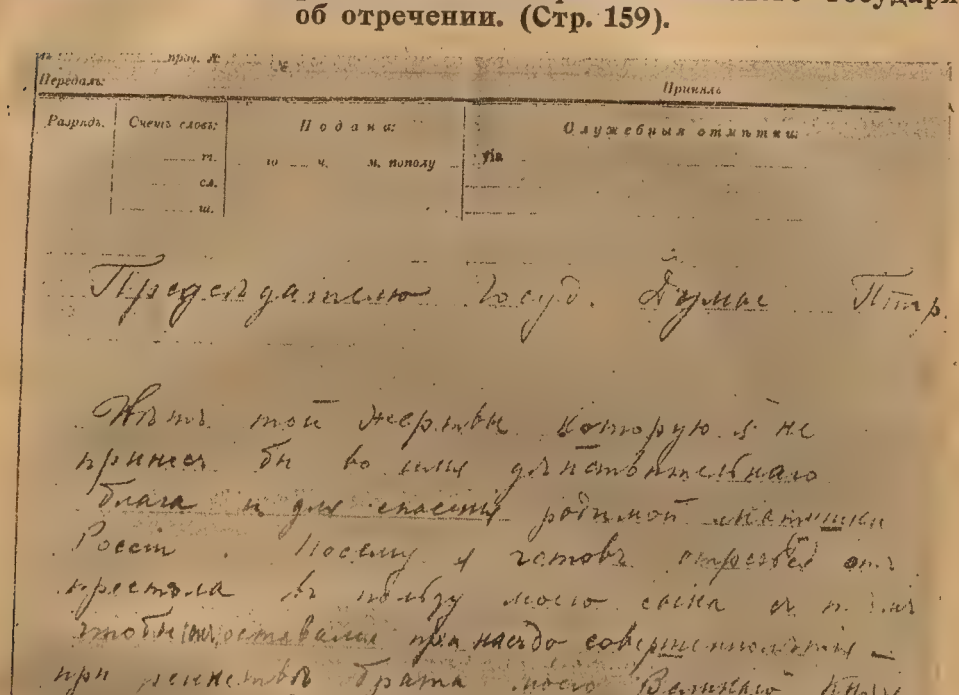
Следовательно, ввиду важности доклада, *Рузский* явился к государю не один, а в сопровождении двух подчиненных генералов и вместе с первым сановником империи графом *Фредериксом*. Впрочем, последний, по старческому слабоумию, не совсем отдавал себе отчет в происходившем.

Рузский доложил полученные телеграммы и в заключение высказал свое личное мнение о неизбежности отречения.

Государь был ошеломлен: шесть высших военных начальников, в том числе один великий князь и четыре генерал-адъютанта, требовали у него, хотя и в привычной раболепной форме, отказа от престола. Особенное впечатление произвела на него телеграмма августейшего дяди, Ни-

[1] Московский Историко-Революционный Архив. Документы генерал-майора *Спиридовича*, т. VI.

Факсимиле неотправленной телеграммы бывшего государя об отречении. (Стр. 159).



№ ... прил. № ...

Передать: Принята

Разряд.	Счетъ словъ:	Подана:	Служебныя отмѣтки.
	... т.	... ч. ... м. пополу	На ...
	... сл.		
	... ш.		

Председателю Госуд. Думы Петр.

Я имѣ тои жертвы которую я не
принес бы во имя дѣятельнаго
блага и для спасенія родимои матушки
Россіи. Посему я готовъ отрестся
отъ престола въ пользу моего сына и п. и.
Этобы оставаться при наслѣдникѣ —
при рѣшеніи брата моего Великаго Кн.
Михаил Александровича. Николаи

колая Николаевича, о чем он впоследствии неоднократно говорил.

Мы видели, с каким трудом удалось, в предшествующую ночь, вырвать у государя согласие на такую, сравнительно ничтожную, уступку, как ответственное министерство, теперь же, узнав, что армия в лице своих старших представителей желает его ухода, он сразу уступил и тут же собственноручно написал следующие две телеграммы:

„Председателю Государственной Думы. Петроград. Нет той жертвы, которую я не принес бы во имя действительного блага и для спасения родной матушки России. Посему я готов отречься от престола в пользу моего сына, с тем, чтобы он оставался при мне до совершеннолетия, при регентстве брата моего, великого князя Михаила Александровича. *Николай*“.[1]

„Наштаверх. Ставка. Во имя блага, спокойствия и спасения горячо любимой России я готов отречься от престола в пользу моего сына. Прошу всех служить ему верно и нелицемерно. *Николай*“.

Затем, государь приказал передать в ставку, чтобы там составили проект манифеста об отречении и прислали его в Псков.

Итак, решение отказаться от престола было принято императором Николаем II по требованию высших начальников армии, раньше, чем такое требование было ему предъявлено Временным комитетом Государственной Думы.

Вышеприведенные телеграммы не были еще отправлены, когда, в 3 часа 10 мин. пополудни, государю доложили о выезде из Петрограда, для переговоров с ним, депутатов *Гучкова* и *Шульгина*. Не зная какие условия будут ему поставлены думским комитетом, он потребовал обе телеграммы обратно, но *Рузский* отказался их вернуть, а лишь задержал отправление; следовательно, ближайшим последствием выезда делегации была задержка в объявлении отказа от престола.

Когда в свите узнали о намерении государя, „*Воейков*, по настоянию *Дубенского*, пошел убеждать царя, что он не имеет права отказываться от престола таким кустарным

[1] Факсимиле этой телеграммы помещено в приложении.

образом, только по желанию Временного правительства и командующих фронтами"; [1] но впечатление от коллективного выступления генералов было так велико, что эти увещания не имели успеха.

Между тем, государь пригласил к себе лейб-хирурга профессора *Федорова*, с которым произошел следующий разговор: [2]

Государь задал вопрос: „Насколько вероятно, что наследник выздоровеет совершенно?"

К этому он добавил: „Григорий Ефимович (*Распутин*) все время говорил, что Алексей Николаевич к 13 годам будет совершенно здоров. Я и государыня привыкли верить Григорию Ефимовичу, потому что все, что он предсказывал всегда сбывалось".

Федоров ответил: „Если верить в чудо, то можно надеяться и на полное выздоровление наследника, но современная медицина таких примеров не знает; люди, рожденные гемофиликами, остаются такими на всю жизнь, и излечить их от этой болезни пока не удавалось. Тем не менее, люди, страдающие гемофилией, могут жить десятки лет, что известно и из семьи ее величества, когда такие больные погибали уже в возрасте за 40 лет".

В дальнейшей беседе: „государь высказывался в том смысле, что он хочет с семьей и наследником уехать жить в Ливадию и что он не может оставить больного ребенка на чужих руках".

Под влиянием приведенного разговора с профессором *Федоровым* государь изменил свое первоначальное намерение и решил отречься не только за себя, но и за сына, передав престол брату, Михаилу Александровичу.

Вскоре из Могилева был передан, по прямому проводу, проект манифеста об отречении, составленный генералом *Лукомским*, совместно с директором дипломатической канцелярии ставки камергером *Базили*.

Вечером государю была доложена следующая телеграмма командующего Балтийским флотом: [3]

---

[1] Журнал „Былое" 1919 г. № 15. „Последние дни старого режима". *А. Блок*, стр. 47.

[2] Излагается по переданной мне собственноручной записке *Федорова*.

[3] „Воспоминания генерала *А. С. Лукомского*". Берлин 1922 г., т. I. стр. 203.

„С огромным трудом удерживаю в повиновении флот и вверенные войска. В Ревеле положение критическое, но не теряю еще надежды его удержать. Всеподданнейше присоединяюсь к ходатайствам великого князя Николая Николаевича и главнокомандующих фронтами о немедленном принятии решения, формулированного председателем Государственной Думы. Если решение не будет принято втечение ближайших часов, то это повлечет за собою катастрофу с неисчислимыми бедствиями для нашей родины. 20 час. 40 мин. 2 марта 1917 года. 260. Вице-адмирал *Непенин*“. [1]

Тем временем, в Петрограде, с самого утра 2 марта, продолжались переговоры между Временным Комитетом Государственной Думы и Советом Рабочих и Солдатских Депутатов относительно организации правительственной власти. Несмотря на противоречие классовых интересов, соглашение все-таки состоялось, так как, по условиям момента, оно было выгодно обеим сторонам, а именно: думский комитет давно уже приготовлялся к занятию министерских постов, но не мог справиться с рабочими и солдатскими массами; наоборот, рабоче-солдатский совет держал эти массы в руках, но пока еще не успел создать правительственного аппарата, и потому, по словам *Суханова*, предпочитал, на первое время, ограничиться лишь контролем.

Коренное разногласие относительно монархии, или республики, устранить не удалось и было принято следующее постановление: „немедленная подготовка к созыву, на началах всеобщего, равного, тайного и прямого голосования, Учредительного Собрания, которое установит форму правления и конституцию страны“.

В четвертом часу пополудни, когда соглашение не было еще окончательно оформлено, новый министр иностранных дел *Милюков*, не будучи в состоянии сдержать своего нетерпения, вышел в Екатерининский зал и произнес перед собравшейся там разнородной толпой длинную речь о вновь образующемся правительстве.

Мстиславский говорит: „Вот на кого нельзя было взглянуть без улыбки: так неприлично счастлив, так именинен

[1] Вечером 3 марта на судах в Гельсингфорсе разразился бунт, а на следующий день 4 марта сам *Непенин* был убит.

был он, так откровенно чувствовал себя вверху горы. И то сказать — нелегко дался старику этот долгожданный, желанный портфель".

Милюков начал свою речь резкой критикой старого режима:[1]

„Мы присутствуем при великой исторической минуте. Еще три дня тому назад мы были скромной оппозицией, а русское правительство казалось всесильным. Теперь это правительство рухнуло в грязь, с которой сроднилось, а мы и наши друзья слева выдвинуты революцией, армией и народом на почетное место членов нового русского общественного кабинета.

„Как могло случиться это событие, казавшееся еще так недавно невероятным. Как произошло то, что русская революция, низвергнувшая навсегда старый режим, оказалась чуть ли не самой короткой и самой бескровной из всех революций, которые знает история.

„Это произошло потому, что история не знает и другого правительства, столь глупого, столь бессовестного, столь трусливого и изменнического, как это, ныне низвергнутое, правительство, покрывшее себя позором и лишившее себя всяких корней, симпатий и уважения, которые связывают всякое сколько-нибудь сильное правительство с народом".

Далее *Милюков* сделал характеристику некоторых членов нового кабинета и приглашал все политические партии к единству действий.

„А кто вас выбрал?" — спросили оратора из толпы.

На этот ядовитый вопрос он мог лишь ответить: „Нас выбрала русская революция".

Относительно армии *Милюков* сказал:

„Будьте едины и вы, солдаты и офицеры великой, славной русской армии, и помните, что армия сильна своим внутренним единством. Потерявшая это единство и раздробленная, она обращается в беспорядочную толпу, и всякая горсть вооруженных, организованных людей может взять ее голыми руками".

По самому острому вопросу о форме правления *Милюков* попробовал изложить пожелания Временного Комитета Думы, выразившись так:

---

[1] Полковник *Г. Г. Перетц.* „В цитадели русской революции". Записки коменданта Таврического дворца.

„Старый деспот, доведший Россию до полной разрухи, добровольно откажется от престола или будет низложен. Власть перейдет к регенту великому князю Михаилу Александровичу. Наследником будет Алексей".

Тут в зале поднялся шум и раздались крики: „Но ведь это — старая династия. Долой монархию. Да здравствует республика".

Милюков продолжал:

„Да, господа, это старая династия, которую, может быть, не любите вы и, может быть, не люблю и я. Но дело сейчас не в том, кто что любит. Мы не можем оставить без ответа и без разрешения вопрос о форме государственного строя. Мы представляем его себе, как парламентарную и конституционную монархию. Быть может, другие представляют иначе. Но если мы будем спорить об этом сейчас, вместо того, чтобы сразу решить вопрос, то Россия очутится в состоянии гражданской войны и возродится только-что разрушенный режим. Этого сделать мы не имеем права. Но, как только пройдет опасность и установится прочный мир, мы приступим к подготовке созыва Учредительного Собрания, на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Свободно избранное народное представительство решит, кто вернее выразил общее мнение России, мы или наши противники".

Выступление *Милюкова* в пользу монархии большинством слушателей было встречено враждебно и к концу дня вызвало волнение в рабочей и солдатской среде.

„Поздно вечером, в здание Таврического дворца проникла большая толпа чрезвычайно возбужденных офицеров, которые заявляли, что не могут вернуться к своим частям, если *Милюков* не откажется от своих слов. Не желая связывать других членов правительства, *Милюков* дал требуемое заявление в той форме, что его слова о временном регентстве великого князя Михаила Александровича и о наследовании Алексея являются его личным мнением. Это было, конечно, неверно, ибо во всех предшествовавших обсуждениях вопрос этот считался решенным сообща в том именно смысле, как это излагал *П. Н. Милюков*. Но, напуганный нараставшей волной возбуждения, Временный Комитет молчаливо отрекся от прежнего мнения". [1]

[1] *П. Н. Милюков*. „История второй русской революции". София, 1921 г., т. I, выпуск 1, стр. 52.

Любопытно, что некоторые члены императорской фамилии не желали возвышения Михаила Александровича, главным образом, из пренебрежения к его морганатической супруге *Брасовой*, дочери присяжного поверенного Шереметевского.

По этому вопросу сохранились следующие два письма, коими обменялись великие князья Павел Александрович и Кирилл Владимирович: [1]

„2 марта 1917 г. Дорогой Кирилл. Ты знаешь, что я через Н. И. все время в контакте с Государственной Думой. Вчера вечером мне ужасно не понравилось новое течение, желающее назначить Мишу—регентом. Это недопустимо, и возможно, что это только интриги *Брасовой*. Может быть, это—только сплетни, но мы должны быть на чеку и всячески, всеми способами сохранить Ники престол. Если Ники подпишет манифест, нами утвержденный, о конституции, то ведь этим исчерпываются все требования народа и Временного правительства. Переговори с *Родзянко* и покажи ему это письмо. Крепко тебя и Ducky обнимаю, твой дядя *Павел*".

„2 марта 1917 г. Дорогой дядя Павел. Относительно вопроса, который тебя беспокоит, до меня дошли одни лишь слухи. Я совершенно с тобой согласен, но Миша, несмотря на мои настойчивые просьбы работать ясно и единомысленно с нашим семейством, прячется и только сообщается секретно с *Родзянкой*. Я был все эти тяжелые дни совершенно один, чтобы нести всю ответственность перед Ники и родиной, спасая положение, признавая новое правительство. Обнимаю. Кирилл".

В то время, как *Милюков* произносил свою речь в Таврическом дворце, делегаты Временного комитета Думы *Гучков* и *Шульгин* около 3 часов пополудни выехали в экстренном поезде из Петрограда в Псков для переговоров с государем. Они везли заготовленный в комитете проект манифеста об отречении Николая II от престола в пользу сына, при регентстве великого князя Михаила Александровича.

По свидетельству *Суханова*, бывшего членом Исполни-

[1] Из архивных документов, напечатанных проф. *В. Н. Сторожевым* в журнале „Научные известия академического центра Наркомпроса". Сборник 1. Москва, 1922 г.

тельного комитета Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, [1] эта поездка была организована помимо названного комитета, который узнал о ней только на следующий день, уже по возвращении делегатов в Петроград.

Суханов говорит: „Я категорически утверждаю, что Исполнительный Комитет ничего не подозревал, ни о миссии, ни о поездке *Гучкова* и *Шульгина*".

Перед выездом из Петрограда *Гучков* отправил *Иванову*, находившемуся в Вырице, следующую записку: „Еду в Псков, примите все меры повидать меня либо в Пскове, либо на обратном пути из Пскова в Петроград. Распоряжение дано о пропуске вас в этом направлении".

Тогда *Иванов* решил проехать с Георгиевским батальоном из Вырицы через станции Семрино и Владимирскую на Варшавскую дорогу к Гатчино. Однако, распоряжение о пропуске на этот раз оказалось недействительным; железнодорожники чинили *Иванову* всякие препятствия и, в конце концов, на ст. Сусанино поставили его поезд в тупик.

Иванов пытался заставить везти себя силой, но это вызвало следующие две телеграммы комиссара путей сообщения *Бубликова*: [2]

1) „Мне стало известно, что вы арестовываете и терроризуете служащих железных дорог, находящихся в моем ведении. По поручению Временного Комитета Государственной Думы, предупреждаю вас, что вы навлекаете на себя этим тяжелую ответственность. Советую вам не двигаться из Вырицы, ибо, по имеющимся у меня сведениям, народными войсками ваш полк будет обстрелян артиллерийским огнем".

2) „Ваше настойчивое желание ехать дальше ставит непреодолимое препятствие для выполнения желания его величества немедленно следовать в Царское Село".

При таких условиях *Иванов* возвратился на ст. Вырица, где получил запоздавшее известие о том, что еще ночью последовало высочайшее повеление вернуть обратно подчиненные ему войска, направленные из Пскова на ст. Александровская.

---

[1] Ник. *Суханов*—„Записки о революции". Москва, 1922 г., кн. 1, стр. 336. и книга 2, стр. 35.

[2] Журнал „Былое" 1919 г. № 15. „Последние дни старого режима". *А. Блок*, стр. 46.

Перемена со стороны Временного Комитета Государственной Думы в отношении *Иванова*, которого еще накануне доставили в Царское Село на экстренном поезде, объясняется тем, что 2 марта Комитет уже обратился к *Алексееву* с просьбой назначить главнокомандующим Петроградского военного округа генерала *Корнилова*, на коего возлагали большие надежды в смысле водворения порядка. С высочайшего соизволения, *Корнилов* был назначен на следующий день, а *Иванов* отозван в Могилев.

Тем временем, делегаты *Гучков* и *Шульгин*, ехавшие 2 марта в экстренном поезде из Петрограда в Псков, были задержаны на ст. Луга восставшими солдатами и рабочими. С величайшим трудом удалось убедить последних в том, что поездка в Псков не преследует никаких контр-революционных целей. Вследствие этой задержки поезд пришел в Псков с значительным опозданием, около 10 ч. вечера.

По прибытии на станцию, *Гучков* хотел прежде всего переговорить с *Рузским*, чтобы познакомиться с обстановкой, но полковник, встретивший делегатов, провел их прямо в царский вагон. Таким образом, делегаты не были предупреждены о том, что государь еще днем принял решение отречься от престола и что соответствующий манифест был уже заготовлен.

Фамилии тех пяти лиц, которые присутствовали на историческом совещании в вагоне государя, указаны в придворном журнале, а именно:[1] „От 9 час. 45 мин. вечера его величество принимали министра императорского двора, генерал-адъютанта *Рузского*, члена Государственного Совета *Гучкова*, члена Государственной Думы *Шульгина* и свиты генерал-майора *Нарышкина*".

Для более точного изложения самых переговоров, мы приводим дословно официальный протокол, составленный по записям *Нарышкина*:[2]

---

[1] Московский историко-революционный архив. Документы генерал-майора *Спиридовича*, т. VI.

[2] Из архивных документов, напечатанных проф. *В. Н. Сторожевым* в журнале: „Научные известия академического центра Наркомпроса" 1922 г. Сборник 1.

Указанный документ, найденный *Сторожевым* в Ново-Романовском архиве, не имеет подписи, но бывший начальник оперативного отделения

„2 марта, около 10 часов вечера, приехали из Петрограда в Псков: член Государственного Совета *Гучков* и член Государственной Думы *Шульгин*. Они были тотчас приглашены в вагон-салон императорского поезда, где к тому времени собрались: главнокомандующий армиями Северного фронта генерал-адъютант *Рузский*, министр императорского двора граф *Фредерикс* и начальник военно-походной канцелярии его императорского величества свиты генерал-майор *Нарышкин*. Его величество, войдя в вагон-салон, милостиво поздоровался с прибывшими и, попросив всех сесть, приготовился выслушать приехавших депутатов.

Член *Г. С. Гучков*. „Мы приехали с членом Государственной Думы *Шульгиным*, чтобы доложить о том, что произошло за эти дни в Петрограде и вместе с тем посоветоваться о тех мерах, которые могли бы спасти положение. Положение в высшей степени угрожающее: сначала рабочие, потом войска примкнули к движению, беспорядки перекинулись на пригороды, Москва неспокойна. Это не есть результат какого-нибудь заговора, или заранее обдуманного переворота, а это движение вырвалось из самой почвы и сразу получило анархический отпечаток, власти стушевались. Я отправился к замещавшему генерала *Хабалова* генералу *Занкевичу* и спрашивал его, есть ли у него какая-нибудь надежная часть, или хотя бы отдельные нижние чины, на которых можно было бы рассчитывать. Он мне ответил, что таких нет, и все прибывшие части тотчас переходят на сторону восставших. Так как было страшно, что мятеж примет анархический характер, мы образовали так называемый Временный Комитет Государственной Думы и начали принимать меры, пытаясь вернуть офицеров к командованию нижними чинами; я сам лично объехал многие части и убеждал нижних чинов сохранять спокойствие. Кроме нас заседает в Думе еще комитет рабочей партии, и мы находимся под его властью и его цензурою. Опасность в том,

---

ставки *Базаревский* (ныне преподаватель военной академии) утверждает, что это копия хорошо известного ему протокола, хранившегося в делах его отделения.

В неоднократно цитированной статье *Блока* сказано: „*Нарышкин* вынул записную книжку и стал записывать".

что если Петроград попадет в руки анархии, то нас, умеренных, сметут, так как это движение начинает нас уже захлестывать. Их лозунг: провозглашение социалистической республики. Это движение захватывает низы и даже солдат, которым обещают отдать землю. Вторая опасность, что движение перекинется на фронт, где лозунг: смести начальство и выбрать себе угодных. Там такой же горючий материал и пожар может перекинуться по всему фронту, так как нет ни одной воинской части, которая, попав в атмосферу движения, тотчас же не заражалась бы. Вчера к нам в Думу явились представители: сводного пехотного полка, железнодорожного полка, конвоя вашего величества, дворцовой полиции и заявили, что примыкают к движению. Им сказано, что они должны продолжать охрану тех лиц, которая им была поручена; но опасность все-таки существует, так как толпа теперь вооружена.

„В народе глубокое сознание, что положение создалось ошибками власти и именно верховной власти, а потому нужен какой-нибудь акт, который подействовал бы на сознание народное. Единственный путь—это передать бремя верховного правления в другие руки. Можно спасти Россию, спасти монархический принцип, спасти династию. Если вы, ваше величество, объявите, что передаете свою власть вашему маленькому сыну, если вы передадите регентство великому князю Михаилу Александровичу и если от вашего имени или от имени регента будет поручено образовать новое правительство, тогда, может быть, будет спасена Россия; я говорю, может быть, потому что события идут так быстро, что в настоящее время *Родзянко*, меня и других умеренных членов Думы крайние элементы считают предателями; они, конечно, против этой комбинации, так как видят в этом возможность спасти наш исконный принцип. Вот, ваше величество, только при этих условиях можно сделать попытку водворить порядок. Вот, что нам, мне и *Шульгину*, было поручено вам передать. Прежде, чем на это решиться, вам, конечно, следует хорошенько подумать, помолиться, но решиться все-таки не позже завтрашнего дня, потому что уже завтра мы не будем в состоянии дать совет, если вы его у нас спросите, так как можно опасаться агрессивных действий толпы“.

Его величество: „Раньше вашего приезда и после разговора по прямому проводу генерал-адъютанта *Рузского* с председателем Государственной Думы, я думал втечение утра, и во имя блага, спокойствия и спасения России, я был готов на отречение от престола в пользу своего сына, но теперь, еще раз обдумав положение, я пришел к заключению, что, ввиду его болезненности, мне следует отречься одновременно и за себя и за него, так как разлучиться с ним я не могу".

Член Г. С. *Гучков*. „Мы учли, что облик маленького Алексея Николаевича был бы смягчающим обстоятельством при передаче власти".

Ген.-адъют. *Рузский*. „Его величество беспокоится, что если престол будет передан наследнику, то его величество будет с ним разлучен".

Член Г. Д. *Шульгин*. „Я не могу дать на это категорического ответа, так как мы ехали сюда, чтобы предложить то, что мы передали".

Его величество. „Давая свое согласие на отречение, я должен быть уверенным, что вы подумали о том впечатлении, какое оно произведет на всю остальную Россию. Не отзовется ли это некоторою опасностью".

Член Г. С. *Гучков*. „Нет ваше величество, опасность не здесь. Мы опасаемся, что, если объявят республику, тогда возникнет междоусобие".

Член Г. Д. *Шульгин*. „Позвольте мне дать некоторое пояснение, в каком положении приходится работать Государственной Думе. 26-го вошла толпа в Думу, и вместе с вооруженными солдатами заняла всю правую сторону, левая сторона занята публикой, а мы сохранили всего две комнаты, где ютится так называемый комитет. Сюда тащат всех арестованных, и еще счастье для них, что их сюда тащат, так как это избавляет их от самосуда толпы; некоторых арестованных мы тотчас же освобождаем. Мы сохраняем символ управления страной, и только благодаря этому еще некоторый порядок мог сохраниться, не прерывалось движение железных дорог. Вот при каких условиях мы работаем; в Думе ад, это сумасшедший дом. Нам придется вступить в решительный бой с левыми элементами, а для этого нужна какая-нибудь почва. Относительно вашего

проекта разрешите нам подумать, хотя бы четверть часа. Этот проект имеет то преимущество, что не будет мысли о разлучении и, с другой стороны, если ваш брат, великий князь Михаил Александрович, как полноправный монарх, присягнет конституции одновременно с вступлением на престол, то это будет обстоятельством, содействующим успокоению".

Член Г. С. *Гучков.* „У всех рабочих и солдат, принимавших участие в беспорядках, уверенность, что водворение старой власти—это расправа с ними, а потому нужна полная перемена. Нужен на народное воображение такой удар хлыстом, который сразу переменил бы все. Я нахожу, что тот акт, на который вы решились, должен сопровождаться и назначением председателя Совета министров князя *Львова*". [1]

Его величество. „Я хотел бы иметь гарантию, что вследствие моего ухода и по поводу его не было бы пролито еще лишней крови".

Член Г. Д. *Шульгин.* „Может быть, со стороны тех элементов, которые будут вести борьбу против нового строя, и будут попытки, но их не следует опасаться. Я знаю, например, хорошо город Киев, который был всегда монархическим; теперь там полная перемена".

Его величество. „А вы не думаете, что в казачьих областях могут возникнуть беспорядки".

Член Г. С. *Гучков.* „Нет, ваше величество, казаки все на стороне нового строя. Ваше величество, у вас заговорило человеческое чувство отца, и политике тут не место, так что мы ничего против вашего предложения возразить не можем".

Член Г. Д. *Шульгин.* „Важно только, чтобы в акте вашего величества было указано, что преемник ваш обязан дать присягу конституции".

Его величество. „Хотите еще подумать".

Член Г. С. *Гучков.* „Нет, я думаю, что мы можем сразу принять ваши предложения. А когда бы вы могли совершить самый акт? Вот проект, который мог бы вам пригодиться, если бы вы пожелали что-нибудь из него взять".

---

[1] Этим высочайшим назначением *Гучков* хотел показать народу, что новый кабинет получил свою власть не от революции, а от монарха. Вряд ли можно было кого-нибудь обмануть такими наивными хитростями.

„Его величество, ответив, что проект уже составлен, удалился к себе, где собственноручно исправил заготовленный с утра манифест об отречении в том смысле, что престол передается великому князю Михаилу Александровичу, а не великому князю Алексею Николаевичу. Приказав его переписать, его величество подписал манифест и, войдя в вагон-салон, в 11 час. 40 мин. передал его *Гучкову*. Депутаты попросили вставить фразу о присяге конституции нового императора, что тут же было сделано его величеством. Одновременно были собственноручно написаны его величеством указы правительствующему сенату о назначении председателем Совета министров князя *Львова* и верховным главнокомандующим великого князя Николая Николаевича. Чтобы не казалось, что акт совершен под давлением приехавших депутатов и так как самое решение об отречении от престола было принято его величеством еще днем, то, по совету депутатов, на манифесте было поставлено при подписи 3 часа дня, а на указах правительствующему сенату—2 часа дня. При этом присутствовал, кроме поименованных лиц, начальник штаба армий Северного фронта генерал *Данилов*, который был вызван генерал-адъютантом *Рузским*.

„В заключение, член Думы *Шульгин* спросил у его величества об его дальнейших планах. Его величество ответил, что собирается поехать на несколько дней в ставку, может быть, в Киев, чтобы проститься с государыней императрицей Марией Федоровной, а затем останется в Царском Селе до выздоровления детей. Депутаты заявили, что они приложат все силы, чтобы облегчить его величеству выполнение его дальнейших намерений. Депутаты попросили подписать еще дубликат манифеста на случай возможного с ними несчастия, который остался бы в руках генерала *Рузского*. Его величество простился с депутатами и отпустил их, после чего простился с главнокомандующим армиями Северного фронта и его начальником штаба, облобызав их и поблагодарив за сотрудничество. Приблизительно через час дубликат манифеста был поднесен его величеству на подпись, после чего все четыре подписи его величества были контрасигнированы министром императорского двора графом *Фредериксом*“.

Как сказано выше, Временный Комитет поручил *Гучкову* и *Шульгину* получить от государя манифест об отречении в пользу сына, при регентстве великого князя Михаила Александровича. Взамен этого, государь передал делегатам манифест об отречении за себя и за сына в пользу Михаила Александровича.

Но, очевидно, император не имел права лишать престола своего несовершеннолетнего наследника.

По мнению думского юриста-государствоведа *Набокова* [1] „Передача престола Михаилу была актом незаконным; никакого юридического титула для Михаила она не создавала".

Тот же *Набоков* говорит, что, подписывая манифест во второй редакции, „Николай II сам (едва ли сознательно) сделал наибольшее для того, чтобы затруднить и запутать создавшееся положение", а *Гучков* и *Шульгин*, растерявшись, этого не заметили.

Нам кажется, что относительно делегатов гораздо правдоподобнее другое объяснение: отправляясь в Псков, *Гучков* и *Шульгин* ожидали встретить со стороны государя упорное сопротивление, когда же он сразу высказал согласие на отречение, то, во избежание дальнейших колебаний, они поспешили закрепить это согласие, полагая, что все остальное имеет, сравнительно, второстепенное значение и как-нибудь будет улажено.

Милюков видит в изменении первоначального манифеста не только проявление отцовского чувства, но и „известную политическую заднюю мысль" со стороны государя. [2]

По его словам: „Николай II не хотел рисковать сыном, предпочитая рисковать братом и Россией, в ожидании неизвестного будущего. Думая, как всегда, прежде всего о себе и о своих, даже и в эту критическую минуту, и отказываясь от решения, хотя и трудного, но до известной степени подготовленного, он вновь открывал весь вопрос о монархии в такую минуту, когда этот вопрос только и мог быть решен отрицательно. Такова была последняя услуга Николая II родине".

---

[1] Архив Русской Революции, издаваемый *Гессеном*. Т. I. *Набоков*—„Временное правительство", стр. 18.

[2] „История второй русской революции". София. 1921 г., т. I, вып. 1. стр. 50.

Еще до получения манифеста делегаты послали в Петроград на имя начальника Главного штаба следующую телеграмму: [1]

„Просим передать председателю Думы *Родзянко*: государь дал согласие на отречение от престола в пользу великого князя Михаила Александровича с обязательством для него принести присягу конституции. Поручение образовать новое правительство дается князю *Львову*. Одновременно верховным главнокомандующим назначается великий князь Николай Николаевич. Манифест последует немедленно в Пскове. Как положение в Петрограде. *Гучков. Шульгин*".

Получив экземпляр манифеста в окончательном виде с контрасигнированной подписью государя, делегаты около 3 часов пополуночи выехали на экстренном поезде обратно в Петроград.

Полный текст подписанных документов был следующий:

МАНИФЕСТ.

„В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу родину, господу богу угодно было ниспослать на Россию новое тяжкое испытание.

Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьбы России, честь геройской нашей армии, благо народа, все будущее дорогого отечества требуют доведения войны, во что бы то ни стало, до победного конца.

Жестокий враг напрягает последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия наша, совместно со славными нашими союзниками, сможет окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России, почли мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственной Думой, признали мы за благо отречься от престола Государства Российского и сложить с себя верховную власть. Не желая расстаться с любимым сыном нашим, мы передаем наследие наше брату нашему великому князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на престол Государства Российского. Заповедуем брату нашему править делами государственными в полном ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу.

Во имя горячо любимой родины, призываем всех верных сынов отечества к исполнению своего долга перед ним, повиновением царю в тяжелую минуту всенародного испытания и помочь ему, вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на путь

[1] Из архивных документов, напечатанных проф. *В. Н. Сторожевым* в журнале „Научные известия Академического центра Наркомпроса". Москва, 1922 г. Сборник 1.

победы, благоденствия и славы. Да поможет господь бог России. *Николай.* Министр императорского двора генерал-адъютант граф *Фредерикс*. Г. Псков. 2 марта 1917 г. 15 часов".

УКАЗ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ.

„Князю Георгию Евгеньевичу *Львову* повелеваем быть председателем совета министров. *Николай.* Министр императорского двора граф *Фредерикс*. Г. Псков. 2 марта 1917 г. 14 часов".

УКАЗ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ.

„Наместнику нашему на Кавказе его императорскому высочеству великому князю Николаю Николаевичу повелеваем быть верховным главнокомандующим. *Николай.* Министр императорского двора генерал-адъютант граф *Фредерикс*. Г. Псков. 2 марта 1917 г. 14 часов".

Текст манифеста и обоих указов был передан из Пскова по телеграфу: начальнику штаба верховного главнокомандующего, главнокомандующим всех фронтов и командующим Балтийского и Черноморского флотов.

Самые документы были, с курьером, посланы в ставку для немедленного распубликования.

Около 3 часов утра 3 марта, члены нового правительства узнали о состоявшемся отречении Николая II в пользу Михаила.

Это вызвало между ними большую тревогу. По словам *Милюкова*: „Такая перемена делала защиту конституционной монархии еще более трудной, ибо отпадал расчет на малолетство нового государя, составлявшее естественный переход к укреплению строго конституционного строя".

Родзянко и князь *Львов* отправились в военное министерство и, узнав по прямому проводу точный текст манифеста об отречении, решили задержать его распространение. С этой целью, в шестом часу утра, *Родзянко* вызвал к прямому проводу генерала *Рузского* и сказал ему следующее:[1]

„Здравствуйте ваше высокопревосходительство. Чрезвычайно важно, чтоб манифест об отречении и передаче власти великому князю Михаилу Александровичу не был опубликован до тех пор, пока я не сообщу вам об этом. Дело в том, что с великим трудом удалось удержать более или менее в приличных рамках революционное движение, но положение еще не пришло в себя и весьма возможна гра-

[1] „Воспоминания генерала *А. С. Лукомского*". Берлин, 1922 г., т. I, стр. 206.

жданская война. С регентством великого князя и воцарением наследника-цесаревича помирились бы может быть, но воцарение его, как императора, абсолютно неприемлемо. Прошу вас принять все зависящие от вас меры, чтобы достигнуть отсрочки".

Рузский, весьма удивленный таким оборотом дел, обещал, с своей стороны, сделать все возможное, но при этом добавил:

„Очень сожалею, что депутаты, присланные вчера, не были в достаточной степени осведомлены с той ролью и вообще с тем, для чего они приезжали".

На этот, вполне основательный, упрек *Родзянко* ответил:

„Депутатов винить нельзя. Вспыхнул неожиданно для всех нас такой солдатский бунт, которому подобных я еще не видел".

В действительности, бунта в Петрограде в течении 2 марта не было, а, как описано выше, происходили лишь волнения в солдатской среде под влиянием монархической речи *Милюкова*.

Затем, *Родзянко* вызвал к прямому проводу генерала *Алексеева*, коему повторил ту же просьбу, как и *Рузскому*.

В 6 ч. 45 мин. утра *Алексеев* телеграфировал главнокомандующим фронтами и во все округа, куда передан манифест: „Прошу сделать соответствующие распоряжения, ознакомив с манифестом только старших начальствующих лиц".[1]

В 7 часов утра *Алексеев* послал главнокомандующим вторую, подробную телеграмму, в которой, после передачи сообщения *Родзянко*, сказал:[2]

„Из совокупности разговоров председателя Думы с главнокомандующим северного фронта и мною позволительно притти к выводам:

„Первое—в Государственной Думе и в ее Временном Комитете нет единодушия; левые партии, усиленные Советом рабочих депутатов, приобрели сильное влияние.

„Второе—на председателя Думы и Временного Комитета *Родзянко* левые партии и рабочие депутаты оказывают мощ-

---

[1] Арх. Окт. Рев. № 89. Дело Временного Комитета Государств. Думы, № 4713, стр. 24.

[2] „Воспоминания генерала *А. С. Лукомского*". Берлин, 1922 г., т. I, стр. 212.

ное давление и в сообщениях *Родзянко* нет откровенности и искренности.

„Третье—цели господствующих над председателем партий ясно определились из вышеприведенных пожеланий *Родзянко*".

„Четвертое—войска Петроградского гарнизона окончательно распропагандированы рабочими депутатами и являются вредными и опасными для всех, не исключая умеренных элементов Временного Комитета.

„Очерченное положение создает грозную опасность более всего для действующей армии, ибо неизвестность, колебания, отмена уже объявленного манифеста, могут повлечь шатание умов в войсковых частях и тем расстроить способность борьбы с внешним врагом, а это ввергнет Россию безнадежно в пучину крайних бедствий, повлечет потерю значительной части территории и полное разложение порядка в тех губерниях, которые останутся за Россией, попавшей в руки крайних левых элементов.

„Получив от его императорского высочества великого князя Николая Николаевича повеление в серьезных случаях обращаться к нему срочными телеграммами, доношу ему все это, испрашиваю указаний, присовокупляя: первое—суть настоящего заключения сообщить председателю Думы *и потребовать осуществления манифеста во имя Родины и Действующей Армии;* второе—для установления единства во всех случаях и всякой обстановке созвать совещание главнокомандующих в Могилеве".

„Если на это совещание изволит прибыть верховный главнокомандующий, то срок будет указан его высочеством. Если же великий князь не сочтет возможным прибыть лично, то собраться 8 или 9 марта.

„Такое совещание тем более необходимо, что только что получил полуофициальный разговор по аппарату между чинами морского главного штаба, суть коего: обстановка в Петрограде 2 марта значительно спокойнее, постепенно все налаживается, слухи о резне солдатами офицеров—сплошной вздор, авторитет Временного правительства, повидимому, силен; следовательно, основные мотивы *Родзянко* могут оказаться неверными и направленными к тому, чтобы побудить представителей армии неминуемо присоединиться

к решению крайних элементов, как к факту совершившемуся и неизбежному".

„Коллективный голос высших чинов армии и их условия должны, по моему мнению, стать известными и оказать влияние на ход событий. Прошу высказать ваше мнение; быть может, вы сочтете нужным запросить и командующих армиями, равно сообщить, признаете ли соответственным съезд главнокомандующих. Могилев. 1918. *Алексеев*".

Итак, *Алексеев* предлагал верховному главнокомандующему и главнокомандующим фронтами: потребовать от революционной власти немедленного осуществления изданного манифеста, т.-е. возведения на престол великого князя Михаила Александровича. Принудив, посредством коллективного выступления высших военных начальников, императора Николая отказаться от престола, он теперь хотел, таким же коллективным выступлением, посадить на этот престол императора Михаила.

Однако, великий князь Николай Николаевич не решился на этот шаг, а главнокомандующие фронтами нашли съезд в Могилеве, до фактического вступления великого князя в верховное главнокомандование, несвоевременным.

Вообще, в это время *Алексеев* уже понял, что революция пойдет дальше, чем предполагалось.

По словам *Лукомского*, у него вырвалось признание: „Никогда себе не прощу, что поверил в искренность некоторых людей, послушался их и послал телеграмму главнокомандующим по вопросу об отречении государя от престола".

В этот же день, 3 марта, в газетах была напечатана следующая декларация:

„От Временного правительства".

„Граждане! Временный Комитет членов Государственной Думы, при содействии и сочувствии столичных войск и населения, достиг в настоящее время такой степени успеха над темными силами старого режима, который дозволяет ему приступить к более прочному устройству исполнительной власти.

Для этой цели Временный Комитет Государственной Думы назначает министрами первого общественного кабинета следующих лиц, доверие к которым страны обеспечено их прошлой общественной и политической деятельностью. Председатель Совета министров и министр внутренних дел князь *Г. Е. Львов.*[1] Министр иностранных дел

[1] Это назначение Временным Комитетом противоречило приведенному выше указу о назначении *Львова* государем.

П. Н. Милюков. Министр военный и морской *А. И. Гучков.* Министр путей сообщения *Н. В. Некрасов.* Министр торговли и промышленности *А. И. Коновалов.* Министр финансов *М. И. Терещенко.* Министр просвещения *А. А. Мануйлов.* Обер-прокурор святейшего синода *В. Львов.* Министр земледелия *А. И. Шингарев.* Министр юстиции *А. Ф. Керенский.*

В своей настоящей деятельности кабинет будет руководиться следующими основаниями:

1) Полная и немедленная амнистия по всем делам политическим и религиозным, в том числе: террористическим покушениям, военным восстаниям, аграрным преступлениям и т. д.

2) Свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек, с распространением политических свобод на военнослужащих в пределах, допускаемых военно-техническими условиями.

3) Отмена всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений.

4) Немедленная подготовка к созыву, на началах всеобщего, равного тайного и прямого голосования, Учредительного Собрания, которое установит форму правления и конституцию страны.

5) Замена полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления.

6) Выборы в органы местного самоуправления на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования.

7) Неразоружение и невывод из Петрограда воинских частей, принимавших участие в революционном движении.

8) При сохранении строгой военной дисциплины в строю и при несении военной службы—устранение для солдат всех ограничений в пользовании общественными правами, предоставленными всем остальным гражданам.

Временное Правительство считает своим долгом присовокупить, что оно отнюдь не намерено воспользоваться военными обстоятельствами для какого-либо промедления в осуществлении вышеизложенных реформ и мероприятий".

„Председатель Государственной Думы *М. Родзянко.* Председатель Совета Министров князь *Львов.* Министры: *Милюков, Некрасов, Мануйлов, Коновалов, Терещенко, В. Львов, Шингарев, Керенский*".

Рядом с этим документом была напечатана декларация Исполнительного Комитета Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, обещавшая поддержку новому правительству *„в той мере"*, в какой оно будет выполнять свои обязательства и решительно бороться со старой властью.

Рано утром 3 марта министры уведомили великого князя Михаила Александровича, находившегося в доме № 12 на Миллионной улице, в квартире князя *Путятина*, о всем происшедшем, добавив, что через несколько часов они прибудут к нему для обсуждения создавшегося положения. Великий князь был поражен случившимся и очень подчеркивал свою обиду на то, что брат „навязал" ему престол, даже не спросив его согласия.

Дабы условиться о том, что нужно сказать великому князю, члены правительства и Временного Комитета собра-

лись на предварительное совещание. Керенский прямо заявил, что рабочие Петрограда и вообще революционная демократия не допустят воцарения Михаила Александровича. Этот взгляд разделяли все присутствовавшие и потому, оставаясь принципиально монархистами, они считали нужным, при сложившейся обстановке, убедить великого князя пока отречься. *Некрасов* успел даже набросать проект отречения.

На стороне обратного мнения, что необходимо, во что бы то ни стало, сохранить конституционную монархию до Учредительного Собрания, остался один *Милюков*.

После горячих споров было решено, что обе стороны мотивируют перед великим князем свои противоположные мнения и предоставят выбор ему самому.

В это же утро, еще не зная о происшедшем отречении государя, великий князь Павел Александрович отправил *Родзянко* следующее письмо: [1]

„3 марта. Глубокоуважаемый Михаил Владимирович, как единственный, оставшийся в живых сын царя-освободителя, обращаюсь к вам с мольбой сделать все от вас зависящее, дабы сохранить конституционный престол государю. Знаю, что вы ему горячо преданы и что всякий ваш поступок проникнут глубоким патриотизмом и любовью к родине. Я бы не тревожил вас в такую минуту, если бы не прочитал в „Известиях“ речь министра иностранных дел *Милюкова* и его слова о регентстве великого князя Михаила Александровича. Эта мысль о полном устранении государя меня гнетет. При конституционном правлении и правильном снабжении армии—государь, несомненно, поведет войска к победе. Я бы сам приехал к вам, но мой городской мотор реквизирован, а силы не позволяют итти пешком. Да поможет нам господь и да спасет он нашего дорогого царя и нашу родину. Искренно уважающий и преданный великий князь Павел Александрович“.

Таким образом, Павел Александрович продолжал хлопотать о том, чтобы не пропустить в регенты Михаила, находившегося в руках Брасовой.

---

[1] Из архивных документов, напечатанных проф. *В. Н. Сторожевым* в журнале „Научные известия Академического центра Наркомпроса“. Москва. 1922 г. Сборник I.

Между тем, делегаты *Гучков* и *Шульгин* утром 3 марта прибыли в Петроград.

Гучков был тотчас же приглашен в железнодорожные мастерские на митинг рабочих, которые, выслушав манифест, отнеслись к нему крайне враждебно. Только благодаря находчивости одного инженера, *Гучкову* удалось выбраться с этого собрания, сохранив документ.

Шульгин был счастливее: он прочел манифест на вокзале, перед выстроенной войсковой частью и собравшейся толпой народа, при чем провозглашение Михаила императором было встречено криками „ура“.[1]

Около полудня у великого князя Михаила Александровича, на Миллионной, собрались: члены правительства—князь *Львов*, *Милюков*, *Керенский*, *Некрасов*, *Терещенко*, *Годнев*, *В. Львов* и приехавший несколько позже *Гучков*, а также члены Временного комитета—*Родзянко*, *Шульгин*, *Ефремов* и *Караулов*.

Необходимость отказа от престола пространно мотивировали *Родзянко* и *Керенский*.

После них *Милюков* развил свое мнение, что укрепление нового порядка возможно лишь при сильной власти, которая нуждается в привычном стимуле. Временное правительство одно, без монарха,— говорил он,—является „утлой ладьей“, которая может потонуть в океане народных волнений, раньше чем соберется Учредительное Собрание.

Вопреки предварительному условию, произошли дебаты, при чем *Милюков*, соглашаясь с тем, „что принятие власти грозит риском для личной безопасности великого князя и самих министров“, находил, „что на риск этот надо итти в интересах родины“.

Милюкова поддерживал только *Гучков*.

По окончании речей, великий князь, все время молчавший, попросил себе некоторое время на размышление. Удалившись в соседнюю комнату, он советовался с своим секретарем *Матвеевым*, а затем вызвал *Родзянко*.

Последний пишет:[2]

„Великий князь Михаил Александрович поставил мне ребром вопрос, могу ли я ему гарантировать жизнь, если он

---

[1] *В. В. Шульгин*. „Дни“. Изд. „Прибой“. 1925 г.

[2] Архив Русской Революции, изд. *Гессеном*, т. VI. „Государственная Дума и февральская 1917 г. революция“, стр. 62.

примет престол, и я должен был ему ответить отрицательно, ибо, повторяю, твердой вооруженной силы не имел за собой".

После этого великий князь вышел к ожидавшим его лицам и довольно твердо заявил, что отказывается от престола.

Керенский воскликнул: „Ваше высочество, вы—благородный человек. Отныне я буду это всюду говорить".

Милюков поясняет: „Пафос *Керенского* плохо гармонировал с прозой принятого решения. За ним не чувствовалось любви и боли за Россию, а только страх за себя".

Так как проект отречения, набросанный *Некрасовым*, был неудачен, то в третьем часу пополудни были вызваны специалисты государственного права *Набоков* и *Нольде*, которые к 6 часам вечера составили следующий манифест:

„Тяжкое бремя возложено на меня волею брата моего, передавшего мне императорский всероссийский престол в годину беспримерной войны и волнений народа.

Одушевленный единой со всем народом мыслью, что выше всего благо родины нашей, принял я твердое решение в том лишь случае восприять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому и надлежит всенародным голосованием через представителей своих в Учредительном Собрании установить образ правления и новые основные законы государства Российского.

Посему, призывая благословение божие, прошу всех граждан державы Российской подчиниться Временному правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всей полнотой власти, впредь до того, как созванное в возможно кратчайший срок, на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, Учредительное Собрание своим решением об образе правления выразит волю народа. *Михаил.* 3 марта 1917 г. Петроград".

Подписав манифест, около 6 часов вечера, великий князь передал его *Родзянко.*

„Перед тем, как разойтись, он и *Родзянко* обнялись и поцеловались, при чем *Родзянко* назвал его благороднейшим человеком".

На следующий день, 4 марта, оба манифеста (Николая и Михаила) были опубликованы.

Многие политические и военные деятели того времени пытались объяснить крушение монархического строя тем, что Николай отрекся от престола в пользу Михаила, а не Алексея.

Выше уже был приведен подобный взгляд *Милюкова*, который разделяли и другие члены Временного правительства.

Что касается мнения ставки, то оно выражено в следующих словах камергера *Базили*, составлявшего вместе с генералом *Лукомским* первоначальный манифест: [1]

„Немедленное воцарение цесаревича было единственным средством остановить течение революции, по крайней мере удержать ее в границах конституционной реформы. Во-первых, право было на стороне юного Алексея Николаевича. Кроме того, ему помогли бы симпатии, которыми он пользуется в народе и в армии. (?!!) Наконец, а это было самое главное, императорский престол ни на минуту не оставался бы незанятым. Если бы цесаревич был объявлен императором, никто не имел бы права заставить его потом отречься. То, что произошло с великим князем Михаилом, было бы невозможно с этим ребенком".

Как будто революции развиваются по нормам права! Как будто такие формальные причины могли иметь значение при тогдашнем антимонархическом настроении рабочих и солдатских масс!

Даже такой поклонник юридической аргументации, как *Набоков*, вынужден признать, что „общее настроение, которое преобладало в эти дни в Петрограде, было опьянение переворотом, был бессознательный большевизм, вскруживший наиболее трезвые умы".

Монархия в России рухнула не от замены Алексея Михаилом, а по той причине, что *Романовская* или, точнее, *Гольштейн-Готторпская* династия успела уже совершенно дискредитировать в глазах народа монархический строй. При таких условиях не усидел бы на императорском престоле и прямой наследник, цесаревич Алексей.

---

[1] *Палеолог.* „Царская Россия накануне революции". Гос. Изд. 1923 г., стр. 377.

VIII.

АРЕСТ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ.

Отзыв государя о верноподданных. Поездка в Могилев. Согласие на передачу престола сыну. Постановление Совета об аресте Николая и прочих Романовых. Приказ в. к. Николая Николаевича. Письмо Гурко государю. Обещание Временного правительства отпустить царскую семью заграницу. Разговор Марии Федоровны с Вилльямсом. Письмо иностранных военных представителей. Телеграмма английского короля. Постановление Временного правительства об аресте государя и императрицы. Прощание в Могилеве. Арест государя и доставка его в Царское Село. Арест императрицы. Просьба Милюкова дать Николаю убежище в Англии. Переполох в Совете и соглашение с Временным правительством. Командировка Мстиславского в Царское Село. Охрана арестованных. Приглашение английского правительства. Высылка Николая Николаевича в Крым. Признание Временного правительства союзниками.

Схема железных дорог (см. приложение).

В ночь со 2 на 3 марта, после отречения от престола, бывший император, обратившийся в гражданина Николая Романова, выехал из Пскова в Могилев.

В вагоне он занес в свой дневник: „В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством; кругом измена, трусость, обман".

Неизвестно, к кому относился этот упрек: ко всему ли русскому народу, давно уже стремившемуся к свободе и купившему ее неисчислимыми жертвами, или лишь к тем многочисленным генералам, которые, сделав свою карьеру под лозунгом преданности неограниченному самодержавию, теперь перешли в другой лагерь.

В пути были получены две телеграммы, в которых командир III конного корпуса, граф *Келлер*, и командир гвардейского кавалерийского корпуса, *Хан Нахичеванский*, предлагали государю себя и свои войска (?) для подавления „мятежа".

Продолжая свой дневник, Николай II записал: „Спал долго и крепко, проснулся далеко за Двинском. День стоял солнечный и морозный. Говорил со своими о вчерашнем дне. Читал много о Юлии Цезаре".

Со станции Сиротино (в 45 километрах западнее Витебска) государь послал брату следующую телеграмму: [1]

„Его императорскому величеству Михаилу. Петроград. События последних дней вынудили меня решиться бесповоротно на этот крайний шаг. Прости меня, если огорчил тебя и что не успел предупредить. Останусь навсегда верным и преданным братом. Возвращаюсь в ставку и оттуда через несколько дней надеюсь приехать в Царское Село. Горячо молю бога помочь тебе и твоей родине. Ники".

На станции Орша в императорский вагон вошел директор дипломатической канцелярии ставки *Базили*, которого *Алексеев* послал навстречу государю, чтобы „ввести его в курс создавшегося положения".

Камергер *Базили* говорит: [2] „Изложив последние петроградские события, я позволил себе сказать, что мы в ставке были в отчаянии от того, что он не передал своей короны цесаревичу. Он ответил мне просто: „я не мог расстаться со своим сыном"...

„Через несколько минут подали обед. Это был мрачный обед. Каждый чувствовал, как сердце его сжимается; не ели, не пили. Император, однако, очень хорошо владел собою, спрашивал несколько раз о людях, входящих в состав Временного правительства; но так как воротник у него был довольно низкий, я видел, как беспрерывно сжималось его горло".

В 8 час. 20 минут вечера 3 марта императорский поезд прибыл на ст. Могилев. На платформе, для встречи находились: великие князья Сергей Михайлович и Борис Владимирович, генерал *Алексеев* и другие начальствующие лица. Государь обошел встречавших, после чего принял *Алексеева* в вагоне. [3]

---

[1] Полковник *Г. Г. Перетц*. „В цитадели русской революции". Записки коменданта Таврического дворца.

[2] *Палеолог*. „Царская Россия накануне революции". Государ. Издательство. 1923 г., стр. 378.

[3] Московский Историко-Революционный Архив. Документы *Спиридовича*, т. VI. Придворный Журнал с 28 февраля по 4 марта.

Дальнейшие события в его дневнике излагаются так:

„В 9½ час. перебрался в дом, *Алексеев* пришел с последним известием от *Родзянко*. Оказывается, Миша отрекся. Его манифест кончается четырехвосткой для выборов через 6 месяцев Учредительного Собрания. Бог знает, кто надоумил его подписать такую гадость. В Петрограде беспорядки прекратились,—лишь бы так продолжалось дальше".

Деникин, со слов *Алексеева*, рассказывает, что государь собственноручно написал телеграмму, в которой снова выражал согласие на вступление на престол своего сына. [1]

Передавая ее *Алексееву*, он сказал: „Я передумал, прошу вас послать эту телеграмму в Петроград".

Алексеев унес телеграмму, но ее не отправил, а спрятал в свой бумажник и в конце мая, оставляя верховное командование, передал Деникину. Затем эта телеграмма хранилась в особом секретном пакете в генерал-квартирмейстерской части ставки.

В конце предыдущей главы было уже сказано, что при существовавшей обстановке вопрос о порядке престолонаследия не имел никакого практического значения, но все-таки характерно, что *Алексеев* позволил себе скрыть от Временного правительства такой документ, которому оно придавало особую важность.

Объяснение, что телеграмма уже запоздала, не выдерживает критики: государь передал ее *Алексееву* вечером 3 марта, а оба манифеста об отречении (Николая и Михаила) были опубликованы только на следующий день, утром 4 марта.

Тем временем, 3 марта, в Исполнительном Комитете Совета Рабочих и Солдатских Депутатов обсуждался вопрос „об аресте Николая и прочих членов династии *Романовых*", при чем, как говорится в протоколе, было решено: [2]

1) „Довести до сведения рабочих депутатов, что Исполнительный Комитет постановил арестовать династию *Романовых* и предложить Временному правительству произвести арест совместно с Советом рабочих депутатов. В случае же

---

[1] *А. И. Деникин.* „Очерки русской смуты", т. I, выпуск 1, стр. 54.
[2] Журнал „Пролетарская революция" № 1, (13) 1923 г., стр. 310.

отказа запросить, как отнесется Временное правительство, если Исполнительный Комитет сам произведет арест. Ответ Временного правительства обсудить вторично в заседании Исполнительного Комитета.

2) „По отношению к Михаилу произвести фактический арест, но формально объявить его лишь подвергнутым фактическому надзору революционной армии.

3) „По отношению к Николаю Николаевичу, ввиду опасности арестовать его на Кавказе, предварительно вызвать его в Петроград и установить в пути строгое над ним наблюдение.

4) „Арест женщин из дома Романовых производить постепенно, в зависимости от роли каждой в деятельности старой власти. Вопрос о том, как произвести аресты и организацию арестов, поручить разработать военной комиссии Совета рабочих депутатов. *Чхеидзе* и *Скобелеву* поручено довести до сведения правительства о состоявшемся постановлении Исполнительного Комитета Совета рабочих депутатов".

Четвертого марта *Алексеев* объявил по армии и флоту оба манифеста об отречении (Николая и Михаила), а также переданный по телеграфу приказ великого князя Николая Николаевича, от 3 марта за № 1, следующего содержания:

„Волею монаршей, по неисповедимым путям господним, я назначен верховным главнокомандующим. Осенив себя крестным знамением, горячо молю бога явить мне свою всесильную помощь. Твердо верю, что, на благо родины, он, всемогущий и всемилостивейший, услышит молитву мою. Глубоко проникнут сознанием, что только при всесильной помощи божьей получу силы и разум вести вас к окончательной победе. Что касается вас, чудо-богатыри, сверхдоблестные витязи земли русской, то знаю, как много вы готовы отдать на благо России и престола. Вам только нужна помощь божья. Веруйте же едино со мной, что бог нам поможет. Знайте, что Россия, в сознании, что для достижения окончательной победы нужна дружная самоотверженная работа всех ее сынов в тылу, своим достоинством и спокойствием явит всему миру величие русского духа и непоколебимую силу нашей великой родины. Генерал-адъютант Николай".

Кроме этого приказа, похожего скорее на апостольское послание, войскам была прочитана телеграмма великого князя, в которой говорилось: [1]

„Вместе с тем повелеваю всем войсковым начальникам, от старших до младших, внушить и разъяснить чинам армии и флота, что после объявления обоих актов они должны спокойно ожидать изъявления воли русского народа и святой долг их—оставаться в повиновении законным начальникам, оберечь родину от грозного врага и своими подвигами поддержать наших союзников в беспримерной борьбе. 4 марта 1917 г. № 4.313 Генерал-адъютант Николай".

В первом часу пополудни 4 марта приехала в Могилев из Киева вдовствующая императрица Мария Федоровна. В тот же день, по совету *Алексеева*, государь удалил от себя Воейкова, а на другой день и Фредерикса.

Около этого же времени он просил у Временного правительства: 1) „свободного проезда из Могилева в Царское Село; 2) возможности проживать в Александровском дворце до выздоровления его детей, которые больны корью; 3) свободного проезда в Порт-Романов на Мурманском берегу".

Кроме того, через *Алексеева*, государь обратился к Временному правительству с ходатайством: по окончании войны предоставить ему Ливадию для постоянного жительства. [2]

Последняя просьба показывает, что государь не отдавал себе отчета в истинном настроении народных масс как по отношению к нему, так и вообще к царской фамилии.

Пятого марта возвратился в Могилев генерал *Иванов* с Георгиевским батальоном. Поблагодарив солдат за службу и заповедав им верно служить новому правительству, он продолжал путь в Киев. Вечером Георгиевский батальон устроил на улицах Могилева манифестацию с красными флагами. [3]

---

[1] Архив Октябрьск. Революции. № 89. Дело Врем. Комитета Гос. Думы, № 4.713, стр. 49.

[2] Со слов начальника оперативного отделения ставки *Базаревского* (ныне преподавателя военной академии).

[3] В Киеве *Иванов* был арестован по постановлению местного Совета рабочих депутатов и 18 марта доставлен в Петроград, в Таврический дворец. Но уже через несколько дней, по ходатайству *Керенского*, взявшего его на поруки, он был освобожден. *Керенский*, относясь к *Иванову* с уважением, не считал возможным держать его в заточении вместе с *Штюрмером, Протопоповым, Сухомлиновым* и подобными людьми. Впоследствии Иванов участвовал в организации контр-революции на Дону, где умер от сыпного тифа в 1919 году.

Пятого марта государь получил письмо от командующего Особой армией генерала от кавалерии *Гурко*, который во время болезни *Алексеева*, в продолжение нескольких месяцев, исполнял обязанности начальника штаба верховного главнокомандующего.

Целью этого письма, по словам самого *Гурко*, было: обратить внимание государя на то, что Временное правительство „заключает в тюрьму его прежних верных слуг, которые если в чем и согрешили, то во всяком случае действовали в пределах существовавших тогда законов".

Гурко намекает, что государь должен вступиться за них и высказывает, что такой шаг „будет иметь неисчислимые последствия как для династии, так и для судьбы России".

Вместе с тем *Гурко* изливает перед Николаем II свои верноподданнические чувства.

Он называет его „неизменным вернейшим слугой и благодетелем России". (?!)

Он пишет: „Я не нахожу слов для выражения моего удивления перед величием жертвы, принесенной вами за себя и за наследника".

Гурко выражает уверенность, что настанет время, когда наследник будет призван „принять свое законное наследство для блага и счастья России".

Мало того, *Гурко* предусматривает возможность и даже считает, „весьма вероятным", что, проделав неудачный опыт, народ снова „обратится к своему законному государю, помазаннику божию, и потребует от него нового, может быть еще большего, государственного и личного подвига" [1].

Это письмо несомненно свидетельствует о постоянстве убеждений его автора, но, с другой стороны, оно поражает непониманием политической обстановки и прямо-таки курьезной оценкой фактов.

Ведь, даже с монархической точки зрения, нельзя было считать Николая II благодетелем России, как нельзя было называть верными слугами тех сановников и дельцов старого режима, которые были заключены в Петропавловскую крепость!!!

---

[1] „Erinnerungen von General Wassili Gurko", перевод с русского *Temmay*, Anlage 2.

В действительности, Николай II является благодетелем России лишь в том смысле, что своим бездарным правлением он ускорил крушение отжившего монархического строя и способствовал изгнанию из России выродившейся династии Гольштейн-Готторпов.

В ответ на это письмо государь телеграфировал генералу *Гурко* в Луцк: „Глубоко тронут, благодарю“. [1]

Шестого марта в ставке была получена следующая шифрованная телеграмма из Петрограда: [2]

„Его императорскому величеству. Временное правительство разрешает все три вопроса утвердительно; примет все меры, имеющиеся в его распоряжении: обеспечить беспрепятственный проезд в Царское Село, пребывание в Царском Селе и проезд до *Романова* на Мурмане. № 938. Министр-председатель князь *Львов*“.

Итак Временное правительство дало письменное обещание отпустить царскую семью заграницу.

Каждому было ясно огромное значение этого акта для безопасности нового, еще не укрепившегося государственного строя.

Свергнутый император и его прямой наследник, даже при полной пассивности с их стороны, представляли то кристаллизационное ядро, вокруг коего собирались бы все контр-революционные силы; это было освященное церковью и трехсотлетними преданиями монархическое знамя, как бы символ старой России.

Временное правительство не могло этого не понимать.

Почему же оно приняло столь рискованное решение?

Объяснение, что это было сделано исключительно из гуманных побуждений, не выдерживает критики. Руководствоваться сентиментальностью в вопросе такой огромной государственной важности могли какие-нибудь „блаженные“ вроде Керенского, но отнюдь не представители торгово-промышленной буржуазии.

Нам кажется, что разгадка заключается в следующем: Временному правительству, несмотря на все его усилия и на разные комбинации, не удалось сохранить в России монар-

[1] Любопытно, что перед Мировой войной этого самого Гурко в правительственных кругах считали красным!

[2] Из архивных документов, напечатанных проф. *В. Н. Сторожевым* в журнале „Научные известия Академического центра Наркомпроса“. Сборник I. Москва, 1922 г.

хический строй; ввиду этого, оно решило выпустить государя и его наследника заграницу в надежде, что через некоторое время, когда страна успокоится, можно будет произвести реставрацию монархии.

Затем, обращает на себя внимание и адрес приведенной телеграммы: „Его императорскому величеству".

Утром 6 марта императрица Мария Федоровна пригласила к себе в вагон старшего из иностранных военных представителей в ставке английского генерала *Вилльямса*, с которым имела продолжительный разговор. [1]

Между прочим, она сказала, что „государь отрекся от престола по настоянию генерала *Рузского*" и что „остальные генералы были согласны с ним".

С глубокой признательностью отзывалась она о генерале *Иванове*, который, „находясь в очень тяжелом положении, выказал много лойяльности и сочувствия".

Как видно из сказанного выше, императрица не совсем правильно оценивала роль *Рузского*: инициатором выступления высших военных начальников по вопросу об отречении государя был *Алексеев*, хотя впоследствии он и пытался переложить „ответственность" за этот шаг на *Рузского*.

По окончании разговора с императрицей, *Вилльямс* собрал всех иностранных военных представителей, при чем было составлено следующее письмо: [2]

„6/19 марта 1917 г. Дорогой генерал *Алексеев*. Мы, начальники союзных военных миссий, предлагаем, при условии, что, по вашему мнению, правительство на это согласится и что будет принято решение об отъезде его величества в Царское Село, сопровождать его до Царского Села. Мы полагаем, что это является нашим долгом, ввиду тех отношений, которые существовали между нами и государем-императором, когда его величество был верховным главнокомандующим, и что долг этот будет признан правительством. При указанных условиях мы просим вас содействовать этой поездке. Примите, дорогой генерал, наш искренний привет. *Хенбри-Вилльямс*, *Жанен*, *Коанда*, *Ромеи*, *Барон де Рикель*".

---

[1] Военно-Ученый архив, д. № 891, стр. 282.
[2] Военно-Ученый архив, д. № 891, стр. 275 и 277.

Алексеев отклонил это предложение иностранных офицеров на том основании, что принятие его может вызвать задержку отъезда государя, так как придется снова сноситься с Временным правительством.

Английский король отправил 6 марта через генерала *Вилльямса*, следующую телеграмму Николаю II: [1]

„События прошлой недели глубоко потрясли меня. Мои мысли все время с тобой. Я всегда останусь твоим верным и преданным другом, каким, ты знаешь, я всегда был в прошлом".

Однако, Милюков, несмотря на представления *Бьюкенена*, не согласился на передачу этой телеграммы государю, из опасения, чтобы слова короля не были ложно истолкованы.

Седьмого марта Временное правительство постановило:

„1) Признать отреченных императора Николая II и его супругу лишенными свободы и доставить отрекшегося императора в Царское Село".

„2) Поручить генерал-адъютанту *Алексееву*, для охраны отрекшегося императора, предоставить наряд в распоряжение командированных в г. Могилев членов Государственной Думы—*Бубликова*, *Вершинина*, *Грибунина* и *Калинина*".

„3) Обязать членов Государственной Думы, командируемых для сопровождения отрекшегося императора из Могилева в Царское Село, представить письменный доклад о выполненном ими поручении".

„4) Опубликовать настоящее постановление".

Поименованные четыре комиссара выехали из Петрограда, с Царскосельского вокзала, в 11 час. вечера в экстренном поезде, о чем генерал *Алексеев* был извещен по телеграфу.

Распоряжение об аресте было отдано под давлением Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, но пока еще Временное правительство не отказалось от данного обещания отпустить бывшего царя с его семьей заграницу.

Это видно из того, что в этот же день *Керенский*, в заседании Московского совета, отвечая на яростные крики—„смерть царю, казните царя", сказал: „Этого никогда

[1] „Вестник народного комиссариата иностранных дел". 1920 г. № 4—5. Статья „Дипломатия и Революция" проф. *В. Н. Сторожева*.

не будет, пока мы у власти. Временное правительство взяло на себя ответственность за личную безопасность царя и его семьи. Это обязательство мы выполним до конца. Царь с семьей будет отправлен заграницу в Англию. Я сам довезу его до Мурманска". [1]

Седьмого марта была утверждена новая форма присяги, в которой говорилось: „Обязуюсь повиноваться Временному правительству, ныне возглавляющему Российское государство, впредь до установления образа правления волею народа, при посредстве Учредительного Собрания".

Приведение войск к этой присяге не вызвало со стороны начальствующих лиц, никаких затруднений; даже *Гурко*, в командуемой им Особой армии, предложил исполнить „священную волю помазанника божья".

Все великие князья, начиная с Николая Николаевича, спешили присягнуть Временному правительству.

„Только один неисправимый монархист, граф *Келлер*, отказался приводить к присяге свой III конный корпус и, после судебной волокиты, вышел в отставку". [2]

Восьмого марта, в $10^1/_4$ часов утра, государь подписал следующий прощальный приказ по армиям:

„В последний раз обращаюсь к вам, горячо любимые мною войска. После отречения моего за себя и за сына от престола Российского, власть передана Временному правительству, по почину Государственной Думы возникшему. Да поможет ему бог вести Россию по пути славы и благоденствия.

„Да поможет бог вам, доблестные войска, отстоять нашу родину от злого врага. В продолжение двух с половиной лет вы несли ежечасно тяжелую боевую службу, много пролито крови, много сделано усилий, и уже близок час, когда Россия, связанная со своими доблестными союзниками одним общим стремлением к победе, сломит последнее усилие противника. Эта небывалая война должна быть доведена до полной по-

---

[1] Сборник *Керенского*. „Издалека". То же самое сказано в газете „Русское Слово", от 8 марта.

[2] Летом 1918 г., в Харькове, возвращавшийся из Москвы посланец *Алексеева*, генерал *Казанович*, убеждал *Келлера* поступить в формируемую на Дону добровольческую армию; но *Келлер* ответил, что программа *Алексеева* слишком неопределенна и что он пойдет лишь за своим „законным царем", коего отречение было вынужденное, или за его преемником по порядку престолонаследия. Вскоре после этого граф *Келлер* был убит в Киеве петлюровцами.

беды. Кто думает теперь о мире, кто желает его — тот изменник отечеству, его предатель. Знаю, что каждый честный воин так мыслит. Исполняйте же ваш долг, защищайте доблестную нашу родину, повинуйтесь Временному правительству, слушайтесь ваших начальников. Помните, что всякое ослабление порядка службы только на руки врагу.

„Твердо верю, что не угасла в ваших сердцах беспредельная любовь к нашей великой родине. Да благословит вас господь-бог и да ведет вас к победе святой великомученик-победоносец Георгий. Николай".

Этот прощальный приказ был отправлен в штабы фронтов, но там, по распоряжению Временного правительства, он был задержан и дальнейшего распространения не получил.

В $10^1/_2$ часов утра бывший государь прибыл в большую залу помещения дежурного генерала, где были собраны все чины штаба Верховного главнокомандующего и представители конвоя.

Сказав о создавшемся положении, Николай II призывал всех продолжать войну до победного конца, хотя сам давно уже утратил веру в успех и, будучи у власти, не прочь был заключить сепаратный мир, в интересах сохранения самодержавного строя. Затем, поцеловав и поблагодарив генерала *Алексеева*, царь стал обходить присутствовавших, разговаривая с некоторыми из них; но на этот раз и его нервы не выдержали, он прервал обход на середине и, сделав общий поклон, со слезами на глазах, вышел из зала.

О дальнейшем в дневнике государя записано:

„Дома прощался с офицерами и казаками конвоя и сводного полка, сердце у меня чуть не разорвалось. В 12 часов приехал к мама в вагон, позавтракал с ней и со свитой и остался сидеть с ней до $4^1/_2$ часов".

Между тем, ровно в 3 часа пополудни, к Могилевскому вокзалу подошел экстренный поезд с комиссарами *Бубликовым*, *Грибуниным*, *Вершининым* и *Калининым*.[1] На платформе собралось много публики. После кратких приветственных речей, комиссары при кликах „ура" отправились на автомобиле в штаб главнокомандующего, где предъявили генералу *Алексееву* постановление Временного правительства

[1] Архив Октябрьской Революции № 7. Дело Государственной Думы № 4705, стр. 22. Доклад комиссаров.

о лишении отрекшегося императора свободы и о доставке его в Царское Село.

Алексеев ответил, что императорский поезд уже приготовлен и ожидает распоряжения комиссаров. После разговора, продолжавшегося около 20 минут, комиссары отправились обратно на вокзал, взяв с собою список лиц, сопровождавших государя. В этом списке было поименовано 47 человек свиты и прислуги, но комиссары объявили флаг-капитану генерал-адъютанту *Нилову*, что ему не разрешается ехать в Царское Село, вследствие чего он был вынужден оставить поезд.

Вслед за комиссарами на вокзал прибыл генерал *Алексеев*, который вошел в вагон вдовствующей императрицы и объявил государю, что, по постановлению Временного правительства, он считается арестованным.

В распоряжение комиссаров был дан караул из 10 солдат 1-го железнодорожного полка, под командой унтер-офицера.

Когда все было готово, Николай II простился с матерью и великими князьями, после чего перешел в императорский поезд. Императрица Мария Федоровна наблюдала за происходившим из окна своего вагона. Императорский поезд состоял, как обыкновенно, из 10 вагонов. В свитском вагоне заняли места св. е. в. генерал-майор князь *Долгорукий*, св. е. в. генерал-майор *Нарышкин*, флигель-адъютант полковник герцог *Лейхтенбергский*, флигель-адъютант полковник *Мордвинов* и лейб-хирург профессор *Федоров*.

В 4 час. 50 мин. пополудни поезд вышел из Могилева.

В письменном докладе комиссаров сказано: „при отъезде не было ни приветствий, ни враждебных возгласов".

Государь в своем дневнике, предназначенном для истории, записал: „В 4 часа 45 минут уехал из Могилева, трогательная толпа людей провожала, четыре члена думы сопутствуют в моем поезде. Поехал на Оршу и Витебск. Погода морозная и ветреная. Тяжело, больно и тоскливо".

Любопытно, что в пути поездной состав, кухонная прислуга и дворцовая полиция устроили между собою подписку в пользу жертв революции, передав комиссарам 380 руб. 50 коп. [1]

[1] Архив Октябрьской Революции № 47. Дело Гос. Думы № 4705, стр. 22. Доклад комиссаров.

В тот же день 8 марта, когда бывший император Николай II был арестован в Могилеве в поезде, та же участь постигла бывшую императрицу Александру Федоровну в Царском Селе, в Александровском дворце.

Вторая миссия была возложена Временным правительством на вновь назначенного главнокомандующего Петроградским округом генерала *Корнилова*.

В 9 часов утра, в сопровождении нескольких офицеров своего штаба, он выехал из Петрограда и, прибыв в Царское Село, с вокзала телефонировал гофмаршалу графу *Бенкендорфу*, прося сообщить, когда императрица может его принять.

Бенкендорф хотел знать цель приезда, но *Корнилов* ответил, что об этом он по телефону говорить не станет.

Прием был назначен в $10^1/_2$ часов утра. К этому времени *Корнилов* был введен в покои императрицы, при чем его сопровождали офицеры его штаба, начальник Царскосельского гарнизона, дежурный по караулам, комендант дворца и некоторые другие лица. Тут же находились гофмаршал граф *Бенкендорф* и состоявший при императрице граф *Апраксин*.

Через несколько минут вышла сама императрица и, пригласив всех сесть, спросила *Корнилова*: „Чему я обязана вашим посещением".

Корнилов, поднявшись с места, ответил: „Я приехал объявить вам постановление Временного правительства".

Александра Федоровна тотчас же встала и сказала: „Я вас слушаю".

Когда *Корнилов* начал читать постановление об аресте, то самолюбивая императрица не выдержала и хотела его остановить, но *Корнилов* дочитал постановление до конца, добавив от себя, что с этого момента супруга отрекшегося императора будет находиться под строгим надзором.

Затем, была введена во дворец заранее приготовленная войсковая часть, и главнокомандующий лично расставил караулы и посты во внутренних покоях. Относительно наружной охраны дворца были также даны подробные указания.

Исполнив поручение Временного правительства, *Корнилов* вернулся в Петроград, где тотчас же сделал доклад министру-председателю князю *Львову*.

По свидетельству *Бьюкенена*, 8/21 марта он имел свидание с *Милюковым*, который сказал: „что для него было бы крайне желательно, чтобы император выехал из России немедленно, поэтому он был бы благодарен, если бы правительство его величества предложило ему убежище в Англии". [1]

Бьюкенен немедленно телеграфировал в министерство иностранных дел, испрашивая необходимыя полномочия.

На следующий день 9 марта, в 11 час. 30 мин. утра, императорский поезд подошел к Царскосельскому вокзалу. На перроне находились начальник гарнизона и другие начальствующие лица. С вокзала государь был доставлен в свое прежнее помещение в Александровском дворце. Он записал в дневник: „Скоро и благополучно прибыл в Царское Село, но, боже, какая разница: на улице, кругом дворца и внутри парка часовые, а внутри подъезда какие-то прапорщики".

Утром 9 марта, на заседании Исполнительного Комитета Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, произошел переполох, который в протоколе излагается так:

„Ввиду полученных сведений, что Временное правительство решило предоставить Николаю *Романову* выехать в Англию и что в настоящее время он находится на пути к Петрограду, Исполнительный Комитет решил принять немедленно чрезвычайные меры к его задержанию и аресту. Издано распоряжение о занятии нашими войсками всех вокзалов, а также командированы комиссары с чрезвычайными полномочиями на станции Царское Село, Тосну и Званка. Кроме того, решено разослать радиотелеграммы во все города с предписанием арестовать Николая *Романова* и вообще принять ряд чрезвычайных мер. Вместе с тем решено объявить немедленно Временному правительству о непреклонной воле Исполнительного Комитета—не допустить отъезда в Англию Николая *Романова* и арестовать его. Местом водворения Николая *Романова* решено назначить Трубецкой бастион Петропавловской крепости, сменив для этой цели командный состав последней. Арест Николая *Романова* решено произвести во что бы то ни стало, хотя бы

[1] *Бьюкенен* — „Мемуары дипломата". Государственное издательство, стр 218.

это грозило разрывом сношений с Временным правительством".

Для выяснения вопроса была немедленно послана к Временному правительству особая делегация, с *Чхеидзе* во главе.

Далее, в том же протоколе от 9 марта сказано:

„Товарищ *Чхеидзе* докладывает, что Николай уже прибыл в Царское Село. Под давлением Исполнительного Комитета Временное правительство отказалось от мысли разрешить Николаю *Романову* выехать в Англию без особого на то согласия Исполнительного Комитета. Временно он оставлен в Царском Селе. Временное правительство и министр юстиции *Керенский* гарантируют, что он никуда не уйдет. Временное правительство согласно, чтобы Исполнительный Комитет назначил в Царское Село своего комиссара для надзора, дабы Николай II никуда не уехал. В дальнейшем, вопрос о Николае *Романове* будет разрешен по соглашению с Исполнительным Комитетом.

„Заслушав этот доклад, Исполнительный Комитет постановил снять охрану с вокзалов, кроме Царскосельского вокзала, послать комиссаров в Царское Село и на ст. Тосно, окончательно же вопрос о Николае обсудить и решить завтра". [1]

Таким образом, Временное Правительство оказалось не в силах выполнить обещание о выезде заграницу, данное отрекшемуся императору и судьба последнего зависела всецело от Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

В Царское Село был послан уже известный нам социалист-революционер *Мстиславский*, коему были предоставлены неограниченные полномочия, что видно из выданного мандата: „По получении сего немедленно отправиться в Царское Село и принять всю гражданскую и военную власть для выполнения возложенного на вас особо важного поручения". [2]

Около полудня *Мстиславский* выехал на поезде с отрядом семеновцев (в числе 300 штыков) и пулеметной ротой.

По прибытии в Царское Село он оставил свои войска на вокзале, а сам, в сопровождении штабс-капитана *Тара-*

[1] Как видно из протокола 10 и 11 марта, в эти дни вопрос не обсуждался.

[2] *С. Мстиславский*—„Пять дней". Москва 1922 г., стр. 46.

сова-Родионова, проехал в Александровский дворец. Караулы, в этот день, занимал запасный батальон л.-гв. 2 стрелкового полка. Познакомившись с принятыми мерами охраны, *Мстиславский* нашел их вполне надежными.

Затем, желая убедиться в присутствии бывшего государя во дворце, он потребовал *„предъявить ему арестованного"*. Вызвали гофмаршала генерал-адъютанта графа *Бенкендорфа*, который пришел в ужас от такого требования, видя в нем не только оскорбление величества, но и неслыханное глумление над добровольно отрекшимся императором. Все офицеры (хотя большинство было запасных) поддерживали *Бенкендорфа*.

Этот факт показал, что в офицерской среде все еще сохранялся некоторый престиж монархии, а потому, желая его подорвать, *Мстиславский* решил во что бы то ни стало настоять на исполнении своего требования.

По его словам, ход его мыслей был таков: „Пусть он станет передо мной, простым эмиссаром революционных рабочих и солдат, он—император, всея Великия и Малыя и Белыя Руси самодержец, как арестант при проверке в его былых тюрьмах. Этого ему не забудут никогда, ни живому ни мертвому".

После продолжительных прений, при чем *Мстиславский* угрожал вызовом своих войск с вокзала, *Бенкендорф* и караульные офицеры уступили.

Мстиславский был проведен во внутренние покои дворца и стал посреди коридора (под стеклянной крышей), обращенного в картинную галерею; справа от него—граф *Бенкендорф*; слева—князь *Долгорукий*; позади—комендант дворца, батальонный командир, дежурный по караулам, рунд и начальник внутреннего караула.

Мстиславский был в старом тулупе, с пристегнутыми погонами военного чиновника, с папахой на голове, при шашке и с браунингом, коего рукоять торчала из бокового кармана.

Вскоре в коридор вышел бывший государь; он приблизился к группе, очевидно, желая заговорить; но *Мстиславский* стоял, не отдавая чести, не снимая папахи и даже не здороваясь. Государь остановился на мгновение, в упор посмотрел ему в глаза, а затем, круто повернувшись, ушел обратно.

В воспоминаниях графа *Апраксина*, появившихся заграницей, сказано, что во время описанной сцены два офицера, стоявшие позади *Мстиславского*, держали револьверы наготове, на случай если бы последний покусился на жизнь бывшего государя. [1]

Возвратившись в Петроград, *Мстиславский*, на вечернем заседании Исполнительного Комитета, сделал доклад о выполнении возложенного на него поручения, что в протоколе излагается следующим образом:

„Охрана дворца находится в руках революционных войск. Издан приказ, чтобы никого не впускать и не выпускать из дворца. Все телефоны и телеграфы выключены. Николай *Романов* находится под бдительным надзором. Солдат там около трехсот из состава 2 стрелкового полка. Офицер Михайловского манежа отказался было выдать броневые автомобили, считая недостаточной подпись Исполнительного Комитета, не скрепленную подписью *Караулова*.

„На правах арестованного во дворце находятся: *Нарышкин*, *Бенкендорф* и *Долгорукий*. Все письма и телеграммы доставляются в караульное помещение. Представитель был во внутренних покоях, видел лично Николая *Романова*. Полк просил передать, что он будет бессменно караулить, чтобы не выпустить его. Офицеры, охраняющие дворец, считают вполне приемлемым, чтобы Комитет прикомандировал своих представителей для наблюдения за охраной его. Выдать Николая *Романова* они отказались, считая своею обязанностью исполнять приказ генерала *Корнилова*, приказавшего не выдавать его. Будучи уверенными в надежности караула, представители считают возможным оставить Николая в прежнем состоянии. Стрелки настаивают на выводе из Царского Села Сводного полка, весьма ненадежного".

Выслушав этот доклад, Исполнительный Комитет постановил командировать *С. Д. Мстиславского* (*Масловского*), в качестве постоянного комиссара в Царское Село, но он от такой должности отказался.

Государь и его семья жили в Александровском дворце в своей привычной обстановке, хотя и под строгим надзором.

---

[1] Со слов *С. Д. Мстиславского (Масловского)*.

Порядок, установленный *Корниловым*, виден из следующего документа:

„ИНСТРУКЦИЯ НАЧАЛЬНИКУ ГАРНИЗОНА Г. ЦАРСКОЕ СЕЛО, ПО ОХРАНЕ АЛЕКСАНДРОВСКОГО ДВОРЦА".

„1) Караулы по охране Александровского дворца занимать по очереди от всех запасных полков и батальонов вверенного вам гарнизона. Кроме караульного наряда, назначать ежедневно во дворец дежурного офицера, которому строго руководствоваться изложенными в инструкции указаниями.

2) От бывшего собственного конвоя назначать только конные дозоры для охраны г. Царское Село и ближайших окрестностей, для чего установить районы.

3) Посты от дворцовой полиции, несшей до 8 сего марта охрану дворцов и прочих служб бывшего министра двора, немедленно снять.

4) Допускать выход отрекшегося императора и бывшей императрицы на большой балкон дворца и в части парка, непосредственно прилегающие к дворцу, в часы, по их желанию, в промежуток между 8 час. утра и 6 час. вечера. В означенные часы дежурному офицеру находиться при отрекшемся императоре и бывшей императрице и распоряжением караульного начальника усиливать внешнюю охрану дворца. Подъезды: средний и №№ 2 и 3 закрыть для проезда во дворец и выхода из него. Подъезды же № 1 и 4 оставить открытыми, установив здесь пропускные посты.

5) Все лица бывшей свиты, означенные в прилагаемом списке и пожелавшие по своей воле временно оставаться в Александровском дворце, не имеют права выхода из дворца, подчиняясь в отношении выхода в парк и сношения правилам, установленным настоящей инструкцией.

6) Без разрешения моего никакого свидания с лицами, содержащимися в Александровском дворце, не допускать.

7) Письменные сношения со всеми лицами, находящимися вне дворца, допускать только через штабс-ротмистра *Коцебу*, которому надлежит подвергать строгому просмотру все письма, записки и телеграммы, пропуская из них самостоятельно лишь необходимые сношения хозяйственного характера и сообщения о здоровье, медицинской помощи и т. п. Все остальные подлежат представлению через вас в штаб округа.

8) Телефоны, находящиеся во внутренних покоях дворца, снять, телефонное сообщение допустить только по телефону в комнате дежурного офицера в присутствии последнего, или штабс-ротмистра *Коцебу*.

9) В случае необходимости вызова врачей-специалистов из Царского Села и Петрограда для оказания медицинской помощи, таковых следует допускать во дворец при постоянном сопровождении дежурного офицера.

10) Все продукты, доставляемые во дворец, должны быть передаваемы оставшейся во дворце прислуге в присутствии дежурного офицера или штабс-ротмистра *Коцебу*, в обязанность которых вменяется не допускать никаких разговоров относительно внутренних лиц дворца.

11) Живущие в отдельном от дворца здании инженеры *Шведе* и *Легович* и квартирмейстер *Донини* допускаются в Александровский дворец только в случае необходимости осмотра помещений, но лишь в сопровождении дежурного офицера, при чем сношения с гр. *Бенкен-*

дорфом допускать исключительно в присутствии штабс-ротмистра *Коцебу* или дежурного офицера.

12) О всех происшествиях коменданту дворца доносить мне по команде и, кроме того, немедленно докладывать по телефону.

Главнокомандующий войсками Петроградского военного округа ген.-лейт. *Корнилов*."

При смене караулов члены царской семьи собирались в зале, где новый караульный начальник принимал их по списку.[1]

Между тем, *Бьюкенен*, получив из Лондона ответ на посланный телеграфный запрос, отправил *Милюкову* 10 марта письмо с формальным предложением перевезти Николая II и его семью в Англию:

„Господин министр, ссылаясь на беседу, которую я имел честь вести с вашим превосходительством в прошлый понедельник, честь имею сообщить, что король и правительство его величества счастливы предложить убежище бывшим государю и государыне и надеются, что их бывшие величества воспользуются им до окончания войны. В случае, если бы они это сделали, русское правительство, разумеется, должно сделать соответствующее распоряжение на время их пребывания в Англии. В надежде, что вышеприведенное будет одобрено вашим превосходительством, прошу вас принять уверение в моем величайшем уважении".[2]

Милюков благодарил *Бьюкенена* за исполнение своей просьбы, обещал уплачивать императорской семье „щедрое содержание", но вместе с тем „просил не разглашать о том, что Временное правительство проявило инициативу в этом деле"[3].

В действительности, при создавшемся положении, о чем сказано выше, Временное правительство уже не могло самостоятельно решить вопрос о выезде государя.

Одиннадцатого марта в Могилев приехал верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич,

---

[1] Следовательно, фактически к ним применялся § 199 Устава Гарнизонной службы, в коем было сказано: „При смене караулов арестованные принимаются перекличкою по списку, подписанному начальником старого караула".

[2] Вестник Народного комиссариата Иностранных дел 1920 г. № 4—5, стр. 91 ст. „Дипломатия и революция" проф. *В. Н. Сторожева*.

[3] *Бьюкенен* — „Мемуары дипломата". Государственное издательство, стр. 218.

от которого не только монархисты, но и вся перепуганная буржуазия, ожидали водворения порядка. Но ему не пришлось „повелевать" войсками ни на внешнем, ни на внутреннем фронте, так как по требованию Совета Рабочих и Солдатских Депутатов Временное правительство оказалось вынужденным удалить его от командования.

Два дня спустя великий князь, в сопровождении членов Думы *Гутопа* и *Чистова*, был отправлен в Крым и водворен в своем имении *Чаир*, близ Ливадии, куда перевезены также его брат Петр Николаевич и обе черногорки.[1]

Из мемуаров *Бьюкенена* видно, что еще до окончания переворота он получил от *Бальфура* разрешение: признать то правительство, которое в России образуется de facto. Предполагалось, что таковым могло быть лишь правительство из лидеров прогрессивного блока, с которыми английский посол, как мы видели, давно уже поддерживал самую тесную связь. Официальное признание этого правительства Антантой должно было содействовать „наилучшим способом к укреплению его авторитета".

Пятого марта, на другой день после опубликования обоих манифестов об отречении, *Милюков* явился в английское посольство для окончательного решения вопроса.

Бьюкенен заявил, что прежде чем сделать шаг, на который уже имеются полномочия, он „должен получить уверенность, что новое правительство готово продолжать войну до конца и восстановить дисциплину в армии".

Милюков дал „соответствующее заверение, но сказал, что правительство вынуждено действовать осторожно, ввиду крайних левых".

Шестого марта *Милюков* опять был в английском посольстве, при чем, обсуждая создавшееся положение, высказался весьма оптимистически. Это видно из телеграммы (№ 355), которую в тот же день *Бьюкенен* отправил *Бальфуру* и содержание которой нам стало известно, благодаря ее дешифрированию в русском министерстве иностранных дел.[2]

В конце этой телеграммы говорилось: „*Милюков*, только что посетивший меня, приходит к следующему взгляду на

---

[1] Арх. Окт. революции № 47. Дело Гос. Думы, д. № 4705, стр. 36.

[2] „Вестник Народного комиссариата Иностранных дел" 1920 г. № 4—5. Статья „Дипломатия и революция" проф. *В. Н. Сторожева*.

положение. Революция—сказал он—стоила в Москве всего несколько жизней и теперь там полный порядок. Он думает, что все кончится выбором нового государя и назвал кандидатом великого князя Михаила. Его высочество приобрел значительную популярность после опубликования своего манифеста".

По этому поводу профессор *Сторожев* правильно замечает: „*П. Н. Милюков* все представлял себе крайне просто".

Болезнь *Бьюкенена* на несколько дней задержала официальное признание союзниками Временного правительства, так что раньше, а именно 9 марта, это было сделано Северо-Американскими Соединенными Штатами.

Наконец, 11 марта, на восьмой день после переворота, послы Англии, Франции и Италии явились в Мариинский дворец, где заседало Временное правительство.

Бьюкенен произнес приветственную речь, которую закончил следующими словами:

„В этот торжественный час, когда перед Россией открывается новая эра прогресса и славы, более чем когда-либо необходимо не упускать из виду Германию, ибо победа Германии будет иметь последствием разрушение того прекрасного памятника свободе, который только что воздвиг русский народ.

„Великобритания, протягивая руку Временному правительству, убеждена, что оно останется верным по отношению ко всем обязательствам, принятым на себя предшественниками и сделает все возможное для продолжения войны до победного конца, оставаясь на страже порядка и национального единства, стремясь восстановить нормальный ход работ на заводах, обучение войск и поддержание дисциплины в армии. Да, господа министры, если сегодня я имею честь приветствовать вас от имени дружественной и союзной нации, то это я делаю потому, что мое правительство желает верить, что под вашим высоким руководством, обновленная Россия, не остановится ни перед какой жертвой и, в согласии с своими союзниками, не положит оружия до тех пор, пока не будут восстановлены и солидно обеспечены высшие принципы права, справедливости, свободы и национальности".

Французский и итальянский послы присоединились к этому заявлению, выразив уверенность, что обновленная Россия

напряжет все силы и будет, вместе с своими союзниками, продолжать войну до полной победы.

Таким образом, Англия, Франция и Италия признали Временное правительство лишь на условии, что оно будет воевать до конца, остальное их пока не интересовало.

Милюков ответил, что новое русское правительство твердо решило—неуклонно соблюдать все, вытекающие из договора, обязательства и что самая революция произведена народом, главным образом, в интересах войны.

„Государственная дума и вся страна убедились,—сказал он,—что при старом порядке, лишившем нас всякой возможности организовать страну для решительного национального усилия, победа нами достигнута быть не может. Это убеждение сделалось даже первоисточником, совершенного народом переворота. Мы рады встретить с вашей стороны правильную оценку нашей новой силы, удвоенной переворотом. Мы уверены, что удвоенная сила удвоит и нашу общую веру в близкую и решительную победу нашего общего дела".

Признание Временного правительства союзными державами санкционировало, в международных отношениях, происшедший в России политический переворот и установило факт, что Гольштейн-Готторпы перестали царствовать.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Первая русская революция 1905—1907 г.г., хотя и была подавлена правительством, но, по словам Ленина: „глубоко взрыла почву, выкорчевала вековые предрассудки, пробудила к политической жизни и к политической борьбе миллионы рабочих и десятки миллионов крестьян, показала друг другу и всему миру все классы и все главные партии русского общества в их действительной природе, в действительном соотношении их интересов, их сил, их способов действия, их ближайших и дальнейших целей".

Разразившаяся через семь лет после этого, Мировая война, с ее кровавыми жертвами и экономическими потрясениями, завершила процесс подготовки России к великому социальному перевороту.

Армия, на которую в своей борьбе с народом до сих пор опиралась царская власть, за время этой войны постепенно переродилась: из ее состава выбыли почти все кадровые офицеры и солдаты, воспитанные в правительственном духе, и она превратилась в многомиллионную массу крестьян и рабочих, не прошедших прежней войсковой школы и лишь переодетых в солдатские мундиры. Было ясно, что такая армия не может быть орудием угнетения, а, наоборот, должна сделаться орудием освобождения.

В итоге всех экономических, политических и военных условий, к началу 1917 года, в России стояли друг против друга, во всем непримиримом противоречии их интересов, два враждебных класса—буржуазия и пролетариат. Решительное столкновение между ними было неизбежно, при чем *существовавшее соотношение сил обеспечивало пролетариату конечную победу, вопрос заключался лишь в том, какой ценой она будет куплена.*

С своей стороны, царское правительство сделало все возможное для того, чтобы облегчить революции ее задачу. Будучи хорошо осведомлено департаментом полиции о „надвигавшихся беспорядках“, оно, несмотря на это, проявляло удивительную беспечность и непонимание обстановки.

При господствовавшей в России централизации Петроград, как средоточие государственного управления и резиденция императорской фамилии, имел исключительное значение. Он являлся как бы цитаделью монархии и, рассуждая за правительство, его следовало обеспечить возможно солиднее.

Последнее всего лучше достигалось оставлением в городе, и притом в кадровом составе, 10 гвардейских пехотных и 2 гвардейских кавалерийских полков, которые были в нем расположены перед войной. В этих полках, по штатам мирного времени, было бы всего около 20.000 человек, но, как известно из любого учебника тактики, при подавлении народного восстания имеет значение не столько численность, сколько надежность войск.

Оставление гвардии в столице не могло никого удивить, потому что после Наполеоновской эпохи она редко принимала участие в военных действиях; да наконец, Петроград находился на театре военных действий, и оставленные в нем гвардейские полки могли быть включены в состав армии, назначенной для обороны балтийского побережья. Гвардейских офицеров, охваченных вполне понятным для профессионалов боевым воодушевлением, можно было поочередно, на известный срок, командировать на фронт; впрочем, это пришлось бы делать лишь в первое время, так как впоследствии, когда война приняла неблагоприятный оборот и свелась к томительному сидению в окопах, военный пыл стал быстро охладевать.

Английский посол Бьюкенен, в своих мемуарах, говорит: „Военные власти, не будь они совершенно лишены дара предвидения, должны были бы оставить в столице небольшой отряд хорошо дисциплинированного и надежного войска для поддержания порядка“.

Вместо этого, в Петрограде, как будто нарочно, была собрана полутораста-тысячная масса необученных и недовольных запасных, что было равносильно раскладыванию костров вокруг порохового погреба.

Затем, обращает на себя внимание, крайне неудачный для правительства, выбор высших начальствующих лиц. Трудно было найти людей менее подходящих для командования войсками на внутреннем фронте в эти решительные для старого режима дни, чем военный бюрократ, трусливый, низкопоклонный *Беляев* и добродушный, растерянный *Хабалов*.

Иногда указывают на то, что, при существовавшей системе служебного возвышения, на верхах армии вообще не имелось способных генералов, но это верно лишь относительно отсутствия полководцев и государственных людей, а усмирителей в России всегда было достаточно.

Такая же неосмотрительность была проявлена и при подборе командного состава для Петроградских запасных батальонов. Из кадровых офицеров сюда, преимущественно, назначались или эвакуированные с фронта раненые и больные, или же оказавшиеся неудовлетворительными в боевой обстановке.

Что касается петроградской полиции, на которую, главным образом, рассчитывал министр внутренних дел *Протопопов*, то в ней к началу революции было всего около $3^1/_2$ тысяч человек. Казалось бы, ничто не мешало заблаговременно усилить надежными людьми это явно недостаточное число, а также, вместо старых японских винтовок, вооружить всю полицию новейшими автоматическими ружьями.

Вообще, ни военные ни гражданские власти не приняли серьезных мер в ожидании „надвигавшихся беспорядков". Собственно говоря, вся подготовка свелась к тому, что, согласно „Устава гарнизонной службы", было составлено обычное, шаблонное расписание на случай вызова войск, с разделением города на участки войсковой охраны. Во время происшедшего вооруженного восстания, несмотря на то, что стрельбы на улицах (по военному масштабу) почти не было, у пехоты вскоре обнаружился недостаток патронов; у казаков почему-то с самого начала не оказалось нагаек; в последний же день для горсти оставшихся верными войск не имелось ни продовольствия для людей ни фуража для лошадей, ни снарядов для нестрелявших еще орудий.

Наконец, в интересах правительства, следовало стремиться к подавлению восстания крутыми мерами в самом

зародыше, пока оно еще не успело разрастись и войска еще не были окончательно распропагандированы. Такой способ действий был указан и в „Уставе гарнизонной службы“ (Приложение 2-е), т.-е. в законе, обязательном для всех начальников царской армии.

Если, по политическим соображениям, беспощадное подавление восстания оружием признавалось нежелательным, тогда следовало безотлагательно вывести все войска из города и, расположив их в окрестных пунктах, прервать питающие Петроград железнодорожные линии. При подобных условиях в столице скоро настали бы голод и анархия, что весьма затруднило бы положение революционной власти.

Так поступил в 1871 году, в дни Парижской коммуны, глава французского правительства Тьер. После того, как в первый же день, 18 марта, часть войск отказалась стрелять в толпу, а 88 пехотный полк даже перешел на сторону народа, арестовав своих офицеров, Тьер, все время находившийся в зданий генерального штаба, вечером, несмотря на возражения других министров, приказал генералу Винуа вывести весь гарнизон из Парижа и расположить его в окрестностях Версаля. По поводу этого решения один из историков коммуны говорит:[1] „Не следовало терять ни одной минуты, пора было дать войскам вдохнуть чистого воздуха, иначе предстояла опасность, что они растают, как снег под лучами солнца, растворятся в той возбужденной и горючей атмосфере, какую представлял из себя Париж, и мятежнически присоединятся к 88 полку“.

Во всяком случае, оставлять в Петрограде фактически бездействующие войска в тесном соприкосновении с восставшим народом, это значило играть в руку противнику, который к тому именно и стремился, чтобы вызвать войска из казарм на улицу и там их разложить.

Таким образом, в борьбе с революцией царское правительство проявило столь же мало решительности и умения, как и в войне с внешним врагом.

В действиях революционеров следует прежде всего отметить, что смелый план перехода от обычных стачек

---

[1] *Луи Дюбрейль* — „Коммуна 1871 года“. Перевод Тютчева. 1920 г., стр. 33.

к массовым уличным демонстрациям с революционными лозунгами принадлежал бюро Центрального Комитета партии большевиков. Таким способом, по словам члена бюро Шляпникова: „надеялись вовлечь в революционное движение всю недовольную войной и своим положением солдатскую массу".

Затем, в особую заслугу бюро Центрального Комитета должно быть поставлено то, что оно сумело удержать некоторых увлекавшихся партийных деятелей, неоднократно настаивавших на безотлагательном формировании боевых дружин. Члены бюро возражали: что боевые дружины все равно не в состоянии будут сражаться с воинскими частями, а между тем употребление в дело оружия будет ожесточать солдат, отталкивая их от народа; что на солдат нужно действовать не оружием, а лаской и убеждением.

Приведенный план, верно учитывавший соотношение материальных сил и психологию войск, увенчался быстрым успехом. Двадцать четвертого февраля, пехотные части, по приказанию *Хабалова*, были выведены из казарм на указанные им расписанием места, а через три дня солдаты стали уже массами переходить на сторону народа.

В дальнейшем обнаружилось слабое место в подготовке восстания. Как уже было сказано в третьей главе, к началу его еще не удалось создать в войсках Петроградского гарнизона прочные партийные организации, что объясняется: во-первых, постоянно изменявшимся составом запасных частей и, во-вторых, недостаточностью агитационных сил. Вследствие этого, восставшие войска, которые сразу лишились своих офицеров, почти поголовно уклонившихся от участия в вооруженном восстании, остались без командного состава. Солдаты разбрелись по городу и перемешались с толпами народа; в первое время в составе революционных войск, по свидетельству самих участников, не имелось ни одной, сохранившей воинский порядок, части.

Другим слабым местом в подготовке восстания является неорганизованность высшего командования, а именно то, что не были заблаговременно приготовлены общий начальник войск и хотя бы небольшой кадр его штаба. Вследствие такого упущения, действия восставших распались на множество отдельных самостоятельных предприятий без всякой связи и общего руководства. Достаточно сказать, что

никто не распорядился захватить центральную телефонную станцию на Морской улице и прервать телеграфные линии, связывавшие Петроград с армией.

Эти два обстоятельства, отсутствие командного состава в войсковых частях и отсутствие общего руководства военными действиями в городе, могли бы, при других условиях, оказать неблагоприятное влияние на развитие революции, но при обстановке, существовавшей в эти дни в Петрограде, они сошли благополучно.

Указанное выше уклонение офицеров от участия в вооруженном восстании произошло по той причине, что в действиях солдатской массы, с первых же шагов, обнаружились зачатки социальной революции, которой большинство офицерства, в то время, несочувствовало и которой не желало помогать. Но, когда у власти стал Временный Комитет Государственной Думы, стремившийся лишь к политической революции в буржуазно-помещичьем духе, то, по его призыву, офицеры тотчас же вернулись в свои части с полной готовностью поддерживать новый строй.

Что касается старшего командного состава и особенно высших начальствующих лиц, то тут, казалось бы, царское правительство приняло все меры для упрочения своего положения.

В первой главе уже говорилось о том, что, со времени освободительного движения 1905 года, подбор начальников производился, главным образом, по политическому признаку, а именно: первым условием при всяком назначении ставилась преданность самодержавию. За этим особенно наблюдала высшая аттестационная комиссия, председателем коей долгое время был великий князь Николай Николаевич и от которой зависело назначение на должности начальника дивизии и выше.

Само собой разумеется, что настоящих, убежденных черносотенцев в XX веке оставалось уже немного, но зато было достаточно людей, прикидывавшихся черносотенцами ради карьеры. Эти господа прекрасно понимали всю необходимость конституционного строя и некоторых социальных реформ, они даже не скрывали этого в интимном кругу, но, в своей служебной и общественной деятельности, всячески поддерживали убийственный для России самодержавный режим, так как это обеспечивало их личное благополучие.

Такое же направление существовало и в генеральном штабе, где, при господствовавшем карьеризме, усердно топили способных и честных людей посредством обвинения их в либерализме, в сочувствии кадетам, в дружбе с каким-нибудь общественным деятелем и т. п.

Если бы руководящие военные круги держались более прогрессивного образа мыслей и если бы они имели гражданское мужество высказывать подобные взгляды в печати и в обществе, то это оказало бы существенное влияние на весь ход внутренней политики, так как царское правительство весьма считалось с мнением армии; но, за исключением единичных людей, не боявшихся портить свою карьеру, остальные или молчали, или даже, пользуясь всяким удобным случаем, забрасывали государя своими „верноподданническими телеграммами", лейтмотивом которых являлось отрицание Думы и безграничное признание самодержавия. В конце концов, эта „литература" настолько расплодилась, что надоела даже Николаю II, вследствие чего последовало распоряжение ограничить посылку таких телеграмм только определенными случаями.

В своих личных отношениях к государю и влиятельным великим князьям, некоторые начальники, впоследствии занявшие высшие места в армии, вели себя настолько низкопоклонно, проявляли такое холопство, что это вызывало гадливость в каждом человеке, сохранившем хоть какое-нибудь чувство собственного достоинства.

Во всяком случае, несомненно, что перед Мировой войной генералам, открыто придерживавшимся прогрессивного образа мыслей, почти невозможно было пройти даже в начальники дивизий; следовательно, в это время, высшие места в армии занимали лишь черносотенцы, отчасти убежденные, но, главным образом, притворявшиеся.

Подобрав начальников по указанному политическому признаку, царское правительство рассчитывало, что оно обеспечило себя на случай революции, так как армия находится в надежных руках. Но эта наивная надежда на людскую верность не оправдалась.

Как только, во время Мировой войны, стало выясняться, что старому режиму не устоять против оппозиции, некоторые высшие начальники вступили в сношения с прогрес-

сивным блоком и Временным Комитетом Государственной Думы. Превратившись в сторонников конституции, они вырвали у своего *„обожаемого самодержца“* согласие на ответственное министерство. Затем, когда по ходу событий и это оказалось недостаточным, те же начальники, выступив скопом, принудили *„помазанника божия“* отречься от престола. Однако, в результате таких превращений, оказалось, что эти господа, плохо разбиравшиеся в политической обстановке, ошиблись в расчете: вместе с отречением Николая II рухнул и монархический строй, что для них было явно невыгодно. *Алексеев* хотел исправить ошибку, предложив главнокомандующим фронтами силою посадить на престол Михаила, но они на такой шаг не решились, а потому им пришлось приспособляться и дальше.

Февральский переворот создал в России двоевластие: Временное правительство — диктатуру буржуазии и Совет рабочих и солдатских депутатов — зародыш диктатуры пролетариата. Между ними, с первого же дня, *началась борьба за армию*, при чем Временное правительство опиралось на начальников и офицерство, а Совет рабочих и солдатских депутатов — на солдат. Известный приказ № 1 был как бы клином, вбитым в тело армии, после чего она раскололась на две части и стала быстро разлагаться.

Описание этого процесса уже выходит из рамок моей работы, а потому я ограничусь лишь указанием на то, что дальнейшее разложение русской армии не может быть объяснено, как это делают некоторые военные писатели, ошибками отдельных деятелей — Гучкова, Керенского и др.; оно произошло от более глубоких причин, будучи органически связано с продолжением классовой борьбы и являясь естественным последствием развития Февральской революции, а также результатом всей политики царского и временного правительств.

Партии большевиков, для осуществления ее широких планов, нужно было предварительно разложить вооруженные силы правительства и она достигла этого, выдвинув такие лозунги, которые привлекли на ее сторону сочувствие солдатских масс.

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. В.К.П. (б)

Схематический план Петрограда

с обозначением районов войсковой охраны

(февраль 1917 г.)

ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ ПОСОБИЯ ДЛЯ ВОЙСК

(Издания Военной Типографии Упр. Дел. НКВМ и РВС СССР):

Контрольная стрелковая книжка. (Составлена IV Отделом Штаба ЛВО с учетом отзывов войск. Ц. 7 к.

Контрольная стрелковая книжка станкового пулеметчика. (Составлена IV Отделом Штаба ЛВО). Ц. 12 к.

Сокращенная контрольная стрелковая книжка для допризывников. (Составлена IV Отделом Штаба ЛВО). Ц. $2^1/_2$ к.

Обучение кадровых стрелковых частей РККА. Часть II. Боевая подготовка частей в летнее время. Составлена Инспекцией Пехоты РККА. Стр. 97. Ц. 30 к.

Обучение стрелковых частей РККА. Часть IV. Занятия с начальствующим составом. Составлено Инспекцией Пехоты РККА. Стр. 124. Ц. 45 к.

Обучение граждан, окончивших рабфаки, школы II ступени, высшие учебные заведения, находящихся на действительной военной службе в кадровых стрелковых частях РККА. Составлена Инспекцией Пехоты РККА. Стр. 24. Ц. 15 к.

Полевая книжка (в прочном и изящном переплете). Ц. 70 к.

Зуев, Д. — Тактические стрелковые планы. Комплект из 9 карт. Ц. 1 р. 80 к.

Неслуховский, К. Ф. — Топографический план для занятий по тактике и топографии при помощи губки и куска мела (4 больших листа). Ц. 3 р.

МИШЕНИ—всех образцов.

ВОИНСКИЕ УСТАВЫ И НАСТАВЛЕНИЯ 1926—1927 г.г. В ПРОДАЖЕ—ВСЕ НАИМЕНОВАНИЯ, В ЛЮБОМ КОЛИЧЕСТВЕ

В КНИЖНЫХ МАГАЗИНАХ ВОЕННОЙ ТИПОГРАФИИ ИМЕЮТСЯ НА СКЛАДЕ ПРИОБРЕТЕННЫЕ ПОЧТИ ПОЛНЫМИ ТИРАЖАМИ ОТ бывш. ГВИЗ'а СЛЕДУЮЩИЕ ЕГО ИЗДАНИЯ:

Бобинский, А.—Руководство по полевому телефонному делу. Изд. 2-е, исправленное. Ц. 1 р. 75 к.

Липман, Ф.—Одиночное боевое обучение. 124 стр., с 8 ч. и 8 рис. в приложении. Ц. 1 р. 30 к. (в пер.).

Петров.—Подготовка России к Мировой войне на море. (В перепл.). Ц. 2 р.

Барсуков.—Подготовка России к Мировой войне в артиллерийском отношении. (В перепл.). Ц. 1 р. 15 к.

Свечников.—Борьба Красной армии на Северном Кавказе. (В перепл.). Ц. 1 р. 90 к.

КАТАЛОГИ:

По первому требованию высылаются бесплатно:

- **ВОЕННЫХ КНИГ Книжных Магазинов Военной Типографии.**
- **ГРАЖДАНСКИХ КНИГ Книжных Магазинов Военной Типографии.**
- **ВОЕННЫХ НАГЛЯДНЫХ ПОСОБИЙ и ПРИБОРОВ Мастерских Военной Типографии.**

Также **бесплатно** высылаются проспекты о двух крайне важных для гойск, школ и клубов приборах изделия Мастерских Военной Типографии: а) **Стеклографе** (множительно-печатный аппарат) и б) **проекторе „Красный Маяк"** (усовершенствованный проекционный фонарь).

Цена 1 р. 20 к.

(в пер. на 30 к. дороже)

СКЛАД ИЗДАНИЯ:

книжные и писчебумажные магазины Военной Типографии Управл. Делами Наркомвоенмор и РВС СССР:

ЛЕНИНГРАД — ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ВОЕН. ТИП.
Просп. 25 Октября, 6, телефон 2-26-09;
Маг. № 1—пр. 25 Октября, 4, т. 5-44-76

МОСКВА — ЦЕНТРАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Арбат, 21, телефон 5-79-90

Ново-Сибирск, Сиб.-Дальневосточная контора
Красный пр., дом Промбанка

Тифлис — ул. Руставели, 10, дом Красной Армии